

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

№ 1 (15)

2014

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –
ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

д.ю.н., профессор Гилинский Я.И. (СПб, РГПУ им.Герцена)
д.ю.н., профессор Готчина Л.В. (СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России)
к.философ.н., Позднякова М.Е. (Москва, Институт социологии РАН)
д.с.н., профессор Егорышев С.В. (Уфа, ВЭГУ)
д.с.н., профессор Невирко Д.Д. (Красноярск, СЮИ ФСКН России)
д.ю.н., профессор Нигматуллин Р.В. (Уфа, УЮИ МВД России)
д.п.н., профессор Подгурецки Юзеф (Республика Польша, Опольский университет)
д.с.н., профессор Коробов В.Б. (Москва, Академия управления МВД России)
д.ю.н., профессор Дубровин С.В. (Москва, Московский университет МВД России)
д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ и ТАССР Малков В.П. (Казань, КЮИ МВД России)
д.техн.н., профессор Минниханов Р.Н. (Управление ГИБДД МВД по РТ)
д.пед.н., профессор В.Ф. Габдулхаков (К(П)ФУ)
д.ю.н., профессор А.Г. Безверхов (Самара, СГУ)

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент Зиннуров Ф.К., начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент Миронов С.Н., заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор Казанцев С.Я., начальник кафедры криминалистики
д.ю.н. Алиулов Р.Р., начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД
д.с.н., профессор Комлев Ю.Ю., начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии
д.э.н., профессор Хадиуллина Г.Н., профессор кафедры экономической теории, правовой статистики, математики, информатики
д.пед.н., профессор Чанышева Г.Г., профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
к.ю.н., доцент Гарафутдинов М.Р., начальник кафедры уголовного права
к.филос.н., доцент Фаткуллин Ф.Ф., начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
к.и.н., доцент Кабиров Д.Э., начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела
к.пед.н., доцент Хрусталева О.Н., начальник редакторского отделения

Выходит с 2010 года ежеквартально.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-50418 от 29 июня 2012 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования.

Наш индекс в журнале «Газеты. Журналы» ОАО «Агентство Роспечать» - 84683

Корректоры Н.А. Климанова, О.Н. Хрусталева

©Казанский юридический институт МВД России. Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru)

Подписано в печать 17.03.2014 г. Формат 60x84 1/8 Усл.печ.л.13,85 Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Тираж 200 экз. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	4
<u>СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ</u>	
Комлев Ю.Ю. Модернистская интеграция: предпосылки, типы и опыт синтеза девиантологических теорий	6
Казанцев С.Я., Красильников В.И., Гайфутдинова А.М. Мониторинг профилактики девиантного поведения подростков	11
<u>ГОСУДАРСТВЕННОЕ, ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО</u>	
Скоробогатов А.В. Правопонимание как элемент правовой реальности	16
Березовская Е.В. Субъекты права: теоретико-методологический анализ	23
<u>УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ</u>	
Варыгин А.Н., Яковлев Д.Ю. Преступления против жизни, совершаемые женщинами (криминологический аспект) ...	29
Номоконов В.А. Антикриминальная политика: от либерализации к радикализации?	32
Демидова-Петрова Е.В. Семья как институт социализации личности несовершеннолетнего преступника (на материалах Республики Татарстан)	37
Баранчикова М.В. К вопросу о квалификации розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции	41
Абуталипов А.Р., Илиджев А.А. К вопросу о юридической природе преступлений против порядка управления в уголовном праве России	46
Абдулганеев Р.Р. Совершенствование системы предупреждения распространения идеологии религиозного экстремизма в сфере религиозного образования	50
Исмагилов Р.А. Некоторые проблемы квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения	55
<u>УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, ОРД и КРИМИНАЛИСТИКА</u>	
Миролюбов С.Л. К вопросу о предпосылках использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений экономической направленности	60
Лукашин М.В., Огурцов А.Е. К вопросу о сущности скрытого наблюдения	64

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Жуковская И.В.

Маркетинговые социо-технологии в системе высшего профессионального образования: синергетический подход 67

Набиев Р.Ф.

Первый случай применения специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права (применение судебной бухгалтерии в XIV в.) 71

Кубасов О.П.

Формирование правоохранительной профессионально-специализированной компетенции у курсантов (слушателей) Казанского юридического института МВД России 77

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Слипченко В.И.

Виды правового режима информации в сфере уголовного судопроизводства Украины ... 84

Шеремет О.С.

Коррупция в Украине: общественная опасность и государственная политика в сфере противодействия 90

Витвицкий С.С.

Эффективность государственного контроля и условия ее повышения 95

Григорович В.Л.

Криминалистическая фотография и криминалистическая голография: сравнительный анализ 100

Трибуна Молодым

Казаченок В.В.

Прохождение службы в тюремных учреждениях Казанской губернии в XIX в. - начале XX вв. 106

Фарвазова Ю.Р.

Совершенствование информационной безопасности как части антитеррористической стратегии России 115

Рыбалкин Д.А.

Дифференциация структурных компонентов антикоррупционной позиции личности по их направленности 121

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Малков В.П.

Отзыв официального оппонента о диссертации Плотникова Александра Ивановича на тему «Объективное и субъективное в преступлении», представленной в диссертационный совет Д 212.123.01 по присуждению докторских и кандидатских диссертаций при Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 - право и криминология; уголовно исполнительное право 126

ABSTRACTS AND KEY WORDS 133

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 137

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ..... 139

CONTENTS

<u>CONTENTS</u>	4
<u>SOCIOLOGY OF DEVIANT ACTIVITIES</u>	
Komlev Y.Y. Modernist integration: prerequisites, types and ex	6
Kazantsev S.Y., Krasil'nikov V.I., Gayfutdinova A.M. Perience synthesis of deviantological theories monitoring of prevention of deviant behavior of teenagers	11
<u>STATE, CIVIL, ADMINISTRATIVE LAW</u>	
Skorobogatov A.V. The concept of law as an element of legal reality	16
Berezovskaya E.V. Subjects of the law: theoretical-methodological analysis	23
<u>CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY</u>	
Varygin A.N., Yakovlev D.U. Crimes against life committed by women (criminological aspect)	29
Nomokonov V.A. Anti-crime policy: from liberalisation to radicalization?	32
Demidova-Petrova E.V. Family as institute of socialization of the personality of the juveline offender (on materials of the Republic of Tatarstan)	37
Baranchikova M.V. To the question of qualification of retail by the minor of alcoholic products	41
Abutalipov A.R., Ilidzhev A.A. To the question of the legal nature of crimes against the management order in criminal law of Russia	46
Abdulganeev R.R. Improvement of preventing system of distribution of ideologycal religious extremism in the sphere of religious education	50
Ismagilov R.A. Some problems of qualification of plunder property from bodies of the dead and places of their burial	55
<u>A CRIMINAL TRIAL, INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINALISTICS</u>	
Mirolubov S.L. To the question of prerequisites use of results of operational search activity at investigation of crimes of the economic orientation	60
Ogurzov A.E., Lukashin M.V. To the question of essence of the hidden supervision	64
<u>HUMANITIES</u>	
Zhukovskaya I.V. Marketing socio-technologies in the system of higher professional education: a synergetic approach	67

Nabiyev R.F.

The first case of using special accounting knowledge in the sphere of international law (application of forensic accounting in the 14th century)	71
--	----

Kubasov O.P.

Formation of law-enforcement professionally specialized competence among cadets (listeners) of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia	77
--	----

INTERNATIONAL COOPERATION AND FOREIGN EXPERIENCE**Slipchenko V.I.**

Types of the legal regime of information in the sphere of criminal legal proceedings of Ukraine	84
---	----

Sheremet O.S.

Corruption in Ukraine: public danger and state policy in the counteraction sphere	90
---	----

Vitvitsky S.S.

Efficiency of the state control and condition of its increase	95
---	----

Grigorovich V.L.

Criminalistic photo and criminalistic holography: comparative analysis	100
--	-----

TRIBUNE for the YOUNG**Kazachenok V.V.**

The service in the penitentiary facilities of the Kazan province in the 19th century - early 20th centuries	106
---	-----

Farvazova Y.U.

Improving information security as part of anti-terrorist strategy of Russia	115
---	-----

Rybalkin D.A.

Differentiation of structural components of the anti-corruption position of the personality on their orientation	121
--	-----

RESEARCH REVIEWS AND NOTICES**Malkov V.P.**

REVIEW of Plotnikov Alexander Ivanovich's thesis on the subject «Objective and Subjective in a Crime», by Malkov V.P. official opponent of the doctor of legal Sciences, professor, the honored worker of science of the Russian Federation and of the Republic of Tatarstan. The thesis was presented to dissertation council D 212.123.01 for award of doctoral and master's degree at the Moscow state law academy of O. E. Kutafin specializing in - the law and criminology; criminal and executive law. Specialty number 12.00.08.	126
---	-----

<u>ABSTRACTS AND KEY WORDS</u>	133
--------------------------------------	-----

<u>INFORMATION FOR AUTHORS</u>	137
--------------------------------------	-----

<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	139
--------------------------------	-----

Ю.Ю. Комлев,

доктор социологических наук, профессор
(КЮИ МВД России)

МОДЕРНИСТСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ТИПЫ И ОПЫТ СИНТЕЗА ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Рассматриваются основные интегративные теории девиантности и преступности в ретроспективном измерении, а также типы причинности, разработанные в рамках позитивизма и неопозитивизма

Ключевые слова: микро-, макро-, микро-макро-модели, модернистская интеграция, концептуальная и пропозициональная теории

Запас знаний и научных исследований до середины 70-х годов XX века не позволял выделить самостоятельный дискурс теоретической интеграции в рамках более сложных концепций, объясняющих изменения темпов насильственной преступности представителей низшего класса или моделирующих латентную делинквентность в среде «белых воротничков» и буржуазной элиты развитых стран Запада. Рост числа девиантных проявлений, их дифференциация, а также неспособность системы формального социального контроля в 70-80-е годы прошлого века, прежде всего в США, сбить «волну преступности» привели к «кризису наказания» или «полицейского контроля». В этих условиях сложился запрос на разработку интегративной парадигмы в девиантологии. Новый интегративный подход в моделировании природы делинквентности и других форм социального неблагополучия предполагал более полный учет различных сфер человеческой деятельности, синтез причинно-следственных связей, заимствованных из ряда локально «работающих» и непротиворечивых монотеорий.

Интегративная перспектива анализа девиантности и преступности сформировалась лишь со второй половины 70-х, в 80-90-годы как реакция на ограниченность объяснительных возможностей большого количества монотеорий девиантности в новых социальных условиях. Впрочем, первые попытки интеграции элементов на-

учных теорий, их взаимное влияние имели место и на более ранних этапах развития девиантологической мысли, например, в работах Коэна (1955), Клоурда и Олина (1960), Реклесса (1973) и других социологов и криминологов. [1]

Интерес к теоретической интеграции был также связан с тем, что девиантологи стремились разработать базовые понятия и принципы причинности, способные обеспечить согласованность положений отдельных теорий и выстроить более комплексные, если не всеобъемлющие, этиологические модели девиантности и преступности. Так, Джек Гиббс (1989) определил понятие «контроль», а Стивен Месснер и Ричард Розенфельд (1994) идентифицировали концепт «культура» как центральное понятие интегративной теории. Интегративный подход стал многообещающим в более адекватном комплексном объяснении множественных причинно-следственных связей в контексте объяснения природы различных проявлений девиантности и практик социального контроля.

Эйнстэдтер и Генри в 1995 году выделили четыре типа причинности в контексте теоретической интеграции (*линейная, множественная, интерактивная, диалектическая*). [2]

Линейную причинность они интерпретировали как последовательность событий, в которой каждый предыдущий случай генерирует условия для последующего, пока не наступит финальный криминальный акт. Множественная причинность в ранних ин-

терпретациях криминологов моделировала преступный акт как результат действия нескольких условий (разрыв с родителями, слабая приверженность к школьной учебе, идентификация с преступной группой): любое из них могло привести к преступлению. В более поздних вероятностных версиях причины преступления стали выступать необходимым, но недостаточным условием для совершения преступления. Интерактивная причинность характеризуется еще большей сложностью, поскольку причина и следствие имеют циклический характер взаимодействия, меняясь местами. Диалектическая причинность является образцом множественной интерактивной причинно-следственной взаимосвязи. Она охватывает взаимосвязи между несколькими причинами и следствиями одновременно. В модернистских интегративных теориях, как правило, подразумевается линейная или множественная причинность.

Увлечение социологов и криминологов интегративным подходом привело к появлению целого ряда модернистских интегративных теорий девиантности и преступности. Это работы Говарда Каплана (1975), Рональда Айкерса (1975), Ричарда Куинни (1977), Дэлбета Эллиота (1979), Ричарда Джонсона (1979), Марка Колвина и Джона Паули (1983), Фрэнка Пирсона и Нэйла Уэйнера (1983), Джеймса Уилсона и Ричарда Хернштайна (1985), Томаса Бернарда (1986), Мервина Крона (1986), Джона Хагэна (1988) и многих других исследователей.

Рональд Айкерс в работе «Криминологические теории: введение и эволюция» (1997) рассматривает три принципиальных способа, с помощью которых можно дать оценку и способствовать развитию теории. Первый заключается в том, чтобы проверить, подтверждаются ли выдвинутые гипотезы в ходе практики и испытания временем. Второй способ состоит в том, чтобы использовать «теоретическое соревнование», то есть выполнить логическое, концептуальное или эмпирическое сравнение двух или более теорий для того, чтобы выяснить, какая модель лучше объясняет девиантное поведение. Третий способ – работа над те-

оретической интеграцией. Она определяется исследователем как комбинация двух или более теорий, которые отбираются на основе их общности в единую переформулированную теоретическую модель с большим объяснительным потенциалом, чем в каждой исходно взятой теории. В процессе разработки интегративной теории в нее могут как включаться, так и не включаться совместимые (непротиворечивые) суждения и идеи из других теорий. [3]

Современный разработчик интегративной парадигмы в девиантологии Грэг Барак выделил три уровня группировки модернистских теорий: *микромодел* (микросоциальные процессы), *макромодел* (макросоциальные структуры), *микро-макро*, или смешанные модели. [4]

Для микромоделей существенна роль социальных процессов и личностных характеристик индивидов в объяснении преступного поведения. Так, Джеймс Уилсон и Ричард Хернштайн (1985) выдвинули комбинированную гипотезу, в соответствии с которой в природе преступления первостепенное значение имеют социальное научение индивида и его наследственные факторы (импульсивность, низкий интеллект). Эта теоретическая конструкция была нацелена на интегративное моделирование агрессивного, жестокого криминального поведения.

Мервин Д. Крон (1986) в своей сетевой теории предложил более сложную интегративную модель преступного поведения на основе социального обучения, социальных связей и социального контроля в процессе взаимодействия индивидов в форме социальной сети. Крон считал, что чем ниже плотность сети по отношению к плотности населения, тем слабее ограничения против несоответствия нормам и тем выше уровень преступности.

Для макромоделей при прогнозировании преступности существенна роль структурных факторов. Так, Родни Старк (1987) обосновал структурную теорию преступности с использованием концепта «экология среды обитания». Он объединил влияние ряда средовых (плотность населения, ветхость жилья) и экономических (бед-

ность) факторов на преступность. Джон Хагэн (1988) выдвинул структурную теорию контроля власти, пола и поведения, где объединил базовые элементы неомарксизма, гендерного анализа и теорий контроля.

Для микро-макромоделей характерно объединение положений из процессных и структурных теорий девиантности. Фрэнк Пирсон и Нэйл Уэйнер (1985) предложили модель интеграции на основе социального обучения с включением пропозиций из теории социальной связи, утешения и рационального выбора теорий напряжения и использования незаконных возможностей.

Девиантологи используют различные основания для типологизации интегративных теорий. Так, Ален Лиска, обобщая опыт теоретического синтеза в 1980-е годы, выделил концептуальную и пропозициональную интеграцию. Концептуальная возникает тогда, когда понятия из одной теории перекрывают в своем значении понятия из других теорий. Пропозициональная интеграция связывает суждения (положения) из различных теорий. К первому типу относятся, например, интегративные теории концептуального поглощения Р. Айкерса и концептуальной интегративной рамки Ф. Пирсона и Н. Уэйнера. Ко второму – интегративная модель напряжения, связи и научения Д. Элиота, интегративные теории М. Крона, Т. Торнберри и других авторов.

Рассмотрим наиболее яркий опыт модернистской *концептуальной и пропозициональной интеграции*.

Теория концептуального поглощения Р. Айкерса. Р. Айкерс в 1975 году показал, что идеи теории социального научения частично совпадают с положениями из теорий социальной связи, стигматизации, конфликта и аномии. Позже он предположил, что интеграция может достигаться с помощью концептуального поглощения. Концептуальное поглощение означает абсорбцию понятий из одной теории понятиями другой в тех случаях, когда это позволяет описываемое ими явление. Например, в теории социальной связи концепт «убеждение» относится к обычным моральным убеждениям, которые строго придерживаются виновности. Кон-

цепт «убеждение» может быть абсорбирован в теорию социального научения для определения неблагоприятных дефиниций закона, способствующих совершению преступления, и благоприятных, останавливающих перед совершением зла. Айкерс считает, что концепт «приверженность» из теории социальной связи также может быть абсорбирован в теорию социального научения.

Теория концептуальной интегративной рамки Ф.Пирсона и Н.Уэйнера. Удачная попытка концептуальной интеграции была сделана Фрэнком С. Пирсоном и Нейлом А. Уэйнером (1985), в которой они объединили концепты из наиболее важных макро- и микротеорий криминального поведения в одну интегративную рамку. Предложенная модель интеграции выполнена на основе выделения понятий, которые являются общими для разных монотеорий и, в свою очередь, характеризуют эти понятия в рамках общей структуры.

Основой модели Пирсона и Уэйнера является теория социального научения. С ее помощью они установили восемь основных концептуальных положений. Шесть из них ссылаются на предшествующие факторы в процессе научения: 1) выгода (награда/наказание), 2) поведенческие навыки (техника совершения преступления), 3) символы благоприятных возможностей совершения преступления, 4) поведенческие ресурсы, 5) правила целесообразности (дают указания для получения максимальной награды и избегания негативных санкций), 6) правила морали (определяют поведение как плохое или хорошее).

Оставшиеся положения имеют отношение к определению двух обратных связей в механизме социального научения, как результат действия по линии: 7) получение выгоды (приобретение наград и наказаний) и 8) получение информации (знание о поведении, которое могло быть использовано для повторного действия). Позже Пирсон и Уэйнер показали, как принципиальные положения из других наиболее важных теорий могут быть вариациями или подтипами этих восьми основных положений. Например, они полагали, что привязанность к другим

(из теории социальной связи) влечет за собой подражание им и эти, другие, становятся источником позитивной выгоды в форме эмоционального удовлетворения. Концепт приверженности также соответствует концепту выгодных требований. Положения из теорий устрашения и рационального выбора также могут быть отнесены к выгодным требованиям, правилам целесообразности, знакам благоприятных возможностей, выгодным и информационным приобретениям. Положения из теорий напряжения, использования незаконных возможностей объединяются с концептами выгодных требований, правил целесообразности, знаков благоприятных возможностей. Наконец, Пирсон и Уэйнер добавили в интегративную рамку концепцию макроуровня как социально-структурированный источник производства и распространения выгоды, возможностей, правил целесообразности и морали.

Интегративная модель напряжения, связи и научения Д.Элиота. Дельберт С. Элиот предложил пропозициональную интеграцию на основе теорий напряжения, социальной связи и социального научения. Его интегрированная модель предполагает, что движение в сторону делинквентности начинается с напряжения, возникающего в семье и школе, затем оно подпадает под влияние слабых конвенциональных социальных связей в рамках традиционных структур и, наконец, под воздействием сильных связей с делинквентными сверстниками приводит к девиантному поведению.

Аналогичные построения в 80-е годы предложили А.Лиска (теория «состязания») и Т.Торнберри («интерактивная теория»), М.Крон («сетевая теория»), Ч.Титтл (теория «баланса контроля») и другие. [5]

Работа над теоретической интеграций с модернистских позиций продолжилась и в 90-е годы XX столетия. Это труды Джеймса Коулмана, Терэнса Мифа и Роберта Мейера, Бэки Татума.

Интегративная теория беловоротничковой преступности. На рубеже 80-х Джеймс Самуэль Коулман в работе «Преступная элита» (1989) сформулировал микро-макро интегративную теорию беловоротничковой

преступности, которая объясняет и корпоративные, и профессиональные преступления. С одной стороны, он на микроуровне анализирует психологические побуждения «беззаботных» и «эгоцентричных» «белых воротничков». С другой, на уровне макро выполняет анализ «структуры оппозиции» (законный и незаконный).

Коулман рассматривает также «культуру соревнования», которая может быть проверена этическими нормами, СМИ, символической силой закона. Он определенно подчеркивает роль «техник нейтрализации» в корпоративном мире, которые разрушают этические нормы поведения. Они являются продуктом корпоративной культуры, где эффективная бюрократия порождает своего рода аморальный прагматизм. Он также утверждает, что законные и незаконные оппозиционные стороны дифференцированно распределены согласно рынку и потребностям правовых систем. В пределах крупномасштабных организационных структур это означает, что беловоротничковые преступления – продукт ценностей, установленных требованиями рынка и проведения законов в жизнь. [6] В итоге Коулман утверждает, что корпоративная субкультура является существенной в побуждении к профессиональным преступлениям.

Контекстуальная теория. Терэнс Миф и Роберт Мейер в работе «Преступление и его социальный контекст: к интегрированной теории преступников, их жертв и ситуаций» (1994) утверждают, что преступления не могут произойти без особого социального контекста. Они заявляют, что преступления значительно различаются с точки зрения своей социальной экологии и преступной мотивации. Предложенная учеными макро-микромодель учитывает факторы виктимизации, поскольку обычные действия в повседневной жизни нередко создают ситуации, провоцирующие преступления. Однако, прежде всего, Миф и Мейер концентрируются на социальном контексте преступления, который задают следующие структурные факторы: низкий социально-экономический статус, подвижность населения, этническая разнородность и неполные семьи.

Интегративная теория структурного притеснения. Беки Татум в 1995 году предложил микро-макроинтегральную теорию преступности – теорию структурного притеснения. Модель Татума стремится объяснить преступления угнетаемой части населения «структурным притеснением», отношениями между ней и социальным окружением с учетом психологического состояния отчуждения этих людей в трех формах адаптивного поведения – ассимиляции, делинквентности, протестных девиаций. Татум попытался связать структурные условия, восприятие афроамериканцев, отчуждение, преступления и девиации, совершаемые в этой среде под давлением «структурного притеснения».

Теория Татума утверждает, что неоколониальная модель притеснений не только объясняет расовые и классовые различия в преступности, но также раскрывает ее историческую ориентацию, объясняет ее отличие от других структурных моделей. В то же самое время эта модель перемещает исследование преступления «от жертв притеснения к эксплуатирующим структурам современного общества».[7]

Обзор модернистских интегративных теорий 80-90-х годов был бы неполным, если бы не критика девиантологов - сторонников постмодернистской теоретической интеграции. Так, Грэг Барак считает, что модернистские

теории ограничены выбором тех или иных интегральных переменных при объяснении девиантности и преступности.[8] Объяснительный потенциал интегративных теорий модернистов снижен за счет простого объединения непротиворечивых положений или самих монотеорий, поскольку криминальная реальность значительно сложнее ее позитивистских моделей. Кроме того, модернисты игнорируют такие типы социального знания, как: медиа-дискурсы, текстуальность, культуру, гендер, участвующие в конструировании криминальной реальности и правосудия.

Таким образом, теоретическая интеграция в области девиантологии стала возможна во второй четверти XX столетия как реакция на «кризис наказания». Основную лепту в развитие интегративной парадигмы внесли американские социологи и криминологи-неопозитивисты. Успешный опыт теоретического синтеза позволил существенно повысить объяснительный, эвристический потенциал девиантологии. Он послужил мощным стимулом для развития интегративного дискурса, создал широкую площадку для конструктивной критики новых теорий, а также дал толчок развитию постмодернистской, а затем в начале нового века и пост-постмодернистской теоретической интеграции, что может быть предметом специального исследования и соответствующих публикаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2013. С.277-284.
2. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon, 1998. P.191.
3. Akers R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.205-206.
4. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P.193-199.
5. Akers R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.214-219.
6. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P.201-202.
7. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P.208.
8. Barak G. Integrating criminologies. Allyn & Bacon. 1998. P.211.

С.Я. Казанцев,
доктор педагогических наук,
профессор
(КЮИ МВД России)

В.И. Красильников,
доктор медицинских наук,
профессор
(КЮИ МВД России)

А.М. Гайфутдинова,
аспирант
(КазГУКИ)

МОНИТОРИНГ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В Приволжском и Вахитовском районах г. Казани совместно с органами управления культуры муниципальных районов за 2010-2012 годы обобщен опыт работы учреждений культуры муниципальных районов по разработке и внедрению инновационных проектов, направленных на организацию содержательного досуга детей и молодежи. Результаты оценивались на основании данных комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Отмечены положительные результаты сотрудничества.

Ключевые слова: подростки, девиантное поведение, социальное, формирование, кризис, правосознание.

Актуальность исследования Подростки, являющиеся потенциальным экономически активным населением страны, характеризуются как социальная группа, жизнедеятельность которой характеризуется интересом ко всему неизведанному, стремлением быть взрослым, осознать себя, своё место среди друзей, сверстников. [1,2,4] Качества, присущие подростковому поколению: предрасположенность к новому, нетерпимость к рутине, динамизм, импульсивность. Социализация подростков в досуге есть не менее сложный процесс, чем учеба и труд. В коллективах досуг является существенным звеном социального воспитания личности, стимулом его творческого, интеллектуального, духовно-нравственного, физического развития, процессом, направленным на углубление и расширение знаний, гуманизацию чувств и поступков. [3,4] Социальное воспитание подростков в процессе культурно-досуговой деятельности также включает комплекс мероприятий различного направления: духовно-нрав-

ственного, гражданско-патриотического, художественно-эстетического, экологического, спортивно-оздоровительного. [5,6,7]

Новизна исследования представляет собой варианты комбинаций профилактических стратегий, компонентов. Многокомпонентные программы позволяют получить объединенный эффект комбинации разнонаправленных профилактических стратегий. Составными компонентами интегративных профилактических программ часто являются знания о психоактивных веществах и последствиях их употребления, развитие мотивации на укрепление здоровья, формирование жизненных навыков (разрешения проблем, поиска и восприятия социальной поддержки, противостояния давлению употребить психоактивные вещества и защиты себя и других сверстников в ситуациях связанных с возможным их употреблением). Несовместимые с употреблением вредных веществ альтернативная деятельность (спорт, творчество, культурные мероприятия, хобби и т.д.) и формирование системы ценно-

стей, норм поведения и жизненного стиля, как правило, являются компонентами интегративных профилактических программ.

Цель исследования. Разработка и применение профилактических мероприятий по предупреждению и устранению девиантного поведения подростков, базирующихся на взаимовлиянии идей экзистенциализма и прагматизма, что выражается в ориентации на воспитание, помогающее данному контингенту населения испытывать всю полноту жизненных проявлений, где полноценное проживание и переживание собственной жизни ставит его перед проблемой самостоятельного выбора.

Задачи исследования

1. Внедрение новых форм формирования правосознания подростков, повышения образованности, усвоения морально-нравственных норм поведения в обществе.

2. Обеспечение осознания подростками стабильности норм поведения и необходимости её применения, в том числе неотвратимости профилактики.

3. Признание подростками соблюдение прав и обязанностей, требований, предъявляемых государством, к выполнению установленных обществом социальных норм поведения.

Материалы и методы В Приволжском и Вахитовском районах г. Казани проведено исследование эффективности функционирования сети воспитательно-образовательных учреждений, социально-педагогических общностей, территориальных групп и объединений, служб помощи семье и детству, направленных на социальную защиту и реализацию прав подростка, на его успешное разностороннее развитие и самореализацию.

Период исследования от 1 до 3 лет, всего подлежало наблюдению 247 подростков из 312 наблюдаемых семей.

Методологической основой работы были выбраны следующие основные социально-значимые направления: просвещение подростков; развитие творчества и общественной активности; организация широкого общения; обеспечение отдыха и развлечений.

Рост интереса у подростков к современным социальным и культурным процессам и личностному самоопределению свидетельствует о том, что их стремление к получению образования выходит за рамки простого овладения знаниями, навыками. Для этого социальные учреждения, обеспечивающие досуг, должны создавать оптимальные условия для развития личности подростков, оказывать помощь в самовоспитании, самоопределении, нравственном совершенствовании. [8,9,10,11]

Нами были выделены следующие основные направления в работе с подростками:

1. Профилактическое: выезды в специальные учреждения закрытого типа (специприемник, спецшкола); профилактические беседы.

2. Психологическая реабилитация: психологические тренинги – позитивное развитие личности; психологический семинар для родителей трудных подростков; психологический семинар для учителей.

3. Социально-педагогическая реабилитация: организация летнего оздоровительного лагеря городского типа; уроки этики и морали.

4. Организация культуры и досуга: экскурсии по достопримечательным памятным местам города; посещение кружков и секций ДДЮТ; проведение различных культурно-досуговых мероприятий.

Материалы собственных исследований

Установлено, что подростковому возрасту присущи различные типы нарушенного поведения, поэтому многие авторы связывают девиантное поведение с нарушенным поведением. Нарушенное поведение – это понятие неоднозначное, в терминологическом отношении нарушенное поведение часто рассматривается как синоним словосочетаний «трудный ребёнок», «ненормальное поведение», «ребёнок с нарушениями в аффективной сфере», «девиантное поведение», «отклоняющееся поведение», «делинквентное поведение», «противоправное, преступное, криминальное поведение» и др.

Определены следующие основные типы девиантных подростков:

1. Подростки с выраженной дисгармонией физического и психического развития, которая часто сопровождается общей раздражительностью, импульсивностью, грубостью, склонностью к насилию, сексуальными аномалиями.

2. Подростки, характеризующиеся нелинейностью умственного развития, которое происходит скачкообразно, вызывая у подростков повышенную самооценку, самоуверенность, лидерские притязания, способствуя размыванию нравственных установок, формированию автономной шкалы ценностей.

3. Подростки подвижно-беспокойные, чей психический статус пронизан аффективностью и инфантильностью, обучение окрашено малоуспешностью, а поведение - неорганизованностью и недисциплинированностью.

Отмечена тенденция к нарушению межпоколенных позитивных духовных связей, что сказывается на формировании и протекании социализации. Основным источником возникновения девиантности подростков является неправильное семейное воспитание, переходящее в отклоняющееся поведение, усложняющее процесс социализации личности, и усвоение системы социальных ролей, неспособность взглянуть на происходящее со стороны, поставить себя на место другого. При этом вырабатывается совокупность отрицательных привычек, потребностей, негативных реакций, ранимость как стереотип восприятия и поведения, который необходимо изменить мерами педагогического воздействия, состоящими из стимуляции положительного поведения и ограничения внешнего негатива. Для чего рекомендуется:

- Демонстрация стабильности нормы и неотвратимости её применения, в том числе путём придания более широкой гласности случаев нарушения социальных норм.

- Информирование несовершеннолетних об их правах и обязанностях, о требованиях, предъявляемых государством и обществом к выполнению установленных для данной возрастной группы социальных норм.

- Формирование правосознания подрост-

ков, повышение их образованности, усвоение ими морально-нравственных норм поведения в обществе через театр, художественную литературу, СМИ, кино, а также через систему социального обучения.

- Формирование таких черт поведения, как: быть хозяином своего слова и дела; тормозить стремления и мотивы, способные привести к поступкам, наносящим вред обществу; концентрировать усилия на главном, наиболее важном в настоящее время; ставить перед собой продуманные и не противоречащие праву цели, подчиняя им мимолетные влечения.

- Повышение у подростков устойчивости к различным социальным влияниям, в том числе к употреблению ПАВ.

- Повышение индивидуальной компетентности путём обучения личностным и социальным навыкам (коммуникация, налаживание социальных контактов, умение отказывать, отстаивание своей позиции)

- Информирование и повышение социальной компетентности.

- Предложения специфической позитивной активности, предполагающие сильные эмоции и преодоление сильного рода препятствий.

- Комбинация специфических личностных потребностей со специфической позитивной активностью.

- Поощрение участия во всех видах деятельности.

- Создание групп поддержки молодых людей, заботящихся об активном выборе своей жизненной позиции.

Что и ориентирует на воспитание, помогающее данному подростку испытывать всю полноту жизненных проявлений, полноценное проживание и переживание собственной жизни и ставит его перед проблемой самостоятельного выбора позитивного направления. Этому способствуют внешкольные клубные объединения, клубы по месту жительства, досуговые центры, подростковые клубы. Особо необходимо отметить опыт внедрения в Республике Татарстан занятий детей и молодежи физкультурой и спортом, создания спортивных секций, кружков, сообществ для несовершеннолетних по раз-

нообразным направлениям. Спортивные занятия для подростков организуются на базе спортивных залов городских, районных, управлений внутренних дел, где можно удовлетворить самые разнообразные спортивные интересы – заниматься волейболом, стрельбой, футболом, национальной борьбой, изучением боевых приемов самбо и общей физической подготовкой.

Резюме

К основным причинам девиантного поведения, как правило, относится нарушение социальной справедливости, кризис института семьи, культ гедонизма, пропаганда насилия, недостаток общественного внимания. Подростки впитывают все отрицательные явления мира, а агентами их социализации стали СМИ со своей деструктивной информацией. Единственным способом сублимации внутренней пустоты подростков становятся наиболее дерзкие формы и способы девиантного поведения. Таким образом, девиантность связана с имитацией – стремлением подражать во всем кому-либо. Подростки копируют манеру поведения своих сверстников или взрослых. Благодаря совместной деятельности у подростков также постепенно развивается социальное самосознание; в группе они чувствуют себя увереннее, безопаснее, привыкают ею дорожить, гордиться, заботиться о её процветании.

Выводы

Необходимо отметить, что дети очень рано обнаруживают чувствительность к своим правам, но очень неохотно признают права других, идущие вразрез с их собственными желаниями. Именно поэтому притязания взрослых на ограничение их прав в пользу других подростки воспринимают как покушение на их свободу, проявление права силы, которое можно и нужно оспаривать. В качестве показателя эффективности преодоления и предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних является наличие гуманистически ориентированных социальных учреждений, их открытый характер.

Для решения этой проблемы необходимо включение в школьную программу специалистов социальной сферы; координации воспитательной деятельности учителей, родителей, администрации школы; создания необходимых условий в классе, школе. Реальная практика действенного решения социальных проблем, в том числе в предупреждении, выявлении и преодолении девиантного поведения обучаемого, диктует необходимость создания специальной социальной службы школы. Именно совместная работа в организации, спортивной секции, кружке является лучшей почвой для развития чувства права, ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гишинский Я.И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория //СОЦИС. 1991. №4. С.15-29
2. Думов С.Б. Совместная деятельность образовательных и социально-педагогических учреждений по преодолению отклоняющегося поведения подростков: автореф. дис. ... канд.пед.наук. Волгоград, 1996. 23 с.
3. Захарова Е.А. Гуманистические подходы к процессу преодоления девиантного поведения в педагогических исследованиях России, США и Канады: автореф. дис. ... канд.пед.наук. Хабаровск, 2004. 19 с.
4. Зиннуров Ф. К. Педагогическая профилактика и коррекция девиантного поведения подростков в условиях социокультурной среды: монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2013. 472 с.
5. Ишембитова З.Г. Башкирская народная педагогика как средство профилактики девиантного поведения подростков: автореф. дис. ...канд.пед.наук. Чебоксары, 2005. 24 с.
6. Нуриева Н.С. Нравственно-половое воспитание подростков в школах США: автореф. дис. ... канд.пед.наук. Казань: КГПУ, 2000 24 с.

7. Оздиев С.А. Региональные аспекты девиантного поведения молодежи (на примере чеченской республики): дис. ...канд.пед.наук. – Краснодар, 2006. – 20 с.
8. Хусаинов Л.Р. Педагогическая профилактика девиантного поведения учащихся школы: автореф. дис. ...канд.пед.наук. – Казань, 2004 – 18 с.
9. Ягудин З. Г. Социально-педагогические технологии перевоспитания подростков с девиантным поведением: дис. ... канд.пед.наук. – Казань, 2001 г.- 18 с.
10. Podgorecki J. Social Cjmmunications for teachers. – Cherson, 2009. – 319 s.
11. Podgorecki J. Problemi socjalnoj I profesjionalnoj komunikacjii. Komunikacyjna kultura predprinimatelia. – Tomsk, 2009. – 214 s.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Комлев Ю.Ю.

Основы конфликтологии: теория, анализ и управление конфликтами в органах внутренних дел: учебное пособие / Ю.Ю. Комлев. – 2-е изд. перераб. и дополн. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 179 с.

Второе издание, переработанное и дополненное

Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России

В доступной форме раскрываются генезис и основы конфликтологических знаний, приводятся ключевые понятия и методология изучения конфликтов в структурном, функциональном, типологическом и организационном измерениях.

Особое внимание уделяется содержанию, специфике, анализу и факторам конфликтности в органах внутренних дел, а также вопросам профилактики и управления конфликтами. Содержание, структура и логика изложения учебного материала построены с учетом требований образовательных стандартов к подготовке юристов по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности».

Предназначается для курсантов, слушателей вузов системы МВД России, профессорско-преподавательского состава, практических работников системы органов внутренних дел, а также широкого круга специалистов, интересующихся проблемами конфликтов.

А.В. Скоробогатов,
доктор исторических наук, доцент
(ИЭУП)

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена исследованию юридического и философского значения категории «правопонимание». На основе исследования сущности права и методологических оснований отдельных правовых теорий делается вывод о плюрализме правопонимания, его обусловленности как общими закономерностями научного развития, так и особенностями социокультурного развития России на современном этапе.

Ключевые слова: правопонимание, сущность права, теории права, методология исследования права

Сформировавшаяся на рубеже XX-XXI вв. правовая реальность [1] России характеризуется трансгрессивным состоянием общества, выражающимся в широком распространении незаконодательных (неправовых) практик, низком уровне нормативной правовой культуры, правовом нигилизме и правовом инфантилизме на общесоциальном, коллективно-групповом и индивидуальном уровнях. Сформировавшиеся правовой идеал и правовой опыт ориентируют на решение коллизий и достижение бесконфликтного сосуществования не на основе установленной государством правовой нормы, а путем применения правил социальной справедливости (неписаного права). В значительной степени это определяется коллизийностью правопонимания российского общества не только на обыденном и профессиональном, но и на доктринальном уровне.

Многозначность термина «право» определяется не только языковыми, но и сущностными характеристиками. Историко-культурные особенности формирования национальных правовых систем, приведшие к созданию разных образов права, одновременно обусловили его предельную значимость как социального регулятора. Однако в переходных обществах, сформировавшихся на постсоветском пространстве, значение права не только как юридиче-

ской, но и философско-правовой категории недооценивается.

Проблемы права и правопонимания занимают большое место в современных гуманитарных науках. Но если социальная философия и социология основное внимание сосредоточили на изучении социального механизма действия права в правовой реальности России, [2] то юриспруденция преимущественно сосредоточила внимание на анализе проблем механизма правового регулирования и сущности права в этом контексте. [3]

В современной российской юриспруденции наблюдается кризис правопонимания, заложенный отказом от единой марксистско-ленинской методологии и теоретическим агломератом конституционного правопонимания. Российское право переживает переходный период, заключающийся в полной смене существующих установок и переосмыслении базовых ценностей. [4] Господствовавший в советское время нормативный подход оказался неспособным описать всю сложность и многогранность феномена российского права, как с точки зрения его сущности и содержания, так и с формальных позиций (не случайно столь активно идут споры о том, является ли источником российского права судебный прецедент). [5]

В определенной степени это обусловле-

но своеобразием правовой реальности современной России. Правовая реальность способна влиять на правопонимание и правосознание до тех пор, пока действительная справедливость (закрепленная в нормативных правовых актах) остается тождественна понятию справедливости (образу социальной справедливости). Как только тождество перестает быть таковым, правосознание начинает противодействовать правовой реальности и при определенных условиях оказывается способным менять ее качественно,[6] а правопонимание приобретает как горизонтальную, так и вертикальную коллизионность.

В предшествующий период формирования понимания права в обыденном правосознании преимущественно определялось государственной деятельностью, которая поддерживалась институтами, отвечающими за идеологию (церковь и коммунистическая партия). Основной задачей становилось не просто включение индивида в правовую реальность, но и придание его действиям максимально правомерного характера, что обеспечивалось формированием в правосознании убеждения в необходимости осуществления единственно правильного и возможного варианта поведения, который не только закреплен в нормативных правовых актах, но и соответствует социальной справедливости в ее идеологическом выражении. Реализация этих правил гарантировала правомерное поведение отдельному индивиду и достижение правопорядка для всего общества. Одновременно индивид закладывал основы для своего личного и общественного благосостояния в будущем.

В 1990-е гг. формируется совершенно новый правовой менталитет, представляющий собой синтез правовой памяти и ментального компонента правового опыта. В обыденном правосознании сформировался образ права, который не соответствует официальному. Провозглашенный государством плюрализм воспринимался не как его сила, а как слабость, неспособность правовыми средствами создать условия достойного существования человека. Заявленное же равенство возможностей в сочетании

с традиционным представлением о корреляции власти и богатства лишь усиливало негативный настрой ко всем проводимым государством мероприятиям, в т.ч. и в области права.

Отсутствие достаточно эффективного механизма правового регулирования привело к принятию нормативных правовых актов, которые не были реализованы на практике, поскольку не соответствовали социальным представлениям о справедливости, а государство не имело достаточно воли для их принудительной реализации. Это привело к возникновению совершенно нового правового идеала,[7] в котором место должного, идеального поведения, основанного на нормативном эталоне, постепенно заменило сущее, ориентированное на получение материального блага «здесь и сейчас», без учета последствий и соответствия действий правовой норме. В правовой реальности получили распространение различные проявления незаконодательных (неправовых в понимании государства) практик, которые стали основным средством регулирования общественных отношений. Для гражданина важно не то, насколько его действия соответствуют закону, являются справедливыми, а то, насколько они соответствуют представлениям о «правильном», справедливом в том обществе или социальном сообществе, членом которого он является. Широко распространились проявления правового нигилизма и правового идеализма как в среде «обывателей», так и в среде государственных служащих, в т.ч. представителей правоохранительных органов. Хотя подобные практики существовали и ранее, но они являлись лишь исключением и не влияли на характер правовой реальности. Теперь же именно незаконодательные практики стали определяющим фактором. В социальной среде сформировалось крайне негативное отношение к правовым нормам, издаваемым государством. Законы, которые не соответствовали представлениям о социальной справедливости и не были реализованы на практике в силу отсутствия эффективного механизма правового регулирования, стали восприниматься как единственный ва-

риант государственного законодательства. В правовой реальности современной России закон, изданный государством, воспринимается как «плохой», «неправильный», и совершенно необязательно его читать, чтобы в этом убедиться. Противопоставление закона и справедливости дополнительно подчеркивают судебные шоу и криминальные сериалы, которые убеждают граждан, что поступить «правильно» (т.е. в интересах гражданина) можно только по справедливости, а закон это не позволяет.

Ослабление роли государства в правовой социализации граждан в 1990-е гг. привело к разрыву доктринального и профессионального правопонимания и обыденного понимания права. С одной стороны, гуманитарные науки занялись поиском принципиально нового типа правопонимания, который мог бы адекватно объяснить правовую систему России в контексте взаимосвязи правотворчества и правоприменения и с учетом конституционного равенства трех конкурирующих правовых доктрин: естественно-правовой, нормативистской и юридико-социологической. С другой стороны, правоприменитель, пользуясь слабостью государства, стал основывать свою деятельность не только и не столько на юридической норме, сколько на удовлетворении своих собственных (зачастую корыстных) интересов.

Традиционная черта российской правовой культуры – вертикальный перенос ответственности – также претерпела существенные изменения. Гражданин по-прежнему уверен, что при наличии субъекта, который выше его по авторитету или по положению, именно он должен решить его проблему, а следовательно, можно отказаться от ее решения, возложив эту ответственность на указанного субъекта. Однако если в 1990-е гг. таким субъектом выступали неформальные лидеры, то в 2000-е гг. это было перенесено на представителей государства. Но и в том, и в другом случае граждане уверены, что решение их вопроса невозможно осуществить без определенного подношения (взятки).

Ситуация несколько стала меняться

в последние годы, когда государство, осознав проблемы правовой реальности, приняло ряд мер, направленных на преодоление негативных явлений, получивших распространение в обществе. Во-первых, правовое воспитание приобретает целенаправленный характер, будучи призванным сформировать российскую гражданскую идентичность. Во-вторых, борьба с коррупцией перестает носить характер кампанейщины и становится одним из ведущих направлений правовой реформы. В-третьих, постепенно в СМИ появляются материалы, направленные на формирование уважения к государству, правотворцам и правоприменителям. В совокупности это может способствовать формированию нового правового идеала и новой правовой реальности.

Противоречивость российского юридического дискурса определяется не только внутренними особенностями развития российского права, но и общемировыми закономерностями усложнения роли права как социального регулятора. Лингвистический поворот, осуществленный в гуманитарных науках еще в 1980-е гг., показал, что «право» выступает не только юридическим феноменом, оно одновременно является важнейшей лингво-культурологической категорией, которая ориентирует индивида на осознанное воспроизводство нормативного эталона правомерного поведения и тем самым способствует формированию правопорядка.[8]

Исторические особенности формирования национальных правовых систем не только способствовали сложению совершенно различных форм права, но и привели к созданию в общественном сознании разных образов права, отличающихся по представлениям об истоках, сущности и содержании права, его месте среди источников социального регулирования. Следовательно, проблема правопонимания изначально не имела и не имеет однозначного решения. По мнению А.В. Пищулина, это обусловлено тремя факторами: сознание интерпретатора, его методологические установки и имеющийся правовой опыт; неоднозначность, сложность внешней социокультурной реальности, в частности, актуальных

идеологических трендов, культурно-исторического фона; различия в правовых системах современности.[9] Концепт «право» в российском юридическом дискурсе может быть представлен пятью взаимосвязанными, но конкурирующими моделями.

Во-первых, нормативистская модель, основанная на представлении о праве как системе правил поведения, установленных государством и обеспеченных мерами государственного принуждения. Эта модель наиболее полно выражена в работах М.И. Байтина и А.В. Аверина.[10]

Во-вторых, социологическая модель правовой реальности, основанная на представлении, что право формируется в процессе социального взаимодействия и относительно независимо от государства. Эффективность норм, издаваемых государством, определяется, прежде всего, их социальной востребованностью. Эта модель присутствует как в работах социологов, [11] так и в работах юристов.[12]

В-третьих, юснатуралистская модель, основанная на положениях Конституции РФ о приоритете принципов международного права и прав человека, отождествляемых с естественным правом в объективном и субъективном смысле.[13]

В-четвертых, интегративная модель, основанная на синтезе классических модернистических теорий и утверждающая, что право представляет собой воплощенные в юридических нормах и фактических правовых действиях правовые ценности, которые определяют их эффективность. Эта модель нашла текстуальное воплощение в теории реалистического позитивизма Р.А. Ромашова [14] и коммуникативной теории права А.В. Полякова.[15]

В-пятых, постмодернистская модель, основанная на представлении о праве как многомерном явлении, познать которое возможно только на основе обращения к современным философским концепциям, позволяющим понять глубинную сущность права, его познавательное и ценностное значение в бытии отдельного индивида и социальной реальности в целом. В российском юридическом дискурсе эта модель

представлена диалогической теорией права И.Л. Честнова.[16]

Речь идет не просто об отдельных концепциях правопонимания, а о формировании устойчивого представления о праве, определяющего характер правовой реальности в целом, характер и содержание правотворчества и правоприменения в частности. Как правило, российские теоретики права претендуют на разработку теории, которая оказалась бы способна наиболее адекватно объяснить отечественную правовую реальность и которая являлась бы единственной, способной это осуществить.[17]

Это позволяет рассматривать правопонимание как одну из фундаментальных, философско-правовых категорий и проанализировать ее в институциональном, функциональном и субъект-объектном контекстах.

Правопонимание можно определить как процесс и результат осмысления социальных явлений, признаваемых в обществе в качестве правовых, посредством которого формируются смысл права, теоретическое представление о нем. В ходе правопонимания устанавливается цель права в иерархии целей государственной, общественной, личной жизни человека. Процесс понимания права, осмысления его роли в общественной жизни, значения и сущности, ценностной природы осуществляют не только ученые, но и другие участники правовой жизни общества.

Одновременно правопонимание представляет собой метод конструирования или порождения смысла права, предваряющий любую дальнейшую аналитическую познавательную деятельность, связанную с реконструкцией личностных измерений объективированных явлений. Целесообразно, объединив синхронный и диахронный подходы к исследованию этого правового феномена, определить правопонимание как философско-правовую категорию, включающую в себя как интеллектуальную познавательную деятельность и ее отдельные элементы, так и систему интерпретируемых правовых явлений, полученных в результате познавательно-правовой деятельности.[18] Правопонимание отражает процесс и ре-

зультат целенаправленной мыслительной деятельности человека, включающий в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как к целостному социальному явлению. В зависимости от степени осмысления правовой реальности можно говорить о трех уровнях правопонимания: обыденном, профессиональном и доктринальном.

Субъектом правопонимания всегда выступает конкретный человек (либо индивидуально, либо как член определенной социальной группы). По словам В.С. Веденина, «правапонимание всегда субъективно и оригинально, но при этом в общих чертах оно может совпадать у группы людей».[19] В зависимости от уровня правовой рефлексии можно выделить три группы субъектов:

1) гражданин, обладающий минимальным правовым кругозором, соприкасающийся с проблемами права вообще, рассматривающий право как цельное, несистемное явление (образ) и обладающий обыденным уровнем правопонимания;

2) юрист-профессионал, имеющий достаточный запас знаний о праве, способный применять и толковать правовые нормы, хотя и рассматривающий право как образ, но в контексте соотношения реального поведения индивида с нормативным эталоном и обладающий профессионально-практическим уровнем правопонимания;

3) ученый, человек с абстрактным мышлением, специально занимающийся научным анализом права в синхронном и диахронном аспекте, в контексте системных и социокультурных взаимосвязей, способный к интерпретации не только норм, но и принципов права, владеющий определенной методологией и методикой исследования, обладающий научным (доктринальным) уровнем правопонимания.

Хотя объектом правопонимания могут быть и право в планетарном масштабе, и право конкретного общества, и отрасль или институт права, и даже отдельные правовые нормы, с целью философско-правового и теоретико-правового исследований в качестве объекта, как правило, используются правовые системы конкретных обществ.[20]

Для анализа социальных представлений о праве наибольшее значение имеет доктринальное правопонимание, которое характеризуется рядом признаков:[21]

1. Категориально-познавательный характер, означающий, что данный феномен отражает итоги, научные и социальные результаты познания общих закономерностей права, выступая наиболее общей в данном контексте формой анализа знаний. Правопонимание создается путем развития познавательных актов человеческой и не способно к саморазвитию вне познающего субъекта.

2. Общеправовой характер, отражающий то, что содержанием категории выступают, во-первых, знания о праве, о закономерностях его становления, развития, функционирования в обществе; во-вторых, эти знания имеют наиболее общую степень абстракции, т.е. направлены на исследование общих существенных закономерностей бытия права.

3. Научный характер категории предполагает, что содержащиеся в ней знания должны отвечать критерию научности, т.е. быть логически и объективно истинными в той системе ценностей и уровне научно-практического знания, которыми располагает на данный момент определенное общество.

4. Теоретический характер отражает функционирование категории в процессе познания, имеющего теоретическую природу, т.е. направленного не только на получение фактов, но и на выявление внутренних связей и закономерностей правовой действительности, не представленных непосредственно в эмпирическом восприятии между фактами и иными категориями правовой науки.

5. Интегральный (синтетический) характер, который выражается в сочетании деятельностиных (диахронных) и результативных (синхронных) элементов познания права. Правопонимание одновременно является и процессом познания сущности права, и результатом его теоретического осмысления.

Определяя общее направление правовых исследований в рамках той или иной концепции, правопонимание выполняет ряд функций:

1. Гносеологическая функция, призванная описать закономерности развития права

конкретного общества в диахронном и синхронном аспекте.

2. Методологическая функция служит основанием связи правопонимания и принятой в данном обществе правовой политики, с учетом духовных традиций общества.

3. Онтологическая функция правопонимания проявляется в систематизации правовых ценностей, которые на определенном этапе развития признаются основанием построения правовой системы и организации правопорядка, в проверке этих ценностей на истинность.

4. Эвристическая функция служит основанием развития науки о праве, достижения нового уровня познания правовой реальности.

5. Организаторская функция выступает основанием разработки научных основ практического функционирования правовой реальности.

Представления о праве, сформировавшие

ся в доктринальном правопонимании, способствуют развитию науки, одновременно определяют общий характер профессионального и, в значительной степени, обычного правопонимания.

Таким образом, исследование различных подходов к сущности права и методологических оснований отдельных правовых теорий свидетельствует о плюрализме правопонимания, его обусловленности как общими закономерностями научного развития, так и особенностями социокультурного развития России на современном этапе. Правопонимание в своем дискурсивном выражении определяет не только способы осмысления правовой реальности на уровне правотворчества и правореализации, но и формирует правовое поведение индивида и социальных групп, определяющие включенность в правовую реальность различных субъектов права.

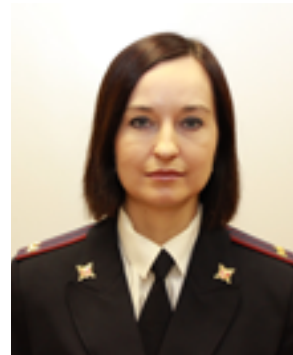
ЛИТЕРАТУРА

1. Правовую реальность вслед за С.И. Максимовым мы понимаем в широком смысле как многоуровневую систему правовых феноменов, автономную метасоциальную реальность, смысловым выражением которой является взаимное долженствование во взаимодействии субъектов (См.: Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С.45).
2. См. напр.: Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. Тамбов, 2007; Кувшинов И.С. Философский анализ гносеологических аспектов правовой реальности: дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2002; Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография. Харьков, 2002; Честнов И.Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2000 и др.
3. См. напр.: Байтин М.И. Сущность права (Современное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005; Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права /под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008; Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2005 и др.
4. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. С.64-80.
5. Судебная практика как источник права / Б.Н. Топорин, Э. Серверэн, К. Гюнтер и др. М.: Юристъ, 2000.
6. Максуров А.А. Юридический опыт как компонент координационной юридической практики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maksurov.ru/science/25.php>, свободный (дата обращения: 15.01.14.).
7. О соотношении понятий «правовой идеал» и «правовая реальность» подробнее см.: Рожкова А. К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. 2010. №6. С.164-168.
8. Лезов С.В. Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1986. С.63.

9. Пищулин А.В. Юридический позитивизм в современном правопонимании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С.14.
10. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) Изд. 2-е, доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005; Аверин А.В. Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4(14). С.19-36.
11. Масловская Е.В. Социологические теории права и анализ правовых институтов российского общества: монография. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2007.
12. Юридическая конфликтология / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1995.
13. Шафиров В.М. Человекоцентристский подход к пониманию права // Право Украины. 2011. № 1. С.101-106; Бабаев В.К., Демидов В.В. Законность и ее принципы // Ленинградский юридический журнал. 2004. № 1. С. 133-144.
14. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм как интергративный тип современного правопонимания // Університетські наукові записки. 2007. № 4(24). С. 13-20.
15. Поляков А.В. Коммуникативный подход в общей теории права // Проблеми філософії права. 2006/2007. Т. 4/5. С. 60-67.
16. Честнов И.Л. Методология и методика юридического исследования: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 2004; Он же. Постклассическая теория права. С. 119 – 548.
17. См. напр.: Четвернин В.А. Либертарно-юридическая интерпретация прав человека // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / отв. ред. В.Г. Графский. М.: Норма, 2009. С.173-189.
18. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Современные концепции правопонимания: учебное пособие. Казань: Познание, 2013. С.10.
19. Веденин В.С. Правопонимание и патентное право / под ред. А.В. Аверина. Владимир: Транзит-ИКС, 2007. С.14.
20. См. напр.: Оль П.А. Правопонимание: от плюрализма к двуединству. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. С.15.
21. Впервые признаки правопонимания выделила в своей диссертации Н.Д. Железнова (Железнова Н.Д. Правопонимание и судебная практика : теоретические проблемы взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С.19-20). Однако она не учла интегральный характер правопонимания в качестве его признака.

Е.В. Березовская,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

**СУБЪЕКТЫ ПРАВА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В настоящей статье рассматриваются основные проблемы понимания субъектов права как участников правоотношений в разнообразных его значениях, их важность и значимость на общетеоретическом и отраслевом уровнях.

Ключевые слова: субъекты права, правоотношения, правосубъектность, лицо, государство, народ, государственные и негосударственные образования.

В последние годы понятие субъектов права получает все более углубленную разработку в правовой литературе.

Актуальность темы определяется её комплексным и, прежде всего, межотраслевым характером, особой значимостью в механизме правового регулирования. Важность её исследования на общетеоретическом и отраслевом уровнях определяется тем, что она наиболее существенным образом затрагивает правовое положение личности и интересы государства в правовом поле. Теоретико-методологический анализ субъектов права позволяет выявить противоречия в суждениях по обозначенной проблематике.

Термин «субъект» в законодательстве и юридической литературе может употребляться в разнообразных значениях: субъект права, субъект правоотношения, субъект юридической ответственности и т.д.[1] Понятия «субъекты права» и «субъекты правоотношений» в принципе равнозначны, хотя в литературе на этот счет делаются определенные оговорки.[2] Во-первых, конкретный гражданин как постоянный субъект права не может быть одновременно участником всех правоотношений; во-вторых, новорожденные, малолетние дети, душевнобольные лица, будучи субъектами права, не являются субъектами некоторых правоотношений. Например, несовершеннолетний может совершать мелкие бытовые сделки, но если он не достиг возраста 16 лет (в некоторых случаях 18 лет), он не является субъектом правонарушения, сле-

довательно, не может являться участником охранительного правоотношения. Особенности субъектов, закрепленные в самых разнообразных отраслях права, необходимо иметь в виду при определении понятия «субъекты правоотношения».

Регулируемые правом общественные отношения приобретают определенные правовые свойства, они оцениваются с точки зрения их правомерности или неправомерности, приобретают юридические последствия. Любое правоотношение, как в достаточной мере сложное образование, имеет собственную структуру, под которой понимается совокупность его элементов и способы их единения.[3] В этой структуре, как известно, выделяют объект правоотношения, содержание правоотношения и его субъекты. Каждый из этих структурных элементов обладает самостоятельностью и значимостью и заслуживает отдельного рассмотрения. В настоящем исследовании автор попытается дать правовую оценку только субъекту правоотношения.

В центре правовой системы юридическая наука традиционно помещает норму права, однако, по мнению автора, это односторонний подход. Субъект права, обладающий высоким уровнем правосознания и правовой культуры, должен выступать источником права, создателем правовых идей. Поэтому субъекту права следует в юриспруденции уделять большее внимание, сделать его одним из главных объектов правового познания.

Для исследования субъекта права представляется целесообразным использовать многоаспектный подход, позволяющий рассмотреть с разных сторон данную правовую реальность. Предлагаемая позиция дает возможность сформировать комплексное представление о субъекте права, тем самым пересмотреть односторонний взгляд на него только как на формальную право-дееспособность. Итак, субъект права может быть рассмотрен с разных сторон, в различных аспектах.

Субъект права нередко в юридической литературе, а также в законодательстве определяется посредством термина «лицо». Н.Л. Дювернуа отмечал давнюю традицию использования данного термина для обозначения субъектов права в римском праве и юриспруденции, также в немецком праве и немецкой юридической литературе, в меньшей степени – во французском праве, а также в российском праве.[4]

Использование данной терминологии применительно к субъекту права возникло в первую очередь в результате абстрагирования физического лица от несущественных его особенностей (с точки зрения права). Г.Ф. Пухта в «Энциклопедии права» писал о том, что понятие лица основывается на абстракции, «ибо мы этим понятием обнимаем не все существо человека, а непосредственно только его качество, как субъекта воли, все же прочие его свойства принимаем во внимание только посредственно...».[5] Такая юридическая абстракция заключается в возможности (способности) участия правового субъекта в юридических отношениях в качестве отдельной, самостоятельной стороны. Любая отрасль отечественного права оперирует понятием субъекта права именно как «лица». Так, к примеру, в гражданском праве субъектами называют физические и юридические лица. В уголовном праве субъект преступления – это лицо, совершившее запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие) и способное нести за него уголовную ответственность. Следует отметить, что в теории права и в отраслевых юридических науках к субъектам относят также

государство, государственные и негосударственные образования. Поэтому термин «правовое лицо» включает, с нашей точки зрения, все эти и иные категории субъектов правоотношений, предусмотренные современным действующим российским законодательством.[6]

Представляется более целесообразным присоединиться к точке зрения тех ученых, которые называют субъектами права (правоотношений) любых правоспособных и дееспособных их участников. Ими могут быть физические лица, юридические лица, государство, государственные органы, должностные лица, муниципалитеты, их органы и должностные лица, политические партии, иные общественные объединения, социально-исторические общности людей и другие субъекты права.[7]

Субъект права как потенциальный участник правоотношений должен обладать рядом признаков, свойств, позволяющих отграничить его от иных компонентов в механизме правового регулирования. Во-первых, к числу таких свойств, признаков следует отнести свойство обособленности, автономности лица. Вышеуказанному субъекту необходимо иметь материальную форму бытия, нормативно предусмотренную.

Во-вторых, субъект права должен обладать признаком индивидуализации. Речь идет об обозначении, наименовании субъекта права для целей его участия в правовых отношениях. Без этого невозможны ни договорные отношения, ни отношения собственности, ни само закрепление за ним субъективных прав и юридических обязанностей, осуществление полномочий и т.д. Кроме индивидуализации самих лиц, правом также предусматривается возможность индивидуализации производимых ими товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг. В частности, устанавливаются правила маркировки товаров, использования товарных знаков, их регистрации.

В-третьих, субъект права должен иметь способность и возможность волеизъявления. Это означает, что он должен понимать характер и последствия совершенных им деяний и нести ответственность за них. Это

утверждение основывается на возможности воздействия лица на вещь, овладения ею, принятия самостоятельного решения, что без участия воли невозможно.

В-четвертых, субъект права, являясь участником правоотношений, может реализовать свои потребности, законные интересы, как правило, в ходе взаимодействия сторон. В этих отношениях, связях он перестает существовать обособленно. Субъект права способен выполнять возлагаемые на него или принимаемые на себя правовые функции. Так, субъект права, в большинстве случаев, не может отказаться от выполнения своих юридических обязанностей, соблюдения правовых запретов (например, функции родителя, обязанность соблюдать законы и т.д.). Названные выше признаки, свойства субъекта права не являются исчерпывающими и обозначены лишь в общей форме.

Рассмотрим понятие субъекта права с точки зрения его правосубъектности (право-дееспособности). В российском законодательстве, да и в законодательстве многих стран субъект права отождествляется с правоспособностью (способностью, возможностью лица иметь права и обязанности) и дееспособностью (способностью, возможностью лица самостоятельно, своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя и исполнять обязанности). Применительно к обязанностям отвечать за правонарушение и иное отклоняющееся поведение она дополняется деликтоспособностью. В отношении же юридических лиц нередко под правоспособностью подразумевается правосубъектность в целом, включая все три ее слагаемых (например, ст.49 ГК РФ).[8]

Кроме того, ряд авторов выделяют специальную правосубъектность органов и должностных лиц учреждений, организаций и предприятий, которая выражается в их компетенции (полномочиях), государства и судов – в юрисдикции. Как компетенция, так и юрисдикция специальных субъектов фиксируются заранее в соответствующих нормативных правовых актах (например, в положении о том или ином ведомстве, законе), их изменение допустимо лишь в

установленном законом порядке, а самостоятельное их расширение или сужение считается правонарушением в зависимости от степени опасности, характера последствий, мотивов совершения и других существенных обстоятельств.[9]

Правосубъектность рассматривается как юридическое свойство, качество лица, правовое состояние принадлежности его к правовой системе и является одной из обязательных юридических предпосылок правоотношений. По мнению А.Ю.Якимова, суть правосубъектности заключается в том, что она определяет те юридически значимые характеристики, обладание которыми делает реальное (персонально индивидуализированное) лицо обладателем того или иного правового положения.[10]

Правосубъектная связь возникает между субъектами права в правовом поле, ею определяется сама принадлежность лица к правовому сообществу. Физические лица в отличие от юридических не всегда обладают одновременно правоспособностью и дееспособностью. Не будем вдаваться в подробный анализ этих терминов, отметим лишь то, что субъект права, обладающий правоспособностью, является лишь потенциальным носителем прав и обязанностей. В современном цивилизованном обществе не может быть людей, не наделенных общей правоспособностью. Это важнейшая предпосылка и неотъемлемый элемент политико-юридического и социального статуса личности. Правоспособность – не естественное, а общественно-правовое качество субъектов, носящее абсолютный, универсальный характер. Оно вытекает из международных пактов о правах человека, принципов гуманизма, свободы, справедливости. Обязанность каждого государства – должным образом гарантировать и защищать это качество. С правоспособностью связано появление еще не оформленной в смысле воли готовности лица к самостоятельному выполнению правовых функций. Воля правового лица может замещаться волей других субъектов права, действующих от его имени на основании закона (родителей, опекунов, попечителей и др.).

Под дееспособностью понимается не только возможность субъекта иметь права и обязанности, но и способность осуществлять их своими личными действиями, отвечать за последствия, быть участником правовых отношений. Дееспособность зависит от возраста и психического состояния лица, в то время как правоспособность не зависит от указанных обстоятельств. Дееспособность предполагает достижение лицом правовой зрелости, в полном объеме наступает с момента совершеннолетия, то есть по достижении 18-летнего возраста. Она определяет готовность лица самостоятельно осуществлять функции субъекта права. Здесь наблюдается переход на качественно иной уровень осуществления правосубъектной связи – от абстрактной возможности быть субъектом права к лицу, готовому самостоятельно осуществлять правовую деятельность, приобретать и реализовывать свои права и обязанности, нести юридическую ответственность за свои правовые поступки.

Субъект права может быть рассмотрен и как участник конкретного, реального правоотношения. С помощью категории «субъект права», в общем виде отражающей различные категории лиц, которые предусмотрены правовыми нормами, единственно возможно раскрыть содержание той или иной отрасли права. Каждая отрасль права в силу специфики общественных отношений, составляющих ее предмет, имеет свой состав субъектов.

Например, в гражданском праве субъектный состав гражданского правоотношения составляет совокупность тех лиц, которые участвуют в конкретном правоотношении. Для теории и практики гражданских правоотношений имеет значение юридическая определенность различного рода лиц как субъектов гражданского права, участвующих в имущественных и личных неимущественных отношениях (продавец и покупатель, арендодатель и арендатор и т.п.).

Субъектами административного права следует признать участников управленческих отношений, которых административно-правовые нормы наделили правами и обязанностями, способностью вступать

в административно-правовые отношения, являющиеся основным каналом реализации правовых норм. В силу широкого круга регулируемых административным правом общественных отношений перечень его субъектов огромен. Можно, например, назвать в Правилах дорожного движения Российской Федерации такие разновидности участников дорожного движения, как водитель, пешеход, пассажир.

Состав субъектов трудового права отличается также многообразием и имеет особенности в зависимости от вида регулируемых отношений. В трудовых отношениях одной из сторон всегда является физическое лицо (работник). Но нередко в научной и учебной литературе вместо понятия «физическое лицо» как участник трудовых и непосредственно связанных с ними отношений пользуются понятием «гражданин», имеющим иное юридическое содержание. Между тем если для некоторых категорий работников (физических лиц) наличие гражданства Российской Федерации является необходимым условием для вступления в трудовые отношения (например, для поступающих на должности государственной службы), то в других видах трудовой деятельности это требование о наличии гражданства Российской Федерации может быть установлено только для определенных категорий работников. Другой стороной трудового отношения (работодателем) могут быть как физические, так и юридические лица любой организационно-правовой формы (коммерческие и некоммерческие организации, а также их представительства и филиалы, наделенные правом приема и увольнения работников). В отношениях, непосредственно связанных с трудовыми, участниками могут быть и юридические, и физические лица. Так, в отношениях по надзору и контролю за соблюдением законодательства о труде и охране труда сторонами являются юридические лица (например, орган государственного надзора в лице федеральной инспекции труда, с одной стороны, и юридическое лицо – с другой). Но поднадзорным субъектом может быть индивидуальный предприниматель без об-

разования юридического лица или любое физическое лицо, нанимающее работника для выполнения определенных работ по социально-бытовому обслуживанию работодателя и его семьи (водитель автомобиля, охранник, дворник, повар и т.д.).

Все субъекты конституционно-правовых отношений, по нашему мнению, могут быть условно разделены на социальные и организационные. Социальные субъекты, в свою очередь, можно разделить на индивидуальные (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства) и коллективные (многонациональный народ, национальные меньшинства, коренные и малочисленные народы). Организационные субъекты – на публичные (государство, субъект Федерации, органы государственной власти и местного самоуправления) и общественные (общественные организации, политические партии).

Среди субъектов конституционно-правовых отношений имеются такие, которые чаще всего не могут быть участниками других видов правоотношений. Такими особыми субъектами являются государство, народ, нации и народности, субъекты Федерации, муниципальные образования, коренные малочисленные народы, избирательные комиссии.

Народ России как общность граждан выступает субъектом конституционно-правовых отношений при проведении всероссийского референдума, выборов депутатов в Государственную Думу, выборов Президента РФ, а также реализации иных форм прямой демократии, осуществляемых на общероссийском уровне.

Еще одна категория, рассматриваемая в конституционном праве как сторона конституционно-правовых отношений, – коренные малочисленные народы. Согласно ст. 69 Конституции РФ государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами

Российской Федерации.[11] С этой целью в России принимаются законы и иные нормативные правовые акты, определяющие и обеспечивающие права данной общности.

Особым субъектом конституционно-правовых отношений является государство – Российская Федерация. Ее конституционно-правовой статус определяется, прежде всего, Конституцией РФ, в которой закрепляются основные свойства государственного суверенитета Российской Федерации, ее внутригосударственный и международно-правовой статус.

К участникам конституционно-правовых отношений относятся также субъекты Российской Федерации: республики, края, города федерального значения, автономная область и автономные округа. Основы конституционно-правового статуса составных частей Федерации определяются Конституцией РФ и конституциями (уставами) субъектов РФ.

Сторонами конституционно-правовых отношений являются также муниципальные образования, органы государственной власти, органы местного самоуправления, этнические группы, политические партии и другие общественные объединения граждан, собрания избирателей, граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства и др. Определяющий критерий для идентификации субъекта конституционно-правовых отношений заключается в установлении того факта, регулируется ли его статус нормами конституционного права или нет.

Все выделенные аспекты не дают исчерпывающего представления о субъекте права. Выявление сущности и свойств данной правовой реальности предполагает исследование множества ее граней, сторон. Субъект права способен постоянно прирастать новыми качествами, это зависит как от объективных, так и от субъективных факторов, поэтому всегда существует возможность выделения новых аспектов его понимания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. М., 1982. С.138-139.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С.379.
3. Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2007. С.324.
4. Дювернуа Н.Л. Из курса лекций по гражданскому праву. Введение и часть общая (Учение о лицах). СПб., 1895. С.88, 242-247, 260-266.
5. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права/ под ред. П. Карасевича. Ярославль, 1872. С.47.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ.1996. № 5. Ст.124.
7. Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. Там же. С.324.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ.1996. № 5. Ст.49.
9. Фаткуллин Ф.Ф. Указ. соч. Там же. С.238.
10. Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы)//Государство и право. 2003. № 4. С.9.
11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М.: Айрис Пресс, 2013. С.25.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

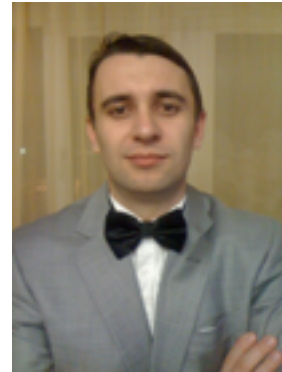

Человек - общество - право: актуальные проблемы современности: материалы международной научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов (17 мая 2013 г.). – Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2013. – Ч.1. – 201 с.; Ч.2. – 231 с.

Для аспирантов, соискателей, студентов юридических вузов, а также тех, кто изучает проблемы правового регулирования общественных отношений, социально-политического положения личности в современной России, актуальные проблемы преступности

А.Н. Варыгин,
доктор юридических наук, профессор
(СГЮА)

Д.Ю. Яковлев,
соискатель
(СГЮА)

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЖЕНЩИНАМИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье анализируются проблемы насильственной преступности, в частности криминологические проблемы преступлений против жизни, совершаемых женщинами, определяются их состояние, тенденции развития и характерные особенности, определяется степень их научной разработанности.

Ключевые слова: насильственная преступность, женская насильственная преступность, преступления против жизни, совершаемые женщинами.

Насильственная преступность в криминологии традиционно относится к одному из наиболее опасных видов современной преступности. Но при этом следует сказать, что само понятие насильственной преступности учеными трактуется по разному. Так, многие ученые к числу насильственных преступлений относят все уголовно-наказуемые деяния, в которых присутствует насилие. Например, Ю.М. Антонян отмечает, что к числу насильственных преступлений следует относить не только те, которые включены в раздел VII УК РФ «Преступления против личности», но и все те, которые включают насилие, в том числе разбой, грабеж, вымогательство.[1] Э.Ф. Побегайло также отмечает, что к числу насильственных преступлений относятся убийства, умышленное причинение вреда здоровью, истязания, изнасилования, разбой, насильственные грабежи и сопряженное с насилием хулиганство.[2]

Другие же авторы, с которыми мы полностью согласны, к числу насильственных преступлений относят лишь те деяния, при совершении которых насилие является элементом мотивации преступных действий, а не просто средством достижения цели.[3] Исходя из этого, в свое время нами было

дано следующее определение насильственного преступления: «это умышленное противоправное физическое или психическое воздействие на индивида, осуществляемое против его воли, в целях причинения вреда его жизни, здоровью, половой неприкосновенности и половой свободе, чести и достоинству его личности».[4] То есть это те преступления, в которых насилие является как бы «самоцелью» преступных действий, а не просто достижением цели, как, например, при грабеже или разбое.

Насилие, к сожалению, в нашей стране в последние годы стало распространенным явлением, проникшим во все сферы общественной жизни и межличностных отношений. Как отмечает В.А. Васильев, появился «спрос» на насильственное решение различных проблем (экономических, политических, межличностных).[5] Тенденция роста насилия в обществе наиболее ярко проявилась в стране в конце XX – начале первого десятилетия XXI века. Но и даже в настоящее время на фоне общего снижения преступности количество насильственных преступлений является достаточно высоким. Например, в 2012 году в России было зарегистрировано 13059 убийств, 100 убийств в состоянии

аффекта, 388 убийств при превышении пределов необходимой обороны либо превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; 37091 умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; 37371 умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; 24874 случая умышленного причинения легкого вреда здоровью; 87114 побоев; 81733 угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; 4486 изнасилований, 5590 насильственных действий сексуального характера.[6]

Характерной особенностью современной насильственной преступности является все большее вовлечение в нее женщин. Как отмечают отдельные исследователи, в структуре современной преступности произошло изменение в связи с ростом женской преступности, в которой особо ярко проявились такие опасные тенденции, как возрастание корыстной и насильственной мотивации, жесткость и жестокость, агрессивность и изощренность, коварство и подлость, организованность и профессионализм.[7]

Применительно к женской преступности следует учитывать следующие факторы:

во-первых, хотя социальное положение женщин на протяжении десятилетий менялось, уровень преступности женщин оставался ниже уровня преступности мужчин в пять-семь раз. И это несмотря на то, что женщин в стране больше, чем мужчин;

во-вторых, характер изменений женской преступности имеет особенности и не всегда совпадает с изменениями преступности мужчин. Например, всегда менее низкими темпами росла насильственная преступность женщин, хотя в конце XX в. и начале XXI в. происходит рост насильственной преступности женщин;

в-третьих, женская преступность отличается от мужской соотношением корыстных, насильственных, а также иных преступлений. [8]

Женская преступность традиционно отличается от мужской. Женщины всегда совершали преступлений меньше, чем мужчины. Но это не самое главное отличие. Как отмечает Ю.М. Антонян, преступность женщин отличается от преступности мужчин количеством, характером преступлений, их

последствиями, способами и орудиями совершения, ролью, которую выполняют при этом женщины, выбором жертвы преступного посягательства, влиянием на их правонарушения семейно-бытовых и сопутствующих им обстоятельств.[9]

Женщина является продолжательницей рода, воспитателем детей, во многом образцом поведения, и когда она совершает преступление, то это, как правило, весьма негативно и эмоционально воспринимается со стороны окружающих. Особый резонанс вызывают случаи, когда женщины посягают на чужую жизнь. К преступлениям против жизни в теории уголовного права относят:

а) убийство (ст. 105 УК РФ),

б) убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ),

в) убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ),

г) убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ),

д) причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ),

е) доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).[10]

Реалии сегодняшнего дня показывают, что женщины активно совершают преступления против жизни. Так, в августе 2013 года 19-летняя Р. на глазах своего 1,5- годовалого ребенка и своей бабушки убила 60-летнюю женщину за то, что та не вернула долг.[11]

В июле 2013 года в г. Красноярске женщина-риэлтор вместе со своим мужем убила хозяйку проданной квартиры и двух ее дочерей.[12] И эти горькие примеры можно продолжать и дальше.

Отдельные исследования показывают, что доля преступлений, совершенных женщинами, в структуре насильственной преступности очень мала: доля убийств – 2,2%, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – 3,0%, хулиганства – 4,5%.[13] Может быть, с этим связано, что криминологических исследований преступлений против жизни, совершаемых женщинами, весьма мало. Есть криминологические исследования, посвященные в целом на-

сильственной женской преступности или отдельным преступлениям против жизни, совершаемых женщинами,[14] а исследований женской преступности против жизни как криминологического феномена, к сожалению, нет. Такие исследования, несомненно, необходимы. Это связано с тем, что преступления, совершаемые против жизни женщинами, имеют свои криминологические особенности. Они связаны, прежде всего, с психофизиологическими особенностями самих женщин и заключаются в специфике мотивации совершаемых ими преступлений против жизни, в способах совершения ими таких деяний, условиях им, способствующих, в частности, поведении

жертвы преступления. Все это требует соответствующего криминологического осмысления и разработки на основе этого мер предупреждения преступлений против жизни, совершаемых женщинами, с учетом их личностных особенностей и особенностей мотивации совершаемых ими преступлений.

Несомненно, в рамках данной статьи авторами рассмотрены далеко не все проблемы преступлений против жизни, совершаемых женщинами, что, впрочем, и не входило в наши цели. Мы лишь хотели акцентировать внимание на данных преступлениях как перспективном направлении криминологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С.223.
2. См.: Криминология. Учебник/ под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С.279.
3. См., например: Криминология. Учебник/ под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.562; Криминология. Учебник /под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 1995. С.343 и др.
4. См.: Варыгин А.Н., Григорян З.М. Убийства, совершаемые несовершеннолетними: особенности мотивации и предупреждения. М., 2013. С.10.
5. Васильев В.А. Криминологическое исследование убийств и обеспечение безопасности граждан.
6. Данные о зарегистрированных преступлениях за 2012 год в разрезе статей Особенной части УК РФ//Здоровье нации и национальная безопасность/ под ред. А.И. Долговой. М., 2013. С.358-359.
7. См.: Грязнов М.И., Кириллов М.А., Панченко П.Н. Женские лики наркопреступности: состояние проблемы, законодательство, практика. Н.Новгород, 2006. С.14.
8. Криминология. Учебник/под ред. А.И. Долговой. М., 2005. С.802-803.
9. Антонян Ю.М. Указ. соч. С.380.
10. См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная Часть. Учебник/ под ред. Л.В. Инногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2006. С.12; Уголовное право России. Общая и Особенная части. Учебник / под ред. В.К. Дуюнова. М., 2008. С.314-326.
11. См.: <http://www.segodnya./regions>. Дата обращения 21.10.2013 г.
12. См.: <http://www.Msm.com>. Дата обращения 01.11. 2013 г.
13. Противодействие преступности. Особенная часть. Т. 2. Учебник для вузов / под ред. М.А. Кириллова, В.И. Омигова. Чебоксары, 2010. С.302.
14. См., например: Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: дис. ... док. юрид. наук. М., 2008; Ершов С.Н. Обеспечение профилактики преступлений, совершаемых женщинами: региональный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000; Кургузкина Е.Б. Предупреждение убийства матерью новорожденного ребенка (криминологические и уголовно-правовые аспекты): дис. ...канд. юрид. наук. М., 1999; Подолук М.Л. Криминологическая характеристика и предупреждение убийств, совершаемых женщинами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011 и др.

В.А. Номоконов,
доктор юридических наук
(Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток))

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ОТ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ К РАДИКАЛИЗАЦИИ?

В статье речь идет о том, что в сфере борьбы с преступностью в России отсутствует реальная антикриминальная политика. Обсуждается проект Концепции уголовно-правовой политики. Вносятся предложения по радикализации уголовно-правовых мер борьбы с организованной преступностью и коррупцией.

Ключевые слова: антикриминальная политика; уголовно-правовая политика; организованная преступность; коррупция.

Уже все согласны с тем, что сегодняшняя преступность в России представляет серьезнейшую угрозу национальной безопасности. Отсюда возникает важная задача декриминализации – очищения общественных отношений от давления криминала в рамках соответствующей антикриминальной политики государства.

Однако проблема заключается в том, что в сфере воздействия на преступность реальной декриминализации, реальной антикриминальной политики в России пока, по мнению многих криминологов, не видно, причем ни на федеральном, ни на региональном уровнях. Конечно, мы видим некую политику в отношении преступности, но назвать ее антикриминальной без большой натяжки нельзя. Причина – как в бессистемности изменений уголовного законодательства, так и в их определенной ангажированности, даже лоббированности. «Современное состояние уголовно-правовой политики России, – как отметил Генеральный прокурор РФ на парламентских слушаниях в Совете Федерации в ноябре 2013 г., – характеризуется отсутствием четко обозначенных и принятых на соответствующем уровне концептуальных основ ее формирования. Это порождает внесение многочисленных непоследовательных, а порой противоречивых изменений в действующее уголовное и уголовно-процессуальное законодательство. Только в Уголовный кодекс Российской Федерации, изначально содер-

жавший 360 статей, за время его действия внесено свыше 700 поправок. В результате он утратил свойство системности».[1]

Больше того, широко декларируемая «декриминализация» в нашей стране все чаще, увы, сегодня на деле приводит к результатам, обратным заявленным. Реальная практика государственного воздействия на преступность, на мой (да и не только мой) взгляд, сегодня во многих аспектах фактически потворствует преступности, т.е. является, по существу, криминогенной.[2,3]

Во-первых, государственное воздействие на преступность сегодня совершенно неадекватно складывающейся криминальной ситуации. За последние несколько лет все больше возникают ножницы между ежегодным ростом заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях и постоянным снижением числа зарегистрированных преступлений. И на это обстоятельство уже также обратили внимание криминологи. Не будем голословны.

В приведенной таблице сопоставлены данные МВД РФ последних лет о числе сообщений и заявлений о преступлениях и происшествиях и числе зарегистрированных преступлений и, соответственно, доля возбужденных уголовных дел от общего числа указанных сообщений и заявлений. Мы видим достаточно четкую парадоксальную картину, совмещающую ежегодный рост сообщений о преступлениях и упорное снижение правоохранительными органами

Соотношение регистрации заявлений и преступлений

	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Число сообщений и заявлений (в млн)	21,5	22,8	23,9	24,6	26,24	28,35
Зарегистрировано преступлений (в млн)	3, 21	2,995	2,628	2,405	2,302	2,2
Доля возбужденных уголовных дел (в %)	12	10	9	8	7,1	6,2

числа зарегистрированных преступлений. Соответственно, ежегодно снижается и доля возбужденных уголовных дел от общего числа сообщений о преступлениях.

Во-вторых, уголовная политика, уголовное законодательство, похоже, лоббируются в определенных интересах, поскольку изменения в УК в последние годы вызывают все большее недоумение ученых и практиков. Это и произошедшая в 2003 г. отмена конфискации как меры наказания, и допустимость условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях УК и др. Это, наконец, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 г., наделение судов правом самостоятельно (нонсенс!) определять категорию преступления (ч.6 ст.15 УК РФ) и т.д.

В-третьих, увы, мы уже можем говорить не только об известной коррупциогенности ряда норм уголовного кодекса, но и об их общей криминогенности. Так, петербургские криминологи (проф. Д.А. Шестаков и др.) в последнее время не без оснований обращают внимание на возможность преступности самого уголовного закона и даже политики.

Сегодня мы вынуждены говорить и о криминальной практике борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов все чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения – рейдерские захваты, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикация уголовных дел, пытки в отношении задержанных и арестованных и т.п.

Так, в Докладе российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток (октябрь 2012 г.) отмечалось,

что в стране происходит рост жалоб в последние несколько лет на противоправное насилие в отношении граждан со стороны сотрудников правоохранительных органов. Эта практика распространена повсеместно, однако эффективные механизмы проверки и расследования жалоб отсутствуют.

Таким образом, на повестке дня криминологии и уголовного права в России сегодня появляется и проблема неадекватной - или даже преступной - уголовной политики, политики, не соответствующей ни современным данным науки, ни объективным социальным потребностям, ни естественным ожиданиям общества, уставшего от криминального произвола.

Представляется, что сегодня одна из проблем оптимизации борьбы с преступностью кроется в научной необеспеченности законотворческого процесса и отсутствии внедрения научных разработок в практику в сфере борьбы с преступностью. Названная коллизия, в свою очередь, заключена не столько в качестве названных разработок, сколько в их упорной невостребованности теми, кому они предназначены. Можно много говорить об организационной и содержательной стороне или качестве формируемых рекомендаций, но пока власть не услышит ученых, ничего не изменится.

Яркий пример – история с формированием пакета антикоррупционных законов и иных директивных документов. Огромная работа ученых, депутатов и практиков над предшествующими проектами федерального закона в рамках Госдумы, рабочих межведомственных комиссий практически никак не сказалась на окончательном варианте Закона о противодействии коррупции от 25 декабря 2008 г. Никакого широкого обсуждения проекта, ни профессионального, ни общественного, как известно, не проводилось. В результате принятый вариант Закона по

вполне понятным причинам имеет большое число изъянов, о которых постфактум уже много сказано специалистами. Обоснованные же предложения по оптимизации антикоррупционного законодательства пока – по большей части – так и остаются на бумаге. То же самое (о не востребованности) можно сказать и о научных моделях доктрины антикоррупционной политики, разработанных в стенах РАН.

Серьезным событием, на мой взгляд, явилось создание и публикация проекта Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, которая впервые появилась на сайте Общественной палаты РФ [4]. По своему содержанию проект содержит важнейшие теоретические и политические положения, реализация которых могла бы существенно продвинуть страну в деле борьбы с преступностью. Разумеется, нужно широкое научное обсуждение представленного документа и, по его результатам, утверждение данной Концепции в качестве государственной. Пока, к сожалению, похоже, что этого не происходит, хотя добротная основа Концепции уже наработана. Хотелось бы призвать коллег к поддержке данной идеи. В противном случае разумное предложение об инициативном создании модельного УК РФ в новой редакции, прозвучавшее на конференции в МГЮА в январе 2014 года, может завершиться, по сути, работой на корзину.

Поддерживая в целом идею и содержание проекта Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, хочу сделать несколько замечаний.

Очень хорошо прописаны в документе Общие положения, Цели и задачи. Вместе с тем в части, где перечислены наиболее опасные виды преступлений (п.6), почему-то упущены преступления коррупционной направленности.

Требование «оперативной корректировки уголовного законодательства и практики его применения в соответствии с конституционным смыслом уголовно-правовой политики; разработки методики и внедрения в практику конституционно-правовой экспертизы» (п.8) представляется явно завышен-

ным. Вполне достаточно было бы обычной правовой и антикоррупционной экспертизы проектов НПА, хотя в повестке дня актуализирован вопрос о внедрении в практику законотворчества и криминологической экспертизы (антикоррупционная экспертиза, по существу, есть часть криминологической).

В п.10 проекта, где речь идет о корректировке принципов уголовного права, было бы целесообразнее говорить о корректировке не столько самих принципов, сколько об уточнении их содержания и особенностях реализации. Так, заслуживают поддержки положения, согласно которым «преступность деяния должна определяться Уголовным кодексом Российской Федерации с учетом предписаний законодательства иных отраслей права»; «уголовный кодекс Российской Федерации должен содержать исчерпывающий, минимально необходимый и достаточный перечень деяний, признаваемых преступлениями» (т.е. УК должен быть «маленьким, но жестким»).

Следует согласиться и с тем, что «равенство граждан перед законом должно с необходимостью исключать неоправданно широкую систему иммунитетов от уголовного преследования; уголовное законодательство не должно содержать норм и предписаний, создающих особый уголовно-правовой статус граждан на основе их принадлежности к какой-либо социальной группе».

Верно в проекте говорится о том, что «гуманизм уголовного права не означает неоправданного или необоснованного смягчения уголовного наказания лицу, совершившему преступление», что «гуманизм уголовного права не должен входить в противоречие с требованиями социальной и криминологической обоснованности уголовного законодательства». Обратите внимание, как скупое и бессодержательно в ст. 7 УК РФ описывается принцип гуманизма: там речь идет лишь об «обеспечении безопасности человека» и о том, что не может быть целью мер уголовно-правового характера. А что может и должно быть этой целью? Где «ограничение названных мер минимумом, необходимым и достаточным для достижения целей наказания», о чем пишут все учеб-

ники и что «забыли» отцы-законодатели?

Правильно говорится в проекте о том, что «равенство граждан перед законом не исключает возможности и целесообразности дифференциации уголовной ответственности с учетом данных о личности виновного». Однако требует существенного уточнения делаемая далее оговорка: «при этом признаки, характеризующие личность виновного, не могут входить в систему признаков, определяющих основание уголовной ответственности».

В целом ряде случаев признаки, характеризующие личность виновного, самим законодателем включены в признаки состава преступления, характеризующие субъекта преступления, общего или специального. Поэтому здесь нужно уточнение, что имеются в виду признаки личности преступника, не включенные в составы преступления. Понятно, что такие признаки личности виновного не входят в «основание уголовной ответственности» и могут влиять лишь на индивидуализацию последней, т.е. ее меру.

Существенно важной представляется задача «детализировать критерии отграничения преступлений от иных правонарушений, в первую очередь, от административных правонарушений, минимизировать объемы усмотрения правоприменителя в решении вопроса об отграничении преступлений от непроступных деяний» (п.11).

В российской литературе в качестве разграничительного критерия преступлений от иных правонарушений, в первую очередь, от административных иногда предлагают ссылку на «общественную опасность», которая-де присуща только преступлениям и отсутствует в иных правонарушениях.

Есть ли (или должны ли быть) объективные отличия преступлений от иных правонарушений, кроме формального – «предусмотренности» в УК?

Представляется, что главный критерий для подобного разграничения – определенная степень общественной опасности деяния. Более конкретно и в то же время обобщенно эту степень можно обозначить лишь оценочным признаком. Полагаю, что он в сравнении с другими видами правонаруше-

ний, и прежде всего, административными, должен указывать на более высокую опасность преступных деяний. Учитывая, что наименее опасные преступления, согласно закону, не представляют «большой общественной опасности», логично высказать утверждение, согласно которому все иные правонарушения должны быть отнесены к категории «малозначительных» деяний.

Таким образом, любое преступление причиняет существенный (реальный или возможный) вред охраняемым общественным отношениям, ценностям, закрепленным в законе.

Вероятно, задача «оптимизировать объемы и пределы усмотрения суда при назначении уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера» (п.12) формулировалась, когда еще вольной рукой законодателя не были ликвидированы нижние пределы многих санкций УК, что резко обострило отодвинутую сегодня в целом правильно обозначенную задачу.

В целях «совершенствования организационных основ уголовно-правовой политики» авторы проекта предлагают в качестве консультативного органа при Президенте Российской Федерации создать «Совет по совершенствованию законодательства о противодействии преступности». Возникает вопрос: разве в совершенствовании нуждается только законодательство? А практика его применения? Точнее было бы подобный совет именовать, скажем, Советом по антикриминальной политике.

Интересно в проекте прописан пункт «Информационное обеспечение эффективности уголовно-правовой политики» (п.15), который «требует оптимизации системы формирования, анализа, публичного представления и оценки данных о результатах реализации уголовно-правовой политики и перспективах ее развития». Здесь предлагается, в частности, организовать формирование соответствующей эмпирической базы данных, проведение различного рода опросов и т.п. Но кто это сможет сделать профессионально? В связи с этим заслуживают самого пристального внимания и поддержки предложения, внесенные

участниками научно-практической конференции в Москве (январь 2014 г.) в Обращении к Президенту [5]. В упомянутом Обращении, в частности, ставится вопрос о создании в стране профессиональной криминологической службы.

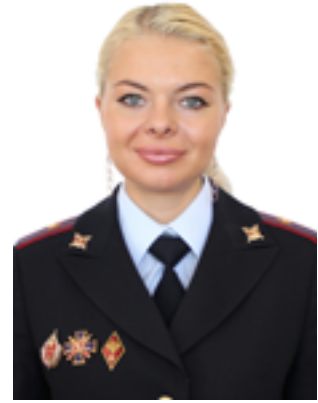
Правда, проблема не всегда состоит лишь в невостребованности научных разработок. Иные рекомендации по тем или иным причинам сами по себе представляются сомнительными с точки зрения методологической, идеологической или нравственной. Но это – отдельная тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю.Я. на парламентских слушаниях на тему «Уголовная политика в Российской Федерации: проблемы и решения» [Электронный ресурс]. URL: <http://promosila.ru> (дата последнего обращения: 05.12.2013).
2. Лунеев В.В. Пороки уголовного законодательства (Кому служит УК) //URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/2263.html>
3. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.
4. Проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации // Общественная палата Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889?offset=1> (дата последнего обращения: 09.01.2014).
5. Обращение к Президенту Российской Федерации В.В. Путину участников всероссийской научно-практической конференции «Криминологическая ситуация в России, состояние реагирования и направления антикриминальной политики» (28-29 января 2014 года, МГУ) [Электронный ресурс]. URL: http://crimas.ru/?page_id=2920 (дата последнего обращения: 22.02.2014).
6. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газ. 2010. 10 дек.
7. Противодействие коррупции в России: пределы возможного // [Электронный ресурс]. URL: http://carnegieendowment.org/files/corruption_working_papers_2011.pdf (дата последнего обращения: 22.02.2014).

Е.В. Демидова-Петрова,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

СЕМЬЯ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В настоящей статье рассматривается семья как важнейший этап социализации личности несовершеннолетнего преступника. Описываются стадии социализации личности. Задаётся вопрос об особенностях социализации несовершеннолетних в неполных семьях.

Ключевые слова: семья, социализация, несовершеннолетний, личность, родители, несовершеннолетний преступник, этапы социализации.

Семья представляет собой неотъемлемую часть всего современного общества, которая играет существенную роль в процессе приобретения человеческим существом с определенными биологическими задатками качеств, необходимых для жизнедеятельности в обществе. Именно в семье индивид впервые осознает себя личностью и готовится, усваивая социальный опыт, к включению в более обширную систему общественных отношений.[1] В ходе этого процесса индивид подвергается воздействию внешних факторов и активно социализирует сам себя. Передача подрастающему поколению требований и ожиданий, с которыми общество обращается к своим членам, осуществляется взрослыми членами семьи, субъективно воспринимающими и интерпретирующими эти требования.

Говоря о семье, нельзя не отметить, что именно этот институт является важнейшим этапом социализации личности несовершеннолетнего. Социализация, как известно, представляет собой процесс формирования личности в определенных социальных условиях, социальных группах, а также приобретения жизненного опыта, усвоения ценностей, норм, правил поведения.

Процесс формирования личности принято рассматривать как социализацию, т.е. процесс наделения личности общественными свойствами, выбора жизненных путей, установления социальных связей, формирования самосознания и системы социальной

ориентации, вхождения в социальную среду, приспособления к ней, освоения определенных социальных ролей и функций. В этот период возникают и закрепляются типичные реакции на возникающие жизненные ситуации, наиболее характерные для данного человека предпочтения.[2]

Социализация личности в самом общем представлении есть процесс усвоения (интериоризации) ею принятых в обществе социальных норм и правил.[3]

Социализация личности как активный процесс длится не всю жизнь, а лишь период, необходимый для восприятия комплекса норм, ролей, установок и т.д., т.е. на протяжении времени, нужного для становления индивида как личности.

Как правило, выделяются следующие стадии социализации:

- 1) первичная, или ранняя социализация (от рождения до подросткового возраста);
- 2) стадия индивидуализации, характеризующаяся стремлением индивида выделить себя среди других, критически осмыслить общественные нормы поведения;
- 3) стадия интеграции, отражающая желание человека найти свое место в жизни, «влиться» в общество;
- 4) трудовая стадия;
- 5) послетрудовая стадия.[4]

Мы полагаем, необходимо дополнить вторую стадию социализации этапом, характеризующимся стремлением родителей либо близких родственников ребенка вы-

делить его, обособить от окружающих его детей, чем весьма ярко демонстрируется его превосходство над другими. Данные действия, как правило, имеют крайне негативные влияния и влекут за собой неблагоприятные последствия в воспитании и формировании личности ребенка.

Особенно важную роль в формировании личности играет первичная социализация, когда ребенок еще бессознательно усваивает образцы и манеры поведения, типичные реакции старших на те или иные проблемы. Как показывают психологические исследования личности преступников, уже взрослым человек часто воспроизводит в своем поведении то, что запечатлелось в его психике в период детства.

Дефекты первичной, ранней социализации в родительской семье могут иметь криминогенное значение, в первую очередь, потому, что ребенок еще не усвоил других положительных воздействий, он полностью зависим от старших и совершенно беззащитен перед ними.[5] Поэтому вопросы формирования личности в семье заслуживают исключительного внимания.

Семья является важнейшим институтом социализации личности, каналом включения молодого поколения в культурную традицию. Именно в семье человек получает первый опыт социального взаимодействия. На протяжении какого-то времени семья вообще является для ребенка единственным местом получения такого опыта. Затем в жизнь человека включаются детский сад, школа, улица. Однако и в это время семья остается одним из важнейших, а иногда и наиболее важным, фактором социализации личности.[6] «Семью можно рассматривать в качестве модели и формы базового жизненного тренинга личности. Социализация в семье происходит как в результате целенаправленного процесса воспитания, так и по механизму социального научения. В свою очередь сам процесс социального научения также идет по двум основным направлениям. С одной стороны, приобретение социального опыта идет в процессе непосредственного взаимодействия ребенка с родителями, братьями и сестрами, а с дру-

гой – социализация осуществляется за счет наблюдения особенностей социального взаимодействия других членов семьи между собой».[7]

Обязательному учету в процессе социализации и формирования личности подростка подлежат так называемые кризисы возраста. Так, Л.С. Выготский выделял кризис новорождения, одного года, трех, семи и тринадцати лет. Кризисы новорождения, трех лет и подросткового возраста относятся к так называемым большим кризисам. Они характеризуются коренной перестройкой отношений ребенка и общества. Малые кризисы (кризис одного года, семи лет, 17-18 лет) проходят относительно спокойно, связаны с приобретением человеком опыта, знаний и умений, развитием самостоятельности и самоопределения [8]. Кризисы возраста означают особый психологический этап, переход личности к новому, высшему периоду развития. Из всех переживаемых ребенком кризисных периодов наиболее сложным как для него самого, так и тех, кто занимается его воспитанием, а именно: родителей, учителей – является кризис подросткового возраста.

Анализ причин и условий, способствующих возникновению дефектов социализации, выделяет наиболее общие признаки, которые используются для описания характеристики семьи: численность семьи, структура (число поколений); характер семейной власти и взаимоотношений между отдельными членами семьи и входящими в нее возрастными, половыми и другими «подгруппами»; социальные функции (воспроизводство поколений, социализация, организация и проведение досуга, взаимопомощь и сотрудничество, хозяйственно-потребительская функция и др.).[9]

На сегодняшний день актуальным является вопрос об особенностях социализации в неполных семьях. Само по себе отсутствие в семье одного из родителей не исключает возможности нормального воспитания ребенка, его бездефектной социализации. Но сосредоточение всех семейных функций в руках одного родителя лишает процесс воспитания необходимых элементов.

Социальная роль отца, оказавшись «вакантной», нарушает гармонию воспитательного процесса, порождает у ребенка острое чувство ущербности, отсутствие образа-носителя «мужских качеств» и, естественно, приводит его к социомаргинальности.

Рост численности детей, рожденных вне брака, весомое количество разводов создают условия для роста удельного веса так называемых «материнских семей», и, как правило, в молодом возрасте. Следствием данного процесса становится крайняя уязвимость института семьи, а также увеличение количества проблем, которые охватывают практически все стороны жизнедеятельности подрастающего поколения.

В нашей стране наблюдается резкая деформация функций женщины в обществе (гендерный аспект). В дополнение к исполнению ее исторических и естественных предназначенных функций сегодня представительнице нашей страны зачастую приходится взваливать на себя и функцию обеспечения материального достатка семьи. Сочетание напряженной профессиональной деятельности женщины с исполнением ею семейных, материнских обязанностей приводит к самым неблагоприятным последствиям. Это, как правило, выражается в том, что она все время работает с перегрузками, постоянно испытывает усталость, нервное напряжение, боязнь не справиться с многочисленными делами, у нее появляется высокая тревожность, психические расстройства, ощущение враждебности мира.[10] Не выдерживая этого, многие женщины перестают дорожить семьями, внутренняя духовная связь между супругами и детьми утрачивает ценность и значение, наступает отчуждение.

Негативно сказывается на человеке сам факт лишения матери. Материнская же депривация, а именно нежелание заботиться о своем ребенке, приводит к тому, что у ребенка возникает острое ощущение отторгнутости, ненужности и заброшенности. Это приводит к возникновению напряженности в отношениях с окружающими людьми. Усиливается крайне негативное отношение к другим людям, к самому себе, естественно,

формируется заниженная самооценка.[11] Мы всецело поддерживаем данную точку зрения, полагая, что описанный факт является серьезным провокатором для совершения лицом преступных деликтов.

Однако нельзя оставить без должного внимания и тот факт, что на сегодняшний день накоплено значительное количество данных о семьях правонарушителей, условиях их родительского воспитания. В основном это социологические, социально-демографические данные о семье. Однако на нынешнем этапе развития науки и запросов правоохранительной практики становится ясно, что с помощью такой информации (о составе родительской семьи будущих правонарушителей, общих характеристиках отношений в ней, уровня культуры родителей, совершении ими и другими родственниками аморальных или противоправных действий и т.д.) уже нельзя в должной мере объяснить происхождение преступного поведения.[12]

При всей ценности весьма многочисленных данных о неблагополучных или неполных семьях остается непонятным, почему многие выходцы из таких семей никогда не совершают противоправных действий. К числу же неблагополучных семей относятся только те, в которых родители совершают противоправные или аморальные действия. Однако отсутствие, например, отца или его аморальное поведение далеко не всегда формируют личность правонарушителя. Поэтому следует считать, что решающую роль играют не состав семьи, не отношения между родителями, даже не их объективно неблагоприятное, пусть и противоправное поведение, а главным образом их эмоциональное отношение к ребенку, его принятие или, напротив, отвержение.[12]

По данным МВД по Республике Татарстан за 2013 год, за злостное неисполнение обязанностей по воспитанию детей к административной ответственности привлечено 14 215 родителей. По инициативе сотрудников полиции за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей 524 человека лишены родительских прав.

На укрепление института семьи в Российской Федерации направлены национальные проекты, главным образом – «Здоровье», «Доступное жильё», федеральная программа «Дети России». Материнский капитал, родовые сертификаты, различные социальные выплаты сделали возможным рождение в семьях вторых, третьих детей.

Сегодня в Республике Татарстан создана целостная система государственной поддержки семьи, материнства, детства, направленная на сохранение и реализацию потенциала семьи, укрепление ее основ, улучшение жизнедеятельности. Среди них –

целевые программы: «Дети России», «Дети Татарстана», «Профилактика правонарушений в Республике Татарстан», «Программа организации отдыха, оздоровления, занятости детей и молодежи» и другие. Повышению престижа материнства и отцовства, улучшению условий, благоприятствующих рождению и воспитанию детей, служит разработка Комплексной программы демографического развития Республики Татарстан до 2030 года. В нее включены такие подпрограммы, как «Стимулирование рождаемости» и «Развитие института семьи».

ЛИТЕРАТУРА

1. Забрянский П.И. Механизмы формирования антисоциальных подростковых и юношеских. Криминологи о неформальных молодежных объединениях. М., 1990. С.49.
2. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника. Криминологическое исследование: монография. М., 2014. С.34.
3. Побегайло А.Э. Семейное неблагополучие в системе детерминации преступного поведения несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С.16.
4. См.: Баранов П.П., Курбатов В.И. Юридическая психология. М., 2006.
5. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Указ.соч. С.34.
6. Побегайло А.Э. Указ.соч. С.16.
7. Реан А.А. Развитие и социализация личности в семье. См.: <http://narcom.ru/parents/parents/20.html>
8. См.: Выготский Л.С. Психология. М., 2002.
9. Зарипова Д.М. Борьба с преступностью маргинальных групп населения: теоретические и прикладные проблемы. Казань, 2000. С.53, 54.
10. Фатхуллин Н.С. Кризис семьи в современной России. Ищем выход // Россия: общество, власть, государство: материалы всероссийской науч. конференции. Т.3. Казань, 2008. С.395-398.
11. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб., 2000. С.89.
12. Антонян Ю.М., Эминов В.Е. С.35.

М.В. Баранчикова,
кандидат юридических наук
(Орловский юридический институт МВД России
имени В.В. Лукьянова)

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

В статье раскрывается уголовно-правовая характеристика статьи 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, показаны особенности уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции.

Ключевые слова: розничная продажа, несовершеннолетний покупатель, алкогольная продукция, уголовная ответственность продавца.

Ежегодно преступления в сфере незаконного оборота алкогольной продукции занимают значимое место в общей структуре российской преступности. Особую общественную опасность представляют собой посягательства, совершенные в отношении лиц несовершеннолетнего возраста. К числу таких составов относится ст.151.1 УК РФ, где предусмотрена ответственность за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции.

Введение данной статьи в структуру российского уголовного законодательства было обусловлено необходимостью достижения целей Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года, [1] а также с ростом уровня современного подросткового алкоголизма.

Статья 151.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» была включена в уголовное законодательство Федеральным законом от 21.07.2011 № 253 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции».[2]

Введение и законодательное оформление данной уголовно-правовой нормы вызывает ее неоднозначное толкование и сложность

применения на практике. Квалификация данной статьи осложняется ее бланкетностью, а также наличием в ней административной преюдиции.

В современный период порядок производства и оборота алкогольной продукции в России регламентируется нормами Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» с изменениями, внесенными Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 218-ФЗ и Федеральным законом Российской Федерации от 21 июля 2011 г. № 253 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции».

Запрет на розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетним установлен в ч.2 ст.16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. При нарушении данного запрета в соответствии с ч.2.1 ст.14.16 КоАП РФ виновный привлекается к административной ответственности за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния.

В случаях же, когда аналогичное общественно опасное деяние совершается виновным неоднократно, в течение ста

восемидесяти дней после его привлечения к административной ответственности, речь идет о наличии состава ст. 151.1 УК РФ.

Необходимость установления уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции обоснована опасностью, распространенностью и большим ростом заболеваемости алкоголизмом среди подростков в последние годы.

Алкогольная продукция является предметом преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ. Ее определение содержится в ст. 2 Федерального закона № 171-ФЗ, [3] где под «алкогольной продукцией» понимается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции, в соответствии с перечнем, установленным Правительством РФ.

Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 218-ФЗ [4] в подпункт 7 ст. 2 указанного закона были внесены изменения, согласно которым его действие распространяется на деятельность по производству и обороту пива и напитков, изготавливаемых на основе пива.

В свою очередь Федеральным законом от 23 июля 2013 года № 23 [5] были внесены дополнения в Федеральный закон № 171-ФЗ, согласно которым подпункт 7 ст. 1 дополнен указанием на то, что к алкогольной продукции также относятся сидр, пуаре, медовуха.

В соответствии с действующим законодательством алкогольная продукция подразделяется на такие виды, как спиртные напитки (в том числе водка), вино, фруктовое вино, ликерное вино, игристое вино (шампанское), винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха.

Установление признаков алкогольной продукции как предмета розничной продажи несовершеннолетнему является конструктивным элементом состава анализируемого преступления и подлежит описанию в процессуальных документах.

Специфика состава преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, обусловлена еще и тем, что потерпевшим в данном преступлении выступает несовершеннолетний, то есть лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Им является покупатель, в отношении которого осуществляется розничная продажа алкогольной продукции.

Учитывая опасность алкоголизма в подростковом и молодежном возрасте и в целях реализации политики предупреждения незаконного производства и оборота алкогольной продукции, в качестве ее социально-экономической меры Э.Д. Шайдуллина предлагает ввести запрет продажи любой алкогольной продукции лицам, не достигшим 21 года. [6] Однако такое повышение возраста в современных условиях вряд ли оправданно и не основано на существующем в современном уголовном законодательстве подходе к уголовно-правовой охране интересов несовершеннолетних.

При квалификации деяния по ст. 151.1 УК РФ необходимо устанавливать, что возраст лица, в отношении которого осуществляется розничная продажа алкогольной продукции, должен быть осознан ее продавцом. В случае возникновения у лица, непосредственно осуществляющего отпуск алкогольной продукции несовершеннолетним, сомнения в достижении этим покупателем совершеннолетия продавец вправе потребовать у этого покупателя документ, удостоверяющий личность (в том числе документ, удостоверяющий личность иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации) и позволяющий установить возраст этого покупателя. [7]

При квалификации по ст. 151.1 УК РФ необходимо учитывать, что общественная опасность действий по продаже несовершеннолетним алкогольной продукции состоит не только в причинении вреда их здоровью, но и в нарушении тем самым правил ведения розничной торговли алкогольной продукцией.

Розничная торговля представляет собой вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, до-

машин и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.[8]

В соответствии со ст.16 Федерального закона № 171-ФЗ розничная продажа алкогольной продукции (за исключением пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи) осуществляется организациями, а розничная продажа пива и пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи осуществляется организациями и индивидуальными предпринимателями.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст.151.1 УК РФ, заключается в неоднократной розничной продаже алкогольной продукции несовершеннолетнему.

При привлечении к уголовной ответственности по ст.151.1 УК подлежит установлению место, где была осуществлена продажа алкогольной продукции. Так, Н. Косевич считает, что к сфере применения данной статьи не относится реализация алкогольных напитков в барах, ресторанах, кафе и других объектах организации общественного питания.[9]

В свою очередь Н.В. Артеменко и Н.Г. Шимбарева такое сужение сферы возможного применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы считают необоснованным, отмечая, что в качестве возможного места совершения данного преступления могут выступать предприятия розничной торговли (магазины, киоски, павильоны, мини-, супер- и гипермаркеты и т.д.), а также предприятия общественного питания (рестораны, кафе, бары и т.п.), места, предназначенные для развлечения и проведения досуга (дискотеки, молодежные клубы, боулинги, бильярдные и т.п.) любой организационно-правовой формы.[10] Представляется, что местом совершения данного преступления могут быть как организации, в которых разрешена розничная продажа алкогольных напитков, так и такие, в которых продажа алкогольной продукции запрещена.

Конструктивным признаком данного преступления является неоднократность розничной продажи. Легальное толкование неоднократности дано в примечании к ст. 151.1 УК РФ, где указано, что розничной

продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней.

Основанием для возбуждения уголовного дела по ст.151.1 УК РФ является выявление повторного факта совершения одним и тем же лицом административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, в течение 180 дней. Соответственно розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции впервые либо по истечении 180 дней после привлечения к административной ответственности влечет наложение на виновного административного штрафа.

Субъектом рассматриваемого преступления является продавец алкогольной продукции. В соответствии с п.2 ст.1 Закона № 171-ФЗ продавцом следует считать физическое лицо, состоящее с организациями (индивидуальными предпринимателями) в трудовых отношениях и непосредственно осуществляющее отпуск алкогольной продукции покупателям по договорам розничной купли-продажи. Им является лицо, которое непосредственно реализует алкогольную продукцию несовершеннолетнему (продавец, кассир, бармен, официант и т.д.).

В случаях когда речь идет об индивидуальном предпринимателе, то он либо сам непосредственно осуществляет торговлю алкогольной продукцией и соответственно выступает возможным субъектом преступления, либо заключает трудовой договор с физическими лицами (реализаторами, продавцами), которые в данном случае и будут выступать субъектом рассматриваемого преступления. [10]

В ситуации, когда указание продавцу на нарушение правил торговли алкогольной продукцией в отношении несовершеннолетнего поступает от руководителя или вышестоящего по должности лица, которые сами непосредственно ее продажу не осуществляют, действия последних могут быть квалифицированы в соответствии с прави-

лами института соучастия.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Продавец алкогольной продукции, осуществляя ее продажу, должен достоверно или с большой степенью вероятности осознавать несовершеннолетний возраст покупателя и желать продать ему алкоголь.

В ст.16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171 разъяснены особенности поведения продавца алкогольной продукции по устранению сомнений в возрасте покупателя. Хотя требование продавца о предъявлении документа, удостоверяющего личность покупателя, является его правом, а не обязанностью, возможность наступления уголовной ответственности за продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции и наличие у данного продавца факта привлечения его ранее к административной ответственности за аналогичное деяние, превращает право убедиться в возрасте покупателя алкогольной продукции в обязанность продавца.

Практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ показывает, что утверждения продавца о том, что внешний вид покупателя давал ему основания полагать, что он достиг совершеннолетия, редко принимаются во внимание правоприменителем как доказательство невиновности недобросовестного продавца.

В современных условиях учет всех признаков состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, ее эффективное применение на практике будут способствовать значительному снижению уровня потребления алкогольной продукции несовершеннолетними, повышению эффективности государственной системы профилактики злоупотребления алкоголем.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 года № 2128-р // СЗ РФ. 2010. № 2. Ст.264.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2011 г. № 253 // СЗ РФ. 2011. № 30 (ч.1). Ст.4601.
3. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст.4553.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе»: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 218-ФЗ // Российская газета. 2011. 22 июля
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: Федеральный закон от 23.07.2013 № 232-ФЗ// Российская газета. 2013. 26 июля.

6. Шайдуллина Э.Д. Региональная концепция предупреждения незаконного производства и оборота алкогольной продукции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 3. С.287.
7. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 23.07.2013 г.) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст.4553.
8. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (в ред. от 21.11.2011 г.) // Российская газета. 2009.30 декабря.
9. Косевич Н. Усиление мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции как проявление государственной политики по защите несовершеннолетних // Уголовное право. 2012. № 3. С.102
10. Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г Установление уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: оправдаются ли надежды? // СПС Консультант-Плюс.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

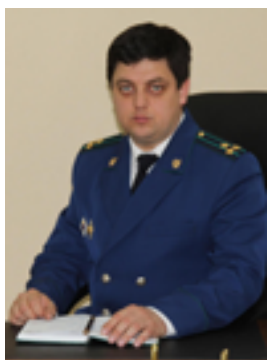

Демидова-Петрова Е.В.

Экстремизм в молодежной среде: понятие, сущность, показатели: учебное пособие / Е.В. Демидова-Петрова. — Казань: КЮИ МВД России, 2013. — 139 с.

В учебном пособии раскрываются понятие, признаки, показатели, причины экстремизма в молодежной среде; предлагается криминологический анализ лиц-приверженцев молодежного экстремизма; рассматриваются молодежные экстремистские объединения, их сущность, направленность; проанализированы особенности общего (общесоциального) и специального предупреждения экстремизма в молодежной среде.

Учебное пособие предназначено для слушателей и курсантов вузов МВД России.

А.Р. Абуталипов,

кандидат педагогических наук, доцент

А.А. Илизжев,кандидат юридических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Статья посвящена исследованию проблем определения юридической природы преступлений против порядка управления. В работе глубокому анализу подвергается генезис развития законодательства о преступлениях против порядка управления в отечественном уголовном праве, определяется их место и значение в системе Особенной части УК РФ. В исследовании обосновывается необходимость выделения в уголовном законе такой категории, как «интересы органов управления».

Ключевые слова: интересы органов управления, преступления против государственной власти, уголовно-правовая политика, характер и степень общественной опасности, представитель власти.

В теории уголовного права преступления против порядка управления относятся к наименее исследованной группе общественно опасных деяний. В какой-то степени не столь активный интерес ученых к этой группе преступлений можно объяснить ролью данных составов, которую они выполняют в системе Особенной части УК РФ. Стоит отметить, что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 № 1662-р, обеспечение эффективности органов государственного управления, в том числе и правоохранительной направленности, определяется в качестве одного из приоритетных направлений развития институциональной среды, необходимой для инновационного социально-ориентированного типа развития государства.[1] Полноценная реализация положений указанной Концепции может быть обеспечена, в том числе, и с помощью уголовно-правовой охраны интересов органов управления.

В соответствии с Конституцией РФ государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Кроме этого, признается и гарантируется местное самоуправление. Эффективная, отвечающая современным требованиям деятельность органов власти и местного самоуправления является залогом формирования правового государства, соблюдения прав и интересов граждан, успешного решения задач, стоящих перед обществом.[2] Интересы органов управления как объект уголовно-правовой охраны являются разновидностью государственных интересов, т.е. имеют публично-правовую природу, обусловленную социальными потребностями, по отношению к которым государство в лице его органов может и должно выступать как гарант. По отношению к посягательствам на порядок управления интересы государственной власти учитываются и охраняются только как интегрированные в публично-правовую форму и, соответственно, не могут противоречить друг другу. Это обстоятельство

исключает возможность противостояния интересов.

Нормальная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, должна пониматься как складывающиеся между органами управления и гражданами отношения по поводу осуществления указанными органами распорядительных и административных функций строго в рамках закона, а со стороны граждан – подчиненности, обязательности исполнения и соблюдения законных решений и требований данных органов. Посягательства на порядок управления не только нарушают нормальную деятельность органов власти и управления, но и подрывают авторитет власти и ее представителей в глазах общественности, что в современной России и так вызывает особую озабоченность. К тому же подобного рода деяния нередко ставят под угрозу причинения вреда личную безопасность представителей власти, их жизнь, здоровье, честь и достоинство, а также соответствующие блага их близких. Как нам представляется, государство, наделяя свой «аппарат» большими правами по сравнению с обычными гражданами, предъявляет к ним и более высокие требования, вплоть до привлечения в случаях нарушения законов к уголовной ответственности. В данном случае следует особо подчеркнуть, что законодатель проводит последовательную, взвешенную уголовно-правовую политику при регламентации ответственности преступлений против интересов органов управления. С одной стороны, при выполнении должностными лицами своих служебных обязанностей они обеспечиваются усиленной охраной, в том числе и применением к лицам, препятствующим такой деятельности, суровых мер ответственности. Последствия посягательств на порядок управления непосредственно определяют степень их общественной опасности. Формальная конструкция большинства составов преступлений, предусмотренных гл.32 УК РФ, вызвана вероятностным характером таких последствий, проблемами установления их конкретных проявлений и причинно-следственной связи с совершае-

мыми деяниями, особенно применительно к интересам органов управления в целом. В то же время их учет должен иметь принципиальное значение для криминализации. О повышенной степени общественной опасности преступлений данной группы свидетельствует сравнительный анализ санкций некоторых статей Особенной части. Так, за совершение преступления, предусмотренного ст.317 УК РФ, минимальное наказание составляет двенадцать лет лишения свободы, в то время как в санкции ч.2. ст.105 УК РФ минимальная планка занижена и равна 8 годам лишения свободы. Устанавливая суровые меры ответственности за посягательства на порядок управления, законодатель тем самым стремится обеспечить властным отношениям, складывающимся между управляющими субъектами (должностными лицами, органами управления) и управляемыми (гражданами и организациями), режим наибольшего благоприятствования в целях их нормальной реализации. С другой стороны, УК РФ в некоторых случаях ужесточает ответственность и самих сотрудников государственного аппарата. Подтверждением этому может служить введение Федеральным Законом от 22.07.2010 г. № 155-ФЗ п. «о» в статью 63 УК РФ, [3] относящую совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел к обстоятельствам, отягчающим наказание, что, на наш взгляд, имеет двоякое значение. С одной стороны эта новелла достаточно обоснованна и актуальна, однако в то же время законодательная интерпретация данного положения является весьма дискуссионной в части необоснованного сужения круга лиц, подпадающих под данное обстоятельство, до сотрудника органа внутренних дел, исключив при этом из их числа представителей других правоохранительных органов.

В теории отечественного уголовного права на протяжении длительного периода времени отсутствует ясное понимание юридической природы преступлений против порядка управления. Хотя стоит отметить, что исторически нормы о преступлениях против порядка управления были известны уголовному законодательству Российской

империи уже в конце XIX века и некоторым более ранним памятникам русского права. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало специальный раздел четвертый "О преступлениях и проступках против порядка управления". В более поздних источниках уголовного права России, в том числе и Советского периода, например, УК 1922 и 1926 гг., несмотря на выделение специальной главы о преступлениях против порядка управления, круг деяний, относимых законодателем к числу соответствующих преступлений, по-прежнему был неоднороден, и они существенно различались по объективным и субъективным характеристикам. В советское время преступления против порядка управления в системе Особенной части впервые появились в Уголовном кодексе 1922 г., который относил эти преступления к государственным. Глава I "Государственные преступления" состояла из двух разделов: "О контрреволюционных преступлениях" и "О преступлениях против порядка управления". Во втором разделе Кодекса помещались преступления, которые весьма существенно отличались друг от друга по уровню общественной опасности и впоследствии были предусмотрены в других главах уголовных кодексов 1926 и 1960 гг. В теории отечественного уголовного права обоснованно отмечалось, что сосредоточие в главе «О преступлениях против порядка управления» столь различных по характеру и степени общественной опасности деяний свидетельствовало о том, что у законодателя этого периода отсутствовало достаточно ясное представление о порядке управления как родовом объекте охраны и, соответственно, о круге деяний, подлежащих включению в эту группу.[4]

С принятием УК РФ 1996 г. количество статей, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против порядка управления, существенно увеличилось. В некотором смысле это явилось отражением общей тенденции развития уголовного законодательства советского периода и «молодого» уголовного закона современной России, при которой глава о преступлениях против

порядка управления выполняла роль своеобразного резервуара. И в настоящее время, как справедливо отмечает Н.А. Егизарян, указанные части уголовного закона рассматриваются как резервный накопитель для составов с неопределенным статусом. [5] Действительно, как нам представляется, в эту главу помещены нормы о тех преступлениях, объект посягательства которых первоначально однозначно не был определен, и поэтому точное место этих норм в системе Особенной части УК не было найдено.

В науке уголовного права злободневными и дискуссионными продолжают оставаться вопросы общего понятия родового и видового объекта преступления, а также некоторые правовые признаки отдельных составов преступлений против порядка управления, например, организация незаконной миграции, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград. С гносеологической точки зрения, в доктрине российского уголовного права отсутствует системный подход к пониманию и научному осмыслению преступлений данного рода. Такое «положение дел» в теории, в частности, приводит к тому, что нормы о преступлениях против порядка управления недостаточно кодифицированы, их технико-юридическое оформление, последовательность уголовно-правовой регламентации смежных составов преступлений не отличаются необходимой четкостью.

В этом смысле совершенно обоснованной представляется позиция И.В. Дворянскова относительно сущностного подхода к структуре и построению родового объекта преступлений против порядка управления в УК РФ. Как справедливо отмечает И.В. Дворянсков, существует непоследовательность в построении раздела X УК РФ «Преступления против государственной власти». В первых двух его главах законодатель, очевидно, имеет в виду сущностные стороны объекта (интересы), в третьей – один из видов судебной деятельности (правосудие), в четвертой – функции государства (управление).[6] Мы полностью со-

гласны с ним, что в данном случае нарушено соотношение общего и частного. Общим выступают основы конституционного строя и безопасности государства. Необходимо признать, что их уголовно-правовая защита и соответствующая кодификация отражает основной государственный интерес, они интегрируют все фундаментальные основы власти. После этого необходимо конкретизировать соответствующие государственно-правовые интересы. В качестве охраняемого блага в главе 32 УК РФ по существу выступают интересы органов управления.

Выделение такой категории, как «интересы органов управления», в теории уголовного права позволяет формировать системную основу объекта уголовно-правовой охраны, отражать при моделировании объекта охраны не разрозненные проявления организации и функционирования органов управления, а целый комплекс общественных отношений, формирующихся по поводу реализации исполнительной власти. Выделение указанной категории поможет теоретически обосновать и использовать весь потенциал уголовного права для обеспечения эффективной деятельности органов управления и рассматривать объект уголовно-правовой охраны в рамках гл.32 УК

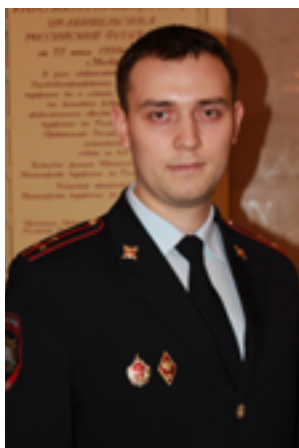
РФ в аксиологическом аспекте, а также способствовать интеграции группы преступлений против интересов органов управления в раздел X УК РФ, конструктивным признаком которого являются интересы государственной власти. При этом государственное управление необходимо понимать как специальный вид государственной деятельности, заключающейся в информационном, организационном и охранительном воздействии субъектов управления на коллективное и общественное поведение, обеспеченном силой государственного принуждения и выражающемся в государственно-властных отношениях. В целом интересы государственной власти имеют характер концептуального уголовно-правового признака, который объединяет все главы в разделе X.

Таким образом, преступления против порядка управления можно определить как совершаемые физическими (частными) лицами умышленные общественно-опасные деяния, причиняющие вред или ставящие под угрозу причинения вреда общественным отношениям (интересам) в сфере реализации органами исполнительной власти и местного самоуправления государственно-властных функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 № 1662-р «Об утверждении концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года». Электронный ресурс: RG.RU. Дата обращения: 27.10.2013.
2. См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5/ под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. С.208.
3. СПС «Гарант». Электронный ресурс: <http://base.garant.ru/>
4. См.: Курс советского уголовного права (часть Особенная). Т. 4. Л.: ЛГУ, 1978. С.399.
5. Егиазарян Н.А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2013. С.4.
6. Дворянсков И.В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2013. С.14.

Р.Р. Абдулганеев,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В СФЕРЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена общим и специальным мерам предупреждения религиозного экстремизма в системе подготовки специалистов для зарегистрированных религиозных организаций в России. В рамках данной статьи рассматриваются правовые механизмы и организационные подходы по формированию актуальных мер внутреннего контроля и государственного надзора за процессом обучения в религиозных образовательных учреждениях.

Ключевые слова: религиозный экстремизм, религиозное образование, духовная жизнь общества, преступление религиозной экстремистской направленности.

Проникновение идеологии религиозного экстремизма в сферу подготовки духовенства раскрывает широкие возможности для ее популяризации в среде обучающихся, закладывая в них искаженные знания и представления о духовных и жизненных ценностях, что в дальнейшем становится одними из определяющих элементов их криминального поведения.

Противодействие проявлениям религиозного экстремизма в сфере религиозного образования требует наличия комплекса эффективных и своевременных мер, выступающих в качестве барьера на пути распространения данного негативного социального явления.

В системе таких мер ключевая роль принадлежит специальному и индивидуальному предупреждению, которые обладают возможностью воздействия на причинный ряд, порождающий крайние религиозные воззрения в среде традиционного духовенства. При этом общесоциальные меры предупреждения религиозного экстремизма являются системным регулятором внешних условий стабильного развития общества и контроля состояния его духовного здоровья.

1. К основным общесоциальным мерам предупреждения религиозного экстремизма в религиозных образовательных учреждениях относятся:

1. Усиление антиэкстремистской направленности в процессе обучения.

Процесс подготовки кадров для зарегистрированных религиозных организаций требует формирования организационно-правовых механизмов, направленных на установление контроля за ним со стороны центральных институтов управления зарегистрированных религиозных организаций, а также надзора со стороны государства. Помимо этого, важным являются создание механизмов контроля за учебной и учебно-методической литературой, религиозной литературой на иностранных языках, используемой в образовательном процессе, системы надзора за учебной деятельностью профессорско-преподавательского состава, а также создание системы повышения квалификации для служащих зарегистрированных религиозных организаций как одного из условий их профессиональной компетентности.

Исходя из этого, считаем необходимым предусмотреть в качестве положения ст. 87 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» обязательное введение предметов антиэкстремистского цикла в учебную программу религиозных образовательных учреждений, причем общий контроль за образовательным процессом возложить на цен-

тральные органы управления зарегистрированных религиозных организаций, что позволит осуществлять двойной контроль за качеством и содержанием учебного процесса.

2. Формирование государственных мер социальной поддержки для преподавателей в религиозных образовательных учреждениях.

Создание приемлемых условий для осуществления возложенных задач по поддержанию духовного равновесия в условиях многоконфессионального и многонационального российского общества требует полной самоотдачи и сосредоточенности со стороны духовенства. Но нередко низкий уровень социальной защищенности преподавателей в религиозных образовательных учреждениях (по усредненным данным Духовного управления мусульман Республики Татарстан и Татарстанской митрополии РПЦ, заработная плата представителей духовенства в городах варьируется от 10 до 15 тыс. рублей, в селах и деревнях – от 5 до 7 тыс. рублей) приводит к его отвлечению на выполнение несвойственных функций и решение сторонних задач, часто материальное неблагополучие членов их семей способствует взаимодействию с благотворительными организациями и фондами, финансирующими религиозные экстремистские организации.

Таким образом, в целях пресечения возможности вовлечения преподавателя религиозного образовательного учреждения в экстремистскую деятельность считаем необходимым предусмотреть государственную социальную поддержку представителей духовенства, взяв за основу Положение о материальной и социальной поддержке священнослужителей, церковнослужителей и работников религиозных организаций Русской Православной Церкви, а также членов их семей, распространив практику его применения в отношении зарегистрированных религиозных организаций в России.

3. Совершенствование правовых механизмов, регулирующих противодействие экстремизму в религиозных образовательных учреждениях:

а) формирование «прозрачной» системы финансирования религиозных образовательных учреждений.

Сегодня законодательно не определены источники финансирования религиозных организаций. Согласно ст. 10 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», [1] в уставе религиозной организации должны быть указаны источники образования денежных средств и иного имущества организации. Таким образом, законодательство не дает исчерпывающего перечня возможных источников доходов религиозных организаций, что открывает широкие возможности для привлечения средств криминального происхождения в деятельность религиозных организаций, в том числе и в сфере религиозного образования. В этой ситуации необходимо не только развивать финансовую базу религиозных организаций, но и определять исчерпывающий перечень источников финансирования для религиозных организаций, совершенствовать систему контроля и надзора за их доходами и расходами; [2]

б) противодействие легализации деятельности религиозных экстремистских организаций в сфере образования.

Большинство религиозных объединений, которым, в соответствии со ст. 12 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», было отказано в государственной регистрации, а также исходя из положений ст. 14 данного Федерального закона была приостановлена, запрещена или ликвидирована их деятельность, пытается приобрести статус юридического лица в форме общественного объединения, изменив при этом в своих уставных документах цели и задачи деятельности, после чего на законных основаниях продолжить ее. [3]

На основании этого считаем важным создание межведомственной базы таких религиозных организаций, которым было отказано в праве на осуществление деятельности на территории Российской Федерации, по аналогии с Федеральным списком экстремистских материалов;

в) установление мер контроля за распространяемой литературой в религиозных приходах и религиозных образовательных учреждениях.

Отсутствие современной системы реагирования на факты распространения в религиозных учреждениях экстремистской литературы приводит к значительным упущениям в вопросах предупреждения данного негативного социального явления среди духовно активной части населения. По данным Центра по противодействию экстремизму МВД по Республике Татарстан, так называемые криминальные вбросы религиозной экстремистской литературы регулярно происходят на крупных молитвенных собраниях и религиозных празднованиях. При этом руководители приходов, лица, ответственные за обеспечение порядка в религиозных учреждениях, практически не создают препятствий такого рода деяниям.

Исходя из указанного выше считаем важным закрепить в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» обязанность руководителей религиозных приходов, руководителей религиозных образовательных учреждений по контролю за распространением на территории религиозного прихода, религиозного образовательного учреждения печатной и иной продукции религиозного содержания.

II. К мерам специального предупреждения религиозного экстремизма можно отнести следующие:

1. Усиление взаимодействия Центров по противодействию экстремизму МВД России (ЦПЭ МВД России) по субъекту Федерации с представителями религиозных образовательных учреждений.

Одним из ключевых направлений совместной деятельности в вопросах предупреждения религиозного экстремизма является разработка совместного учета лиц, выезжающих за рубеж для получения религиозного образования.

Реализация указанного направления представляется возможной путем заключения соглашения о сотрудничестве между центральными институтами управления зарегистрированных религиозных организаций и МВД России. Исходя из этого считаем необходимым возложить обязанность по предоставлению информации ЦПЭ МВД России по субъекту Федерации о лицах, об-

учавшихся или обучающихся в зарубежных образовательных учреждениях, на международные отделы религиозных конфессий с последующей ее обработкой и передачей в Главное управление по противодействию экстремизму МВД России (ГУПЭ МВД России) для формирования федерального учета таких лиц. При этом среди субъектов обозначенной категории особому контролю подлежат: а) выезжающие на обучение по направлению религиозных конфессий; б) выезжающие на обучение в рамках международных обменов с зарубежными религиозными учреждениями и организациями; в) выезжающие по приглашению зарубежных религиозных образовательных учреждений и организаций; г) изъявившие желание к самостоятельному обучению в зарубежных религиозных образовательных учреждениях.

Полученная информация должна быть положена в основу дальнейшего мониторинга деятельности граждан указанных категорий в целях пресечения возможности совершения ими преступлений религиозной экстремистской направленности.

2. Пропаганда традиционных социальных и религиозных воззрений среди обучающихся в религиозных образовательных учреждениях.

Религиозная экстремистская идеология, в первую очередь, стремится к замещению общепринятых представлений и норм поведения в целях установления диктата собственных искаженных догматов. Особенно опасны данные проявления в среде учащихся религиозных образовательных учреждений, представителей духовенства как носителей традиционного духовного наследия российского общества.

Соответственно, контрмерой должна стать совместная активная деятельность по активизации в религиозных образовательных учреждениях антиэкстремистского мониторинга, а также по выявлению и устранению возможных путей распространения идеологии религиозного экстремизма.

По нашему мнению, к основным мерам, способствующим популяризации общепринятых социальных и религиозных норм среди учащихся в религиозных образовательных учреждениях, относятся: а) прове-

дение профилактических бесед в учебных группах при участии представителей ЦПЭ МВД России по субъекту Федерации не реже одного раза в два месяца; б) введение института кураторства среди авторитетных преподавателей религиозных образовательных учреждений над «проблемными» группами и учащимися; в) назначение в группах ответственных за антиэкстремистскую пропаганду и надзор среди наиболее подготовленных учащихся религиозных образовательных учреждений.

III. Индивидуальные меры предупреждения религиозного экстремизма.

1. Регулярное осуществление работы по коррекции поведения обучаемых лиц – приверженцев религиозной экстремистской идеологии.

Профилактическое воздействие на обучаемых в религиозных образовательных учреждениях является одним из наиболее трудоемких процессов, основная цель которого состоит не в том, чтобы наказать, а потом исправлять и перевоспитывать, а в том, чтобы именно воспитывать в целях недопущения отклоняющегося поведения, правонарушения, преступления.[4]

В таких условиях существенно возрастает необходимость в выработке программ корректирующего воздействия на несовершеннолетних приверженцев идеологии религиозного экстремизма. По нашему мнению, координаторами работ в данном направлении должны стать Федеральное агентство по делам молодежи, министерства по делам молодежи субъектов Федерации и ЦПЭ МВД России по субъекту Федерации.

К первоочередным программам, подлежащим совместной реализации, следует отнести программы: а) направленные на интеграцию несовершеннолетних, основная их цель состоит в привитии традиционных социальных и духовных ценностей российского общества, культуры мирного взаимного сосуществования; б) спортивно-массовые; досуговые, направленные на объединение молодежи по интересам и имеющие своей целью пропаганду культуры межличностного взаимодействия молодежи; в) международной молодежной работы, содействующие пониманию и установлению контактов сре-

ди представителей различных религиозных, культурных, социальных и национальных групп; г) реабилитационного плана, состоящие в информировании несовершеннолетних в целях противодействия манипулированию их сознанием, в возвращении к жизни в социуме, в формировании активной гражданской позиции и побуждении желания к отказу от идей религиозного экстремизма.

2. Применение мер корректирующего воздействия на ранее судимых обучаемых.

Деятельность по возвращению лиц, уже имеющих опыт совершения преступлений, к законопослушному поведению является наиболее трудоемкой в содержательном плане и требует персонального (адресного) подхода в ее осуществлении. Особую актуальность это приобретает, когда лица, ранее судимые за совершение преступлений, начинают обучаться в религиозных образовательных учреждениях.

На необходимость скорейшего решения сложившейся проблемы указывает отсутствие в деятельности МВД России программ корректирующего воздействия на лиц указанной категории. К тому же, по данным ЦПЭ МВД по Республике Татарстан, с 2011 г. наблюдается устойчивый рост вовлечения в религиозные экстремистские сообщества людей, обладающих криминальным опытом преступных группировок. В результате чего возникает высокий риск увеличения криминальной активности. Целью криминальной активности, сочетающейся с силовыми способами навязывания населению религиозной экстремистской идеологии, является создание криминально-религиозного анклава, территории, не подчиняющейся государственной власти.[5]

Исходя из этого считаем необходимым обратиться к зарубежному опыту криминальной полиции земли Саксония (Германия) по реализации программы «Открытые двери». Сущность данной программы состоит в добровольном шестимесячном реабилитационном курсе для бывших участников религиозных организаций. На лицо возлагается ряд обязанностей, среди них: а) в течение двух недель после включения в работу программы зарегистрироваться на бирже труда; б) не реже двух раз в неделю

посещать групповые занятия с участием полицейского психолога и представителя религиозной конфессии, принадлежность к которой указывает лицо; в) в случае необходимости принять участие в земельных программах по перепрофилированию и профессиональной переподготовке.

По нашему мнению, разработка отечественной программы по коррекции лиц, ранее судимых за совершение преступлений религиозной экстремистской направленности, на основе положительного зарубежного опыта позволит установить первичные механизмы деятельности МВД России в этом направлении.

Приведенные меры предупреждения экстремизма в системе религиозного образования представляют собой комплекс разносторонних мероприятий, имеющих своей целью формирование мер, направленных на пресечение самой возможности распространения религиозной экстремистской идеологии в среде профессорско-преподавательского состава и обучающихся в такого рода образовательных учреждениях.

На основе приведенных мер предупреждения религиозного экстремизма в сфере религиозного образования представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1. К основным мерам общесоциального и специального предупреждения религиозного экстремизма нужно относить механизмы, направленные на устранение самой возможности формирования религиозной

экстремистской идеологии и пресечение попыток ее популяризации в среде профессорско-преподавательского состава и обучающихся религиозных образовательных учреждений.

2. Одним из первоочередных направлений антиэкстремистской деятельности зарегистрированных религиозных организаций является разработка и внедрение актуальных просветительских и воспитательных программ в образовательные религиозные учреждения.

3. Важно усилить работу органов внутренних дел, направленную на взаимодействие с представителями зарегистрированных религиозных организаций, предусмотрев для этого меры поощрения лиц, изъявивших желание к сотрудничеству. При этом неприемлемым должно стать сокрытие фактов проявления религиозного экстремизма и укрывательство лиц, разделяющих такие убеждения, в религиозных образовательных учреждениях.

4. Особого внимания требует деятельность по применению мер корректирующего воздействия на лиц, ранее судимых за совершение преступлений религиозной экстремистской направленности и не отказавшихся от своих преступных убеждений, а также усиление взаимодействия ЦПЭ МВД России по субъекту Федерации с представителями зарегистрированных религиозных организаций в целях контрпропагандистской деятельности в сфере религиозного образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. О свободе совести и о религиозных объединениях : Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ : в ред. Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 180-ФЗ // Рос. газета. 1997. 1 окт. ; 2013. 5 июля.
2. Агафонова А.А. Бюджетное финансирование деятельности религиозных объединений: сравнительно-правовое исследование // Государственная власть и местное самоуправление. 2012. № 3. С.5.
3. Петюкова О.Н. Государственная регистрация религиозных организаций в Российской Федерации : науч.-практ. комментарий. М., 2007.
4. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С.415.
5. По данным информационно-аналитического отчета «Об организации и проведении мониторинга религиозно-политической обстановки в Республике Татарстан» в 2012 г.

Р.А. Исмагилов,
кандидат юридических наук
(Уфимский юридический институт МВД России)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА С ТЕЛ УМЕРШИХ И МЕСТ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ

В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся квалификации хищения имущества с тел умерших и мест их захоронения, дается анализ подходов по затронутой проблеме. На основе проведенного исследования автором даются рекомендации к применению ст. 244 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: место захоронения, надругательство над телами умерших и местами их захоронений, тело умершего человека, статья 244 Уголовного кодекса Российской Федерации, квалификация хищений.

В теории уголовного права, а также в правоприменительной практике до сих пор остается дискуссионным вопрос о квалификации противоправного изъятия разного рода вещей из мест захоронений. Проблема возникла с принятием ст.244 УК РФ в редакции, которая отличается от той, что была в прежней норме, предусмотренной в ст.229 (Надругательство над могилой) УК РСФСР 1960 г. Решение вопроса при применении ст.229 УК РСФСР не вызывало затруднений, поскольку похищение находящихся в могиле или на могиле предметов напрямую фигурировало в качестве одного из преступных посягательств, квалифицируемых по данной статье. На сегодняшний день в уголовно- правовой литературе на сей счет высказываются различные мнения.

Некоторые авторы продолжают утверждать, что противоправное изъятие тех или иных предметов с мест захоронений образует состав преступления по ст.244 УК РФ. Например, А.Э. Жалинский предлагает квалифицировать как повреждение по ст.244 УК РФ «изъятие отдельных украшений, скульптурных фрагментов, предметов, имеющих особое значение для религиозной или светской церемонии».[4. С.472] Также считает Р.Р. Галиакбаров, признавая повреждением надмогильных сооружений изъятие элементов надгробий.[4. С.509]

Другие ученые усматривают совокупность преступлений независимо от того, какие предметы с места захоронения похищает виновный – погребенные в могилу или образующие надмогильное сооружение. Так, по мнению З.А. Незнамовой, хищение предметов из могилы, равно как хищение цветов и венков, образует совокупность преступлений, предусмотренных ст.244 и ст.158 УК РФ.[5. С.482]

Такое же мнение высказывает Р.Д. Шарипов: «Хищение надмогильных сооружений или предметов из могилы, на наш взгляд, следует квалифицировать по совокупности ст. 244 УК РФ и соответствующим статьям о хищении чужого имущества, т.к. вещи, погребенные вместе с телом умершего, являются объектом права собственности его родственников или государства».[9. С.83]

Наконец, третья группа авторов дифференцированно подходит к уголовно-правовой оценке данного вопроса в зависимости от того, находятся изымаемые виновным предметы в могиле или ином месте захоронения либо они являются частью надмогильного сооружения. Так, по словам Ю.М. Ткачевского, «предметы, положенные в гроб, являются ничейным имуществом, они преданы тлению или кремации. Поэтому завладение ими считается не кражей, а надругательством над телом умершего

и местом его захоронения». Напротив, изъятие надмогильных сооружений, как считает Ю.М. Ткачевский, помимо морального ущерба родным и близким умершего, может причинить и материальный ущерб, поэтому в подобных случаях надо ставить вопрос об ответственности виновных лиц по совокупности преступлений – ст.244 и ст.158 или 164 УК РФ.[8. С.456]

Аналогичного мнения придерживается О.А. Аксенов с той лишь разницей, что он исключает идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст.244 и ст.158 УК РФ, считая, что завладение с корыстной целью надмогильными сооружениями «следует квалифицировать -как кражу чужого имущества, поскольку упомянутые предметы принадлежат родственникам, близким умершего или государству, предприятию, организации, органам местного самоуправления». Если же действия виновного, выразившиеся в надругательстве над телом умершего и местом его захоронения, как отмечает О.А. Аксенов, соединены с корыстным завладением названными предметами, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.244 и ст.158 УК РФ.[1. С.244]

Что касается изъятия и завладения находящимися в могиле предметами, то такое деяние, по мнению О.А. Аксенова, «не образует состава кражи, ибо в этой ситуации нет и не может быть собственника. Поэтому действия, связанные с изъятием и завладением с корыстной целью предметов, находящихся в могиле, следует рассматривать только как надругательство над телами умерших и квалифицировать по ст.244 УК РФ». [1. С.244]

Прежде чем высказать собственное мнение по анализируемой проблеме, заметим, что разброс мнений наблюдается также по вопросу о том, признаки какого из числа предусмотренных ст.244 УК РФ преступных деяний образует противоправное завладение имуществом с мест захоронений - является ли это надругательством над телом умершего либо это уничтожение или повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений либо их осквернение?

На наш взгляд, следует признать справедливой позицию тех авторов, которые дифференцированно подходят к уголовно-правовой оценке рассматриваемой ситуации, а именно: содеянное в случае противоправного завладения имуществом с места захоронения, так сказать, «над могилой», образует совокупность хищения чужого имущества и преступления, предусмотренного ст.244 УК РФ, в то время как противоправное завладение имуществом с места захоронения «из могилы» должно квалифицироваться только по ст.244 УК РФ.

Современные надгробия, нередко изготавливаемые из особо ценных материалов (ценных пород дерева и камня, цветных, в том числе драгоценных металлов), имеющие дорогостоящие элементы траурного декора, подчас представляющие собой высокохудожественные произведения и обладающие высокой стоимостью, безусловно, являются объектами права собственности, а для субъекта, противоправно на них посягающего, чужим имуществом. Надмогильные сооружения обладают всеми свойствами вещи, находящейся в свободном гражданском обороте, поскольку законом допускается замена надгробий близкими покойного или государством. Являясь движимыми вещами, а в ряде случаев по существу недвижимостью, неразрывно связанной с местом захоронения, и, таким образом, обладая всеми признаками предмета преступлений против собственности, надмогильные сооружения имеют специфическую потребительскую стоимость, особое культурное значение – реализуют функцию символов поминальной обрядности, удовлетворяя потребность в почитании и увековечивании памяти об умершем человеке, его прижизненного социального значения. Поэтому хищение их в целом либо в части есть двухобъектное посягательство, причиняющее ущерб как отношениям собственности, так и отношениям в сфере похоронной культуры. Ввиду чего квалификация по совокупности преступлений, учитывая, что ст.244 УК РФ хищение надмогильных сооружений не криминализует, оправданна.

Что касается предметов, погребенных вместе с телом покойного в могилу или иное место захоронения, то надо признать справедливым мнение, что такие предметы являются ничейным имуществом, собственника которого нет и быть не может.

Издавна существует обычай сопровождать погребение умершего вложением в захоронение различных предметов культового, бытового, хозяйственного или производственного назначения, которые могут якобы пригодиться покойному на том свете. Предметы, вложенные в захоронение, именуемые в исследовательской (археологической, этнологической и т.п.) практике погребальным инвентарем, обоснованно считаются важным культовым элементом погребального сооружения в целом (погребального комплекса). [6. С.41] Таким образом, предметы погребального инвентаря, некоторые из которых могут быть весьма ценными (монеты из драгоценных металлов, ювелирные украшения, воинская амуниция, прижизненные награды покойного, дорогая одежда и т.д.), выполняют такую же ритуальную функцию, что и надмогильные сооружения, утрачивая, однако, свойства объекта права собственности.

На первый взгляд, погребение вместе с телом умершего ценных вещей не лишает близких покойного и иных лиц, взявших на себя обязанность осуществить погребение, права хозяйственного господства (владения) над этими вещами, равно как имущество, хотя специально и не охраняемое собственником или временно оставленное им без присмотра в определенном месте (например, уборочные машины в поле, вещи на пляже, велосипед у дверей магазина), юридически и фактически продолжает пребывать в сфере его хозяйственного господства. [2. С.238] Однако в отличие от временно оставленного собственником имущества, сохраняющего за собой известную триаду собственнических прав, предметы погребального инвентаря, будучи захороненными, перестают быть объектами права пользования и распоряжения и, таким образом, их гражданский оборот прекращается. Как отмечает А.И. Бойцов, предметы,

находящиеся в местах захоронения, выходят из сферы имущественных отношений, поскольку они добровольно исключаются родственниками умершего из состава принадлежащего им имущества. [2.С.239] Ритуальная передача вещи покойному в гроб и умозрительное наделение последнего правами собственника фактически есть не что иное, как акт отказа действительного собственника от права собственности на эту вещь. Это дает основания считать предметы погребального инвентаря бесхозными или брошенными вещами (ч.1 ст.225 ч.1 ст.226 ГК РФ), которые по общему правилу не могут быть предметом хищения.

Однако предусмотренные статьями 225 и 226 ГК РФ правила оборота бесхозных и брошенных вещей, допускающие приобретение права собственности на них другими лицами, не могут распространяться на предметы погребального инвентаря ввиду их вышеупомянутого ритуально-похоронного значения, обуславливающего полное их изъятие из мира обычных вещей. Поэтому противоправное ими завладение, равно как уничтожение или повреждение, считается не имущественным преступлением, а посягательством на один из символов погребальной обрядности, ответственность за которое должна наступать по ст.244 УК РФ.

Подход крещению вопроса о том, признаки какого преступного деяния, предусмотренного ст.244 УК РФ, образует противоправное завладение имуществом с мест захоронений, на наш взгляд, также должен быть дифференцированным в зависимости от месторасположения похищаемых предметов.

Противоправное завладение предметами погребального инвентаря есть не что иное, как осквернение места захоронения. Причем данному деянию, как правило, предшествует разрывание могилы или вскрытие склепа, что само по себе является уголовно наказуемым повреждением места захоронения. Следовательно, в объем обвинения в таких случаях следует включать как осквернение места захоронения, так и его повреждение.

Хищение каких-либо элементов надгробия (дорогостоящего декора, надмогильных

плит, оградки и т.п.), приводящее к его порче, надлежит квалифицировать по ст.244 УК РФ как повреждение надмогильного сооружения. Если виновный похищает надгробие целиком, содеянное содержит признаки уголовно наказуемого уничтожения надмогильного сооружения.

Хищение с места захоронения садового инвентаря, предназначенного для ухода за могилой (лопата, грабли, ведро и т.п.), а также личных вещей лиц, прибывших на могилу помянуть покойного, не содержит признаков состава преступления, предусмотренного ст.244 УК РФ, а квалифицируется как хищение чужого имущества.

Другим не менее значимым с практической точки зрения вопросом является уголовно- правовая оценка незаконного изъятия с тела умершего человека одежды, иных ценных вещей (часов, ювелирных украшений и т.п.), а также протезов (зубных коронок, выполненных из драгоценных металлов, искусственных конечностей). Весь спектр мнений по этому вопросу сводится к трем позициям:

1) содеянное следует квалифицировать только по ст.244 УК РФ как надругательство над телами умерших;

2) содеянное образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст.244 УК РФ и статьями УК РФ о хищении чужого имущества;

3) содеянное не является надругательством над телом умершего, а должно квалифицироваться как хищение имущества.

Правильной представляется последняя позиция. Во-первых, предметом преступного надругательства по ст.244 УК РФ является исключительно тело умершего человека, а не его одежда или иные предметы, даже если они находятся непосредственно на трупе. Поэтому изымая вещи с трупа, преступник не осуществляет прямого противоправного воздействия на тело умершего. В деянии виновного отсутствует один из объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст.244 УК РФ, — предмет преступления.

Во-вторых, сами по себе действия по изъятию вещей с тела умершего человека,

несмотря на их цинизм и глубокую безнравственность, не носят оскверняющего характера именно по отношению к телу покойного. Нет в них очевидного противоречия канонам похоронной культуры, ибо деяние виновного направлено не на поношение принципов погребальной обрядности, а на причинение ущерба отношениям собственности по поводу вещей, находящихся при умершем. Указанные отношения не прекращаются со смертью собственника, а его имущество не становится бесхозным. В соответствии со ст.218 ГК РФ в случае смерти гражданина право собственности на принадлежавшее ему имущество переходит по наследству к другим лицам в соответствии с завещанием или законом. Таким образом, при похищении вещей с трупа в содеянном присутствуют все признаки объекта и предмета хищения чужого имущества.

В связи с этим сохраняет свою силу разъяснение постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 декабря 1988 г. «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» о необходимости квалифицировать как кражу, грабеж или разбой посягательства на имущество, имевшееся при раненых либо погибших гражданах.[5. С.346]

В-третьих, идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст.244 УК РФ и статьями УК РФ о хищении, может быть только в том случае, когда действия виновного, направленные на хищение имущества с трупа, по своему характеру оскверняют тело покойного, грубо противостоят достойному отношению к телу человека после его смерти. Таковы, например, случаи ампутации пальцев или кистей трупа, повреждения ушных раковин в целях завладения ювелирными кольцами, перстнями, браслетами или серьгами. В иных случаях хищения вещей с трупа совокупность со ст.244 УК РФ может быть только реальной, когда виновный, помимо завладения имуществом умершего, совершает отдельные действия, квалифицирующиеся как надругательство над телом (например, после изъятия ценных вещей глумится над трупом).

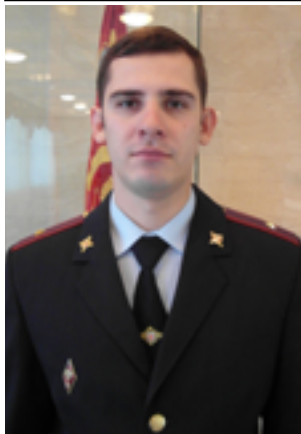
По-иному, как нам представляется, должен решаться вопрос о квалификации незаконного изъятия с тела умершего человека протезов (зубных коронок, выполненных из драгоценных металлов, искусственных конечностей). Содеянное в таких случаях должно квалифицироваться исключительно как надругательство над телом умершего по ст.244 УК РФ, не образуя признаков хищения чужого имущества. Протезы, установленные на теле человека, становятся его неотъемлемой частью, выполняя функцию

искусственного органа и, таким образом, утрачивают свойства предметов гражданского оборота, перестают быть вещами. Между тем, по словам А.И. Бойцова, признак вовлеченности в гражданский оборот весьма важен для определения круга предметов хищения, поскольку вещи, изъятые из свободного обращения, по общему правилу, не могут рассматриваться в качестве предмета преступлений против собственности. [2. С.187]

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксенов О.А. Ответственность за преступления против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности по новому уголовному законодательству России. Ростов-на-Дону, 1997.
2. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
3. Галиакбаров Р.Р. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности // Уголовное право России. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. Гл. 11.
4. Жалинский А.Э. Иные преступления против общественной нравственности // Уголовное право России: учебник для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / под ред. А.П. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. Гл. 11. § 4.
5. Незнамова З.А. Виды преступлений против общественной нравственности // Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко и др. М., 2001.
6. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995.
7. Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997.
8. Ткачевский Ю.М. Преступления против общественной нравственности // Курс уголовного права. Особенная часть. Том 4. М., 2002. Гл. IV. § 5.
9. Шарапов Р.Д. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. Тюмень, 2002.

С.Л. Миролубов,
кандидат юридических наук
(КЮИ МВД России)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.

Рассматривается нормативное регулирование определения преступлений экономической направленности. Анализируется динамика данных преступлений, проблемы расследования и сбора доказательств. Обосновывается необходимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, проблемы доказывания, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании.

Понятие «преступления экономической направленности» твердо закрепилось в следственно-судебной практике и статистической отчетности, в то время как в Уголовном кодексе РФ обозначены лишь преступления в сфере экономики (раздел 8) и преступления в сфере экономической деятельности (глава 22). Более детальное нормативное регулирование данного вопроса необходимо для упорядочения деятельности оперативных подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, а также следователей, специализирующихся на расследовании данной категории преступлений. Данный вопрос нашел отражение в перечне № 2 ведомственного приказа. [1] Согласно п.1 данного перечня к преступлениям экономической направленности относится широкий круг преступлений, включающий преступления в сфере экономической деятельности, а также преступления из других глав УК РФ. Например, п.«в» ч.2 ст.127 УК РФ (Торговля людьми лицом с использованием своего служебного положения), а также глава 28 «Преступления в сфере компьютерной информации» и ряд других. Кроме того, в п.1.2 указаны преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке дополнительных условий, при которых выявленное преступление может быть отнесено к числу преступлений экономической направленности.

Дополнительными условиями являются следующие:

а) преступление совершено лицами:

- должностными, материально ответственными и иными, выполняющими на предприятиях, учреждениях и организациях независимо от форм собственности и организационно-правовых форм, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции;

- не наделенными указанными полномочиями, но имеющими доступ к предмету преступного посягательства для выполнения трудовых обязанностей по роду деятельности или службы;

- выполняющими обязанности по охране имущества или объекта, в котором оно хранится, без материальной ответственности;

б) преступление совершено в процессе осуществления производственно-хозяйственной и финансовой деятельности либо под видом ее осуществления:

- в отношении юридических и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, независимо от формы собственности и организационно-правовой формы, официально зарегистрированных в качестве предпринимателей, а также объединений (граждан, юридических лиц), не являющихся юридическими лицами;

- выявленное при проведении бухгалтерских документальных ревизий либо прове-

рок контролирующих и надзорных органов;

в) преступление, предусмотренное статьей 159 УК РФ, совершено физическими лицами с целью завладения имуществом граждан для осуществления производственно-хозяйственной и финансовой деятельности либо под видом ее осуществления (например "финансовые пирамиды");

г) преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ, совершено путем уклонения от уплаты различных законных платежей и незаконной эксплуатации в личных целях не принадлежащего виновному имущества;

д) преступление совершено неустановленными лицами при совершении деяния, предусмотренного статьями 159, 160, 165 УК РФ, с использованием подложных документов при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности предприятий, выявленное при проведении документально-бухгалтерских ревизий, установлением движения денежных средств, материальных ценностей и т.д.;

е) преступления, предусмотренные статьями: 163, ч.3 175, ч.1 309, 312, 315, 325, 327 УК РФ, имеют экономическую направленность только в случае их выявления при раскрытии преступлений, подпадающих под действие Перечня № 1 либо Перечня № 2.

Особую тревогу преступления экономической направленности вызывают в связи с тем, что оказывают негативное воздействие на экономику, тормозят развитие

в стране рыночных отношений, порождают инфляцию, деформируют общественное сознание, нарушают принципы социальной справедливости, подрывают силу и авторитет закона, государственных институтов, ведут к ущемлению прав и законных интересов хозяйствующих субъектов и граждан.

По одним данным, почти 90 процентов дел по экономическим преступлениям в нашей стране заводятся напрасно. Из них лишь немногим более 10 процентов заканчиваются судебным решением. [2]

Остальные, квалифицируемые по статьям УК 159 "Мошенничество", 160 "Присвоение или растрата", 174 "Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем" и статьям главы 22 ("Преступления в сфере экономической деятельности"), – либо не раскрываются, либо не доходят до суда, либо разваливаются в ходе судебного процесса. Такую статистику обнародовал Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге.[3] Рассматривая общую динамику снижения преступности [4] в целом и экономической, в частности необходимо учитывать, что именно данная группа преступлений наносит многомиллиардный материальный ущерб. Так, материальный ущерб от них в 2010 году составил 176,4 млрд руб (в 2009 г. – 141 млрд руб.). [5] Данный ущерб в количественных показате-

По другим данным, динамика данных преступлений выглядит следующим образом:

	2009	2010	2011	2012
Общее количество зарегистрированных преступлений в РФ	2 994 820	2 628 799	2 404 807	2 302 168
Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности	428 792	276 435	202 454	172 975
Количество уголовных дел экономической направленности, направленных в суд	253 984	168 672	123 921	102 501
Количество преступлений экономической направленности, зарегистрированных в Республике Татарстан	10 140	4 820	4 416	3 754
Количество уголовных дел экономической направленности, направленных в суд в Республике Татарстан	6 842	3 146	3 002	2 236

лях многократно превышает ущерб от иных преступлений.

Мы разделяем точку зрения, что в последние годы на трансформацию экономической преступности огромное влияние оказывают социально-политические факторы. Они же существенно воздействуют и на деятельность по выявлению и расследованию экономических преступлений.[6]

Но, считаем, что прорыв в области борьбы с экономической преступностью зависит, в том числе, от совершенствования средств уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности.

Учитывая, что большой процент возбужденных уголовных дел не доходит до суда, можно констатировать, что процесс доказывания осложнен большим количеством разных факторов, среди которых: ухищренный способ совершения, связанный со специальными экономическими и бухгалтерскими знаниями, маскировка следов, наличие предварительного планирования, противодействие расследованию и сбору доказательств.

Одним из эффективных способов доказывания является использование результатов оперативно-розыскной деятельности по уголовному делу в соответствии со ст.11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] и межведомственной Инструкцией. [8] Аналогичного мнения придерживается и Волгушев А.В.: «Результаты, которые получены в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий, проведение которых осуществлено в рамках уголовно-процессуальных отношений, должны признаваться доказательствами, поскольку в данном случае они подчинены данным отношениям и служат средством их разрешения».[9]

Специфика формирования следовой картины экономических преступлений обуславливает приоритетное положение оперативно-розыскного способа выявления указанных признаков. Потребность в оперативно-розыскных средствах обусловлена также недостаточной эффективностью других законных средств, обусловленной, в том числе, и ограниченными временными ресурсами. Процесс выявления и фиксации следов экономического преступления

часто является продолжительным во времени. По этой причине законодатель внес дополнение в ст.144 УПК РФ, предусмотрев возможность продления срока проверки по сообщению о преступлении до 30 суток в случае производства ревизий и документальных проверок. Именно эти проверочные действия характерны для проверки информации об экономических преступлениях. Однако практика показывает, что и этого срока бывает недостаточно.

Анализ следственно-судебной практики показал, что наиболее часто в качестве повода для возбуждения уголовного дела по преступлениям экономической направленности используются материалы следующих оперативно-розыскных мероприятий:

- опроса (в виде заявлений, объяснений по многим преступлениям);
- наведения справок (в виде запросов в Счетную палату, Федеральную антимонопольную службу, Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, Росфинмониторинг, Федеральную налоговую службу, Федеральную таможенную службу Российской Федерации по ст.169, 171 УК РФ и многим другим);
- проверочной закупки (в виде постановления, протоколов и иных документов проверочной закупки по ст.171.1, 172, 186, 187, 191 УК РФ и другим);
- оперативный эксперимент (в виде постановления, протоколов и иных документов по ст.171.2, ст.290, 291, 291.1, 292 УК РФ и другим).

Кроме того, в условиях дефицита доказательств зачастую встает вопрос о необходимости использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания. Таким образом, рассекречиванию и направлению следователю подлежат материалы следующих оперативных мероприятий:

- наблюдения, с использованием технических средств (в виде электронных носителей аудио-, видео-, фотоинформации);
- прослушивание телефонных переговоров (результаты эти мероприятия требуют легализации при расследовании коррупци-

онных преступлений (ст.290, 291, 291.1, 292 УК РФ и других) для фиксации факта незаконной передачи денежных средств, услуг);

- снятие информации с технических каналов связи (может использоваться при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (ст.272-274 УК РФ), а также при расследовании широкого спектра преступлений в сфере экономики).

В связи с этим успеху противодействия экономической преступности может способствовать использование результатов оперативно-розыскной деятельности при возбуждении уголовного дела и производстве расследования как важнейшего элемента тесного взаимодействия органов дознания и следственных подразделений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петренко А.В. Система предупреждения преступлений органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С.3.
2. Указание Генеральной прокуратуры России №52-11, МВД России №2 от 15.02.2012 №2 «О введении в действие перечней статей УК РФ используемых при формировании статистической отчетности» \\\ СПС Консультант плюс.
3. Российская газета «Белые воротнички в тени погон» \\\ <http://www.rg.ru/2010/03/25/economcrime.html>
4. По данным сайта правовой статистики Генеральной прокуратуры России <http://crimestat.ru/>
5. Состояние преступности в России за 2010 год. М.: ГИАЦ МВД России, 2011. С.28.
6. Волгушев А.В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам экономических преступлений: автореф. канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С.5
7. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» №144 от 12.08.1995 г. (по сост. 1.02.2014) // СПС Консультант плюс.
8. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд" // Российская газета. 2007. 16 мая.
9. Волгушев А.В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам экономических преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С.196.

М.В. Лукашин,
кандидат юридических наук
(Академия управления МВД России)

А.Е. Огурцов
(Академия управления МВД России)

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ СКРЫТОГО НАБЛЮДЕНИЯ

В статье рассматривается содержание одного из оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: сущность, оперативно-поисковые подразделения, оперативно-розыскная деятельность, восприятие, запоминание.

Прежде чем рассмотреть сущность данного аспекта деятельности оперативно-поисковых подразделений, следует разобрать само понятие «сущность» (лат. *essentia*). В словаре Брокгауза и Ефрона [1] дана следующая его дефиниция: сущность – отношение предмета к его субстанции есть отношение постоянных предикатов к постоянному же субъекту. В другом научном издании [2] она рассматривается как внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия или явления – то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешние формы его существования. В других источниках [3] под ней понимается внутреннее содержание, свойства кого-нибудь, чего-нибудь, открываемые, познаваемые в явлениях. В философии [4] сущность определяется как идейный смысл данной вещи, то, что она есть сама по себе, в отличие от всех других вещей и в отличие от изменчивых, под влиянием тех или иных обстоятельств, состояний вещи. В своей работе Э. Корет [5] утверждает, что сущность представляет собой внутренне конститутивный принцип конечного сущего, через ограничение и выделение его из иных содержаний бытия конституирующий его определённую. Таким образом, можно выделить общие признаки, через внутрен-

нее содержание предмета, сохраняющееся в явлении при различных его вариациях, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых его формах, что позволит определить, на наш взгляд, и сущность скрытого наблюдения.

Приступая к его рассмотрению, необходимо в первую очередь уяснить, что же такое «наблюдение». Оно реализуется через две составляющие: восприятие и запоминание (память). Восприятие – одна из биологических функций человека, определяющих сложный процесс приёма и преобразования информации, получаемой при помощи органов чувств, формирующих субъективный целостный образ того или иного объекта, который он воспринимает через эту функцию. Память – один из видов умственной деятельности человека, предназначенная сохранять, накапливать и воспроизводить информацию о том или ином объекте. В процессе своей жизни наблюдение человеком осуществляется не осознанно в силу того, что он просто воспринимает различные события и объекты, поэтому не всегда у него есть потребность их запоминать. Это вызвано тем, что порой необходимость их восприятия не входит в круг задач, решаемых человеком. В философском словаре [6] «наблюдение» определяется как вид деятельности, связанный с преднамеренным целенаправленным

восприятием предметов и явлений внешнего мира. Рассмотрев вышеуказанные дефиниции, можно сделать вывод: для того чтобы человек осознанно осуществлял наблюдение, ему необходима потребность, побуждающая решать различные задачи в соответствии с его деятельностью.

Задачи оперативно-розыскной деятельности, сформулированные в статье 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», [7] также должны решать и сотрудники оперативно-поисковых подразделений. Помимо этого, немаловажным условием является и то, каким образом они могут быть решены, посредством чего они будут решаться, какова основа для их решения, то есть выработаны ли правила. В статье 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» четко определено, что оперативно-розыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом «посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий». Наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие было впервые закреплено в п.6 ст.6 Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», [8] но определение наблюдения, раскрывающее сущность, в нем не было дано. Чуть позднее, в научно-практическом комментарии к этому Закону, предложенном Академией МВД России, [9] наблюдение определялось как «действие, составляющее основу функциональной стороны оперативно-розыскного мероприятия, визуальный контроль за лицами, потенциально склонными к противоправным действиям и причастными к преступной деятельности, а также иным объектам, наблюдение за которыми допускает оперативно-розыскное законодательство». В этой научной работе авторы также раскрыли его формы: физическое и электронное наблюдения. По их мнению, первое представляет собой визуальное наблюдение в целях идентификации объектов, за которыми оно ведется, и контроль за их поведением. Второе – это наблюдение, основанное на использовании различных

технологий, обеспечивающих негласное получение, а при необходимости фиксацию и информацию, необходимую для решения задач оперативно-розыскной деятельности. Негласность оперативно-розыскных мероприятий означает, что о них не должны быть осведомлены лица, не имеющие к ним прямого отношения, а также лица, в отношении которых они проводятся. При этом субъекты оперативно-розыскной деятельности применяют средства и методы, свойственные оперативно-розыскной деятельности. Аналогичное оперативно-розыскное мероприятие закреплено в действующем Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (п.6 ст.6). В научно-практическом комментарии [10] это «оперативно-розыскное мероприятие представляет собой скрытое постоянное или периодическое визуальное, слуховое, электронное и иное по форме и способу слежения в помещениях, транспорте и на открытой местности за лицами, транспортными средствами, общественными местами и иными объектами с целью получения информации, касающейся деятельности отдельных граждан взятых под оперативный контроль». По мнению авторов этого научно-практического комментария, скрытое наблюдение является способом идентификации объектов оперативно-розыскной деятельности и визуального негласного контроля за их поведением. Будучи комплексным процессом негласного контроля за объектами оперативно-розыскной деятельности, оно обеспечивает получение и фиксацию сведений об их преступной и иной деятельности. Сами же оперативно-розыскные мероприятия основаны на методах, которые выработаны в процессе оперативно-розыскной практики. Проведя анализ определений, раскрытых в этих научно-практических комментариях и нормативном правовом акте, авторы статьи пришли к выводу, что они различны. В первом наблюдение – это действие. Однако что это за действие, являющееся основой функциональной стороны, ведь в толковом словаре [11] функция определена в различных значениях: изменчивое явление; переменная величина; обязанность; работа или деятельность. Во втором – не просто наблюдение, а уже скрытое наблюдение.

В обоих научно-практических комментариях употребляется понятие «визуальное наблюдение»: авторы перечислили только лишь его разнообразные формы. Это зрительное восприятие – непосредственно через органы зрения и через технические приборы, позволяющие рассмотреть более четко действия лиц, а главное фиксировать их. Есть еще слуховое – это восприятие через органы чувств, которые воспринимают различные звуки, воспроизводимые лицами, в том числе опять же через технические приборы, позволяющие их усиливать и фиксировать. Понятие «электронное» вообще представляет собой, как говорят, «терра инкогнито», что под этим подразумевали авторы научно-практических комментариев? В первом научно-практическом комментарии – это «различные технологии, обеспечивающие негласное получение, а при необходимости фиксацию и информацию», авторы второго вообще не раскрыли его. Электро – это первая часть сложных слов, в данном случае, на наш взгляд, соотнобразится с техническими приборами, которые используют сотрудники оперативно-поисковых подразделений. Между тем сужено и понятие «негласность». Ведь когда осуществляется различное по

своей форме наблюдение, оно должно быть незаметно для лиц, в отношении которых проводится, это не обнаружение самих сотрудников оперативно-поисковых подразделений и их действий, в том числе различных технологий, используемых при его проведении, также должны быть незаметны для этих лиц. Опять же, авторы в научно-практических комментариях «наблюдение» и «скрытое наблюдение» относят к оперативно-розыскному мероприятию, указывая при этом, что для его осуществления применяют средства и методы оперативно-розыскной деятельности.

Рассмотрев различные точки зрения, и проведя их анализ, мы считаем дать нужным свое определение термину «наблюдение». Это восприятие и запоминание действий лиц и состояния материальных объектов через органы зрения и чувств, в том числе и через технические приборы, позволяющие их фиксировать, с целью решения задач, определяемых законодательными и нормативными правовыми актами в соответствии с их родом деятельности для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 тт. и 4 доп. тт. М.: Терра, 2001. Т. 40.
2. Большая советская энциклопедия. В 30 т. М., 1969-1978.
3. Шестаков А.В. Экономика и право: Энциклопедический словарь. М.: Дашков и К, 2000. 568 с.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.
5. Корет Э. «Сущность сущего». Основы метафизики. Гл. 3,2. Киев: «Тандем», 1998.
6. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
7. Федеральный закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Закон Российской Федерации от 13 марта 1992 года № 2506-I «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 17. Ст. 892.
9. Научно-практический комментарий Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». Академия МВД России. М., 1993.
10. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: научно-практический комментарий. М.: ВНИИ МВД России, 1999.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.

И.В. Жуковская,
доктор экономических наук
(КЮИ МВД России)

МАРКЕТИНГОВЫЕ СОЦИО-ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Актуальность научной статьи обусловлена ключевой позицией маркетинговых социо-технологий как основной составляющей в повышении конкурентоспособности вуза. При этом маркетинговые коммуникации в системе высшего образования приобретают самостоятельное значение и опираются на формирование научно-понятийного аппарата, учитывающего специфику российского рынка образовательных услуг.

Ключевые слова: синергетические исследования, маркетинг, образование, система, методология.

Маркетинговые социо-технологии в современной системе высшего профессионального образования представляют собой совокупность коммуникационных способов и средств в целях формирования положительного имиджа вуза в интернет-сетях для осуществления деятельности по привлечению целевой аудитории абитуриентов, что является особенно актуальным с учетом сложившейся конкурентной позиции на рынке образовательных услуг. Эффект синергии коммуникационного проекта акцентируется за счет достижения узнаваемости вуза целевой аудиторией и обеспечения набора слушателей согласно целевым показателям, а в долгосрочной перспективе происходит формирование положительного конкурентоспособного имиджа вуза. Маркетинговые коммуникации вуза через социо-технологии возможны благодаря основным социальным каналам: непосредственно сами социальные сети, блог, видеохостинг, фотохостинг и микроблог.

Синергетический эффект маркетинговых социо-технологий, применимый в системе высшего профессионального образования (ВПО), рассматривает образовательное учреждение как открытую самоорганизующуюся систему, обладающую эмерджентными свойствами, для управления которой необходимо знание и правильное применение принципов синергетики с целью продуктивного использования информативного потенциала вуза.

Проведенное автором теоретико-концептуальное обобщение исследований российских [1,2] и зарубежных ученых по прикладным аспектам применения синергетического подхода в области маркетинга, таких как У. Бернбах, Л. Бернетт, Ж. Стерн, Д. Огилви, Котлер, Д. Тэпскот, позволяет выделить ряд основополагающих научных принципов синергетического подхода, которые составляют понятийную и классификационную основу его использования в системе высшего профессионального образования. Таким образом, к наиболее важным принципам синергетического подхода в результате опытно-исследовательской работы следует отнести:

- принцип открытости образовательной среды для коммуникаций инновационного характера и преобразований;
- иерархичного построения и организации образовательного процесса;
- ситуационности и социального резонанса;
- динамичности;
- последовательности уровней трех динамичных компонентов маркетинговых социо-технологий, а именно: стадия привлечения (формирование базового охвата), вовлечение (формирование целевого охвата, т.е. выделение целевой аудитории потенциальных абитуриентов) и конверсия (формирование продуктивного охвата).

К первому этапу относится привлечение: выбор социальных площадок и стратегии по-

зиционирования в социальных сетях; создание страничек в социальных сетях, разработка контента и размещение соответствующей информации; приглашение и ознакомление целевой аудитории с брендированной страницей вуза. На данном этапе на основном сайте вуза размещается новость о создании официальных страничек в социальных сетях и иконка для перехода. Второй этап включает в себя вовлечение: предоставление информации дискуссионного характера, обозначение насущных тем в рамках коммуникационной стратегии, онлайн-консультации, опросы; создание живого комьюнити (вовлечение последователей страниц в общение), где студенты и преподаватели отвечают на вопросы абитуриентов и их родителей. И последний этап подразумевает конверсию: стимулирование целевой аудитории к приобретению услуг вуза; акции, скидки, онлайн-конкурсы; т.е. конверсия потенциальных потребителей образовательных услуг.

В свою очередь, степень коммуникативности маркетинговых социо-технологий в формировании благоприятного имиджа вуза может быть представлена тремя основными позициями:

- параметрическое: создание и фиксация управляющих информационных потоков вуза, которые являются управляющими параметрами. Это текущее среднесрочное коммуникативное управление, в состоянии нормы, управление на мезоуровне;
- динамическое: ситуационное, быстрое реагирование, принятие решений в точках выбора, состояниях неустойчивости и динамического состояния. Управление краткосрочными процессами на микроуровне;
- игровое: установление правил коммуникаций, логики взаимодействий. Стратегическое, долговременное управление на макроуровне.

Таким образом, представленные позиции коммуникативности маркетинговых социо-технологий отражены в рамках масштабного моделирования, где образовательное пространство за счет своих параметров или коллективных переменных, возникающих в процессе динамической иерархизации, адаптируется к экзогенной среде.

Также автором в качестве синергетическо-

го звена, оказывающего активное влияние на реализацию всех основных общих функций конкурентоспособности вуза и создания его благоприятного имиджа на рынке образовательных услуг, предлагается мониторинг. В качестве объектов мониторинга рассматриваются все взаимосвязанные элементы маркетинговой деятельности вуза, а именно: качество обучения, цена, формы и методика обучения, условия, месторасположение, престиж, реклама и т.д. Мониторинг необходимо производить в комплексе, исследуя сильные и слабые стороны вуза (SWOT анализ).

В настоящее время одним из перспективных направлений в системе высшего профессионального образования является создание системного мониторинга эффективности высшего образования, охватывающего все основные уровни управления: вузовский, региональный, федеральный. При этом выделяется внешнее системно-социальное качество, которое определяется различными макроэкономическими показателями влияния системы ВПО, и внутреннее качество высшего образования, характеризующееся показателями деятельности отдельного вуза.

Для применения в качестве синергетического звена – мониторинга необходимо определить показатели, характеризующие конкурентоспособность вуза в целом. Конкурентоспособность вуза определяют два основных фактора: качество и затраты, понесенные на обеспечение данного качества. Показателем затрат вуза, понесенных на обеспечение данного качества, будем считать стоимость обучения, определенную как средняя цена по направлениям и формам обучения:

$$C_{\phi j} = \frac{\sum C_j}{\sum N_{a j}}$$

где $C_{\phi j}$ – средняя цена обучения за год одного обучающегося на договорной основе, по i -му направлению j -ой формы обучения;

C_{ij} – стоимость обучения за год одного обучающегося на договорной основе, по i -му направлению j -ой формы обучения;

$N_{\text{сп.}ij}$ – количество специальностей по i -му направлению j -ой формы обучения.

При апробации предлагаемой методики был взят ориентир на абитуриентов (выпускников школ). Разработка системы показателей

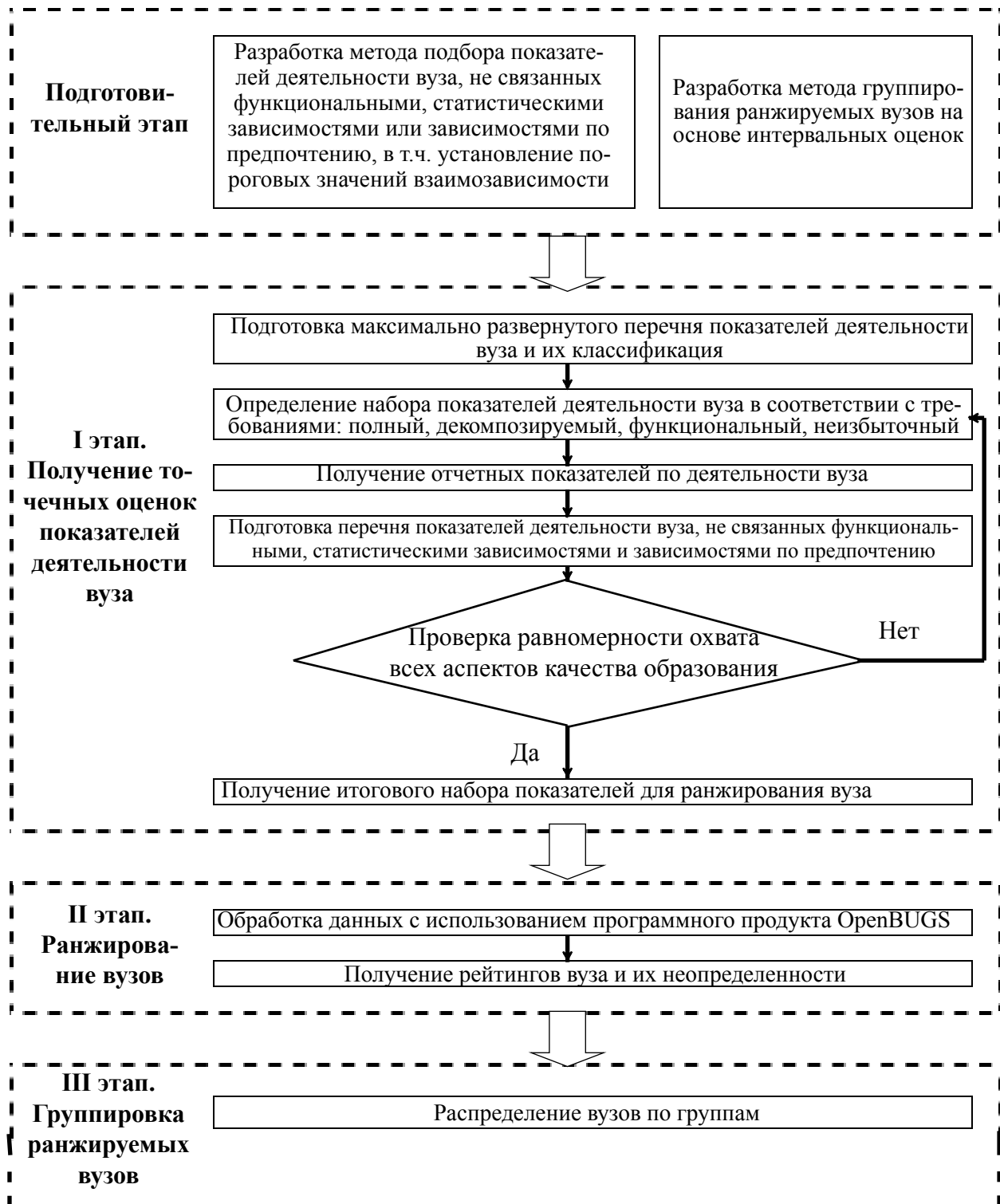

Рис. 1. Алгоритм поэтапной рейтинговой оценки вуза

требуется систематизация данных об оценке эффективности и их классификации. Совокупность показателей, какой бы детальной она ни была, без учета взаимосвязей и соподчиненности не может дать объективного представления об эффективности деятельности.

Таким образом, набор показателей, используемых для составления рейтинга,

должен быть полным, декомпозируемым, функциональным, избыточным (минимальным) – не допускающим дублирования отдельных аспектов деятельности вуза. Кроме того, для составления рейтинга целесообразно основываться на линейном объединении показателей качества, т.е. на аддитивной функции ценности. Этот механизм

позволяет напрямую оценить влияние изменения отдельных показателей на общее положение данного вуза или образовательной программы в рейтинге. Поэтому показатели должны быть не связаны функциональными, статистическими зависимостями, а также взаимозависимостями по предпочтению. При определении рейтинга необходимо также учитывать погрешность измерения показателей и строить интервальную интегрированную оценку, по которой формируется рейтинг. Алгоритм поэтапной рейтинговой оценки вуза представлен на рис. 1.

С целью апробации методики первоначально был составлен максимально полный перечень показателей, характеризующих параметры функционирования всех процессов и подсистем вуза.

Обобщенный опыт оценки показателей качества высшего образования, а также предъявляемые к показателям требования, согласно используемой методике, позволили отобрать отдельную систему показателей, которые на следующем этапе были проанализированы на наличие зависимости по предпочтению, функциональной и статистической взаимосвязями в каждой из групп. Полученные коэффициенты корреляции позволили отобрать минимальный перечень показателей, который использовался для дальнейшей оценки конкурентоспособности вуза.

Данный метод также позволяет преднамеренно недооценивать показатели. Если имеется субъективная информация о значении отдельных показателей для истинного качества, установленные рамки позволяют легко учесть эту информацию при выборе априорных распределений для коэффициентов, составляющих значительную часть методики. В своем анализе автором использовались неинформативные априорные значения.

Таким образом, предложенная и апробированная на гипотетических данных методика рейтинга вуза может применяться для анализа не только классических вузов, но и специализированных вузов или отдельных специальностей, работы факультетов или кафедр внутри одного вуза. Перечисленные положения данной методики позволяют применять ее к различным объектам исследования. В этом случае будут меняться только экзогенные параметры исследования.

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее. Ключевая позиция маркетинговых социо-технологий как основной составляющей в повышении конкурентоспособности вуза и роль синергетического подхода в проведенном исследовании обеспечивает возможности проектирования новых путей достижения качественной информации и улучшения образовательного процесса в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вихляева И.С. Маркетинг услуг как интерактивный процесс взаимоотношений компании с потребителями // Развитие маркетинга в России: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции кафедры маркетинга. М.: Издательство «Спутник+», 2010. С.9-16.
2. Любарский А.Н. Модернизация регулирования образования в современных условиях // Гуманитарное образование: креативность и инновационные процессы: материалы междунар. науч – практ. конф. СПб: СПбИГО, 2011. С.127-130.
3. Слесарев Ю.В. Структура социальной компетенции как вариативная часть компетенций в подготовке специалистов // Менеджмент XXI века: эффективность, качество, устойчивое развитие: сборник научных статей по материалам X Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24-25 ноября 2010 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. С.85-88.

Р.Ф. Набиев

кандидат исторических наук, доцент
(КЮИ МВД России)

**ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ
БУХГАЛТЕРСКИХ ПОЗНАНИЙ
В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
(применение судебной бухгалтерии в XIV в.)**

На основании сопоставления документов, отражающих торговые отношения венецианцев с Империей Джучидов (ИД) («Золотая Орда») в XIV в., автор выявляет первый надежно зафиксированный случай применения на территории нашей страны специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права. Путем осуществления ряда взаимодействующих финансовых операций (с оформлением платежных документов) назревающий конфликт был предотвращен.

Ключевые слова: судебная бухгалтерия, расчетные документы, ярлык, методика, таблички, доверенность, метод (принцип) двойной записи, дефтер, казначей, бирка, тариф, этикетка, деньга, полушка, алтын, барат, балыш, хавала/ кабала, Тайдулла-хатун, уртак, счет-фактура, платежная ведомость.

Слушателям и студентам, впервые знакомящимся с нею, судебная бухгалтерия (СБ) представляется сухим и скучным предметом, требующим нудного заучивания материала и арифметических расчетов.

В определенной мере это действительно так. Особенно, если настаивать на механическом заучивании базового материала. Вместе с тем СБ является прикладным предметом, который позволяет опираться на реальные примеры оперативной и следственной работы, которые делают дисциплину интересной. К тому же связь учебного материала с реальными проблемами значительно оживляет любой предмет.

Отслеживание генезиса того или иного вопроса и изучение его в развитии и через понимание механизма предоставляют неисчерпаемый иллюстративный материал, содержащийся в исторических источниках.

В ряде случаев преподавателю требуется проведение короткой психологической разрядки. В этих случаях приведение примеров из древней истории позволяет слушателю даже в условиях перерыва оставаться «в теме».

Примечательно, что письменная история содержит довольно много примеров приме-

нения специальных бухгалтерских познаний в праве. Некоторые из них (например, речь Цицерона, опровергающая обвинение, построенное на черновых записях) западная юриспруденция применяет. Но и прошлое нашей Родины-евразийской державы может предоставлять не менее интересные примеры.

Вот один из древнейших примеров применения технических приемов документального исследования в праве, который был зафиксирован китайскими историями. Во взаимоотношениях Чжун Го (Срединная империя) с северными и западными соседями нередко возникала проблема идентификации того или иного народа и прибывшего от его имени посольства. Союзы и государства «варваров» довольно часто меняли конфигурацию и наименования, поэтому было сложно определить со стороны правомерность претензий нового объединения на традиционные торговые льготы. К тому же *бей ху* (северные варвары) порой требовали и выплаты «даров» за многие годы. Крупные торговые дома и их объединения также проводили свои караваны через китайские кордоны под видом посольств. Извечное стремление ханьцев к упорядочению и си-

стематизации регулярно терпело фиаско. Не помогали ни архивы, ни картотеки.

Для того чтобы подтвердить право посольства чужеземцев на полноценный прием в рамках дипломатического протокола в соответствии с древними договорами, китайцам следовало определиться с происхождением «нового» союза северных варваров.

В истории «Тайпин хуань-юйцзи» («Старинные дела») (Т.6, Кн.6, Гл.200, С.14а-16а) отмечается, что при династии Тан был найден простой способ идентификации. Для «варваров» были изготовлены медные таблички в виде парных рыбок. Каждому из «вассальных» государств (иных дипломатический протокол не предусматривал) выдавалась одна «рыбка», а другая оставалась в архиве китайского учреждения по делам «варваров».

Отныне китайские чиновники путем сопоставления двух «рыбок» (применяя прием «встречной проверки») могли ориентироваться в динамично меняющейся политической обстановке. Учитывая, что «рыбки» (как документ) предполагали определенные различные обязательства империи, их можно считать прообразом расчетного документа, подобного чеку, корешок которого остается у чекодержателя, или сложной формой доверенности.

Свидетельства источников о документальном оформлении хозяйственных операций с течением веков нарастали. К рубежу XIII-XIV вв. сложились все основные элементы метода бухучета и прототипы ценных бумаг.

В числе достижений межгосударственной торговли ИД исследователи генуэзских массарий отмечают: «К тому времени была создана система двойной бухгалтерии, по которой велось делопроизводство. Уже тогда был изобретен вексель. Уже был известен ломбард, закладные, переводные операции с обменом одной валюты на другую. Эта вся коммерческая техника широко использовалась в Причерноморье в разных итальянских факториях».[1] Весьма важное свидетельство. Однако С.П. Карпов, по всей видимости, оговорился. Судя по контексту, следует понимать «метод (правило) двойной записи».

Учитывая тот факт, что в любой международной торговой операции участвуют две стороны, эта информация должна быть в полной мере отнесена к расчетным операциям, применяемым в ИД.

Даже неподготовленному читателю известно, что «Золотая Орда» собирала налоги, которые к тому же исчислялись в валюте. Известно также о нерегулярности выплаты «выхода» и периодически накапливающихся задолженностях. А это означает функционирование хорошо налаженных механизмов исчисления различных налогов по видам и регионам, а также системы сохранения налоговых данных.

Действительно, в связи с налоговым учетом в летописях и договорных грамотах русских князей встречается термин *дафтар/дэфтэр* [2. С.29-30]. Этим термином обычно обозначались учетные книги, которые вел *дафтардар* (казначей). В источниках сохранилась восточная терминология «золотоордынского» времени, относящаяся к сфере налогов и их сборов, например, *таможня, оброк*... Причем некоторые термины, например *алман/алманичик*, в XIX веке неверно переводили не только западные ученые, но и сами турки.

Кроме того, расчеты выхода дани только в денежном выражении свидетельствуют о том, что в бухгалтерском и налоговом учете в нашей стране уже в XIV в. использовался денежный измеритель. Причем встречаются примеры тому и в домонгольский период. Применение арабских цифр еще с домонгольского времени в Кавказской Албании, в частности, позволяет реконструировать несколько иной путь их проникновения в итальянские республики.

Таким образом, мы можем констатировать, что не только правило двойной записи, но и перевод бухучета на единый денежный измеритель произошел задолго до XV в. и приписывается европейцами Луке Пачолли незаслуженно.

Благодаря формированию единого экономического пространства на большей части евразийского континента в период существования Великой монгольской империи (ВМИ), частью которой была т.н.

«Золотая Орда», порядок обращения экономических документов был в значительной степени унифицирован. Причем некоторые из понятий того времени дошли до нашего времени. К таковым, например, можно отнести не только термины денежной сферы (*деньга, полушка, алтын...*), но и понятия, относящиеся к документальному оформлению расчетных операций *тариф, этикетка (этик), кабала, бирка* и др. В записях предыдущих столетий зафиксированы десятки заимствованных слов понятий восточного происхождения.

Ответственное отношение к финансовым обязательствам можно считать характерной чертой чингисидских государств. Так, для уровня ВМИ А. Джувейни приводит пример проплаты Менгу-каганом долговых обязательств своего бывшего противника кагана Гуюка. Серебро выплачивалось даже тем купцам, у которых не было расписок и «платежных обязательств» (*barat*), подтверждающих обещанную (заявленную) сумму (*havala*) [3. С.78, 352, 371; 4. С.76, 113]. *Кабала/хавала* – долговое обязательство (вексель). Выплаты по долгам якобы составили 500 000 *большей* серебра [5. С.437]. Общий вес выплат составил чуть менее 100 тонн серебра.

Вексельное обращение и государственные обязательства неплохо представлены в опубликованных источниках. О расчетах векселями, с давних пор применявшихся на Востоке, писал Г.А. Федоров-Давыдов [6. С. 62]. Н.А. Хан на основе долговых надписей на серебряных блюдах также утверждал о былом наличии вексельного обращения в «Золотой Орде». [7. С.443-446]

О применении векселя на межрегиональном и межгосударственном уровне сообщают летописи. Так, русские источники сохранили упоминания о долговых расписках типа векселя (*кабала*) [8. С.43]. Факт займа с оформлением *кабалы* зафиксирован, например, в «Повести о Митяе», она упоминается также при описании займа митрополита Киприана 1389 г. Интересно описание долгового обязательства с предъявлением поручительства. Причем, что примечательно, в 1389 году кабальный кредит был получен под поручи-

тельство патриарха, [9] в 1379 г. кредит был получен у татарских купцов под имя Великого Московского князя. В летописи указано: «*Кабала моя и с печатню*». [10. Стб.127]

Очевидно, что подобный вид расчетов применялся неоднократно, а кроме того, репутации Московского князя были известны «бесерменским» кредиторам, а сам плательщик (князь) считался платежеспособным.

О крупном денежном займе (27 тыс. динаров), полученном под гарантии султана Египта у купцов государства Джучидов во времена хана Узбека, писал ал-Макризи [12. Т.1, С.198]. С.П. Карпов, работая с документами из архива Венеции, обнаружил текст, описывающий механизм перевода задолженности с одного плательщика на другого. Относя этот документ к известному делу об ограблении купцов ИД на море, он тем самым позволил сопоставить ряд документальных данных и реконструировать первый случай применения специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права.

Однако прежде автор статьи считает необходимым отдать дань творческому дуэту ленинградских ученых братьев Григорьевых. Являясь выдающимися историковедами, востоковед С.П. Григорьев и «западник» В.П. Григорьев смогли отобрать, перевести, сгруппировать и истолковать венецианские акты, относящиеся к истории Империи Джучидов. [11]

В частности, интерес представляет переписка знаменитой Тайдуллы-катун и венецианского дожа, а также поручения парламента Республики Святого Марка своим представителям в Тане/Азаке.

История началась с того, что в 1334 году в ходе войны на морях между Генуей и Венецией венецианский военный корабль (по ошибке?) напал на корабль с «золотоордынскими» негодьями и ограбил их. Купцам удалось живыми добраться до своей территории, где они сразу же составили жалобу на имя хана, выставив претензии на крупную сумму в серебре.

Примечательно, что в числе обиженных купцов были христианские и мусульманские имена. В рамках политики протекци-

онизма все они оценивались в Сарае как «свои». Можно привести реакцию самого Великого хана Бердибека, выставившего претензии Венеции за ущерб, нанесенный «людям империи»: «Идумелик, Иоанн (Иван?), Стефан (Степан?) и Айниддин, Юсуф пришли к нам, и ими подано прошение по торговому делу ...». [13. С.176-182] По тому же (?) делу и схожим делам в архивах Венеции сохранились копии писем и «счет-фактура» ханши Тайдуллы. [14]

Международная морская торговля осуществлялась и торговыми домами ИД, в операциях которых, по всей видимости, участвовали и члены ханской семьи. В этом отношении представляет интерес письмо ханши Тайдуллы к венецианскому дожу, а также приобщенная к нему т.н. «платежная ведомость». Венецианские материалы позволяют оценить обороты морской торговли. Так, при разграблении венецианцами корабля с товаром девяти имперских (терминология итальянского текста) [14] купцов они оценили потери в 4 тыс. сомов (примерно 749 кг серебра). При разграблении корабля купца Бачмана пострадавший оценил свои потери в 500 сомов (около 94 кг серебра). [14]

В русле рассматриваемой темы представляет интерес письмо *катуни* (ханши) Тайдуллы к правительству Венеции. В нем, в частности, указывалось: «Девять Ваших галей, встретив упомянутую кокку, напали и захватили... ограбили людей империи, которые возвращались с Кипра... Все те упомянутые ... придя к императору и представив свидетелей, оценили свой ущерб в 2830 сомов...».

Вероятно, нападения на морях на татарские корабли были не единичными. Например, в «предписании хана Бердибека» указано: «...Бачман подал такое прошение, что, когда он следовал с Кипра, на него напали галеи венецианцев и похитили у него товаров на сумму в 500 сомов». [13] Корабельщик (*корабчи*) Учаугуй указан в приписке к ярлыку Тайдуллы Феогносту. [15. С. 264]

Особенность деятельности крупных торговых домов того времени заключалась в том, что их «дольщиками-акционерами»

(*уртак*) являлись правители. Имена членов ханской семьи были отличной страховкой и гарантировали безопасность на суше. И иногда это помогало и на море. Если не помогало, то применялись штрафные санкции.

Решение подобных конфликтов было отработано давно и считалось эффективной мерой. Практика разрешения претензий такого типа была отработана задолго до монгол, но при них она стала безальтернативной.

В качестве меры, направленной на стимулирование крупной торговли, следует рассматривать и известия о штрафных санкциях за ограбление купцов. В этом случае сумма заявленного ущерба (если разбойники не были пойманы) взималась с населения района, из которого происходили бандиты, или области, на территории которого ему был нанесен ущерб, или целой страны. Как и в наше время, затруднение в юридическом отношении вызывало определение ответчика. [16. С. 80-84] Если хан принял решение защищать своих купцов, то его уже некому было оспорить. Надо было быстро обозначить начало процесса уплаты.

Эти меры зафиксированы не только в Китае (где ими злоупотребляли «мусульманские» купцы), но и на территории русских княжеств (суд над ушкуйниками, поход Идгея на Москву). Это относилось и к Европе.

За морских корсаров платили страны, из которых они происходили, купцы-заложники или города «виновной» страны на территории Империи Джучидов. Источники сохранили описания наказания городов-колоний Кафы и Таны/Азака, а также купцов из разных стран за провинности их земляков.

Судя по сохранившимся текстам документов, хан повелел немедленно компенсировать их потери и альтернативы у Республики Св. Марка не было. Соппротивление воле императора грозило обвалом восточной торговли и крахом экономики торговой республики, а ее позиции сразу же перешли бы иным итальянским городам-республикам. Но одномоментная выплата Венецией огромной суммы серебром (в условиях его дефицита) была, по всей видимости, невозможной. Назревала «гроза».

Царица Тайдулла считалась покрови-

тельницей христианского мира при дворе хана. Не исключено, что венецианцы обратились к ней за содействием, известно лишь, что она одномоментно погасила всю задолженность Венеции вместе с пенями и иными накладными расходами (включая работу переводчиков). Эти расходы были изложены и суммированы в документе, который условно обозначается как «платежная ведомость» Тайдуллы. Однако, если использовать современную терминологию, этот документ правильнее было бы называть платежным требованием, т.к. в нем предъявляются финансовые претензии за оказанную услугу (срочную выплату штрафа).[14]

Примечательно, что претензии, изложенные в документе, не были признаны сразу. То есть источники сохранили косвенную информацию о процедуре акцепта, которая присуща данному виду расчетов с безналичными средствами. Возможно, итальянцы пытались оспорить ряд позиций этого документа, послав своего представителя. Но скорее всего они понимали, что ханское решение оспорить теперь не удастся совершенно, т.к. Тайдулла пользовалась всемерной поддержкой Папы Римского как покровительница христиан.

В мировой экономике XIV в. оригиналь-

ный вклад Венеции обычно заключается в массовом введении в обращение долговых расписок (банка) Республики Св. Марка и построении одной из первых в Европе финансовых пирамид. Поэтому совершенно неудивительно решение расплатиться по долгу не «живыми» деньгами (серебром и золотом), а векселем.

С.П. Карпов, рассматривая венецианские акты, относящиеся к Тане, обнаружил текст поручения для посла Республики Св. Марка, направленного в Империю Джучидов. Посол направлялся в ставку Великого хана, и ему предписывалось для разрешения денежного спора получить кредит на месте под письменное поручительство «властей» Таны.

Это, в частности, означает, что механизм предоставления гарантий применялся обеими сторонами. Причем уже С.П. Карпов связывал это поручительство с известной «платежной ведомостью ханши Тайдуллы».

Таким образом, осуществленные источниками отбор и публикация документов Венецианского архива, отражающих торговые отношения XIV в., позволили выявить первый надежно зафиксированный случай применения на территории нашей страны специальных бухгалтерских познаний в сфере международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов С.П. Причерноморье. Перекресток цивилизаций: публичная лекция. URL: <http://www.tvkultura.ru/issue.html?id=95990/> (дата обращения: 15.06.2011).
2. Духовные и Договорные грамоты Князей Великих и удельных / сост. Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. – М.: АН СССР, 1950.
3. Гилязетдинова Г.Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01. Казань: КФУ, 2011.
4. Юналиева Р.А. Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями / сост. Р.А. Юналиева; под ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Таглитмат, 2005.
5. Джувейни А. Чингисхан: История завоевателя мира / пер. текста М. Казвини; Дж. Бойла, Е. Харитоновой. М.: МАГИСТР-ПРЕСС, 2004.
6. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
7. Хан Н.А. Вексельное обращение в Восточной Европе // Печати времени. 2005. № 6. С. 443-446.
8. Гилязетдинова Г.Х. Формирование словообразовательных гнезд с исходным тюркским заимствованием в русском языке XV-XVII веков // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 39 (177). Филология. Искусствоведение. Вып. 38. С.38-45.
9. Макарий – Митрополит Московский и Коломенский. URL: http://www.velib.com/book.php?avtor=m_151_2&book=9672_118_44 (дата обращения: 12.03.2012).

10. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1865. ПСРЛ. Т. 15.
11. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: источниковедческое исследование. СПб.: СПбГУ, 2002.
12. Золотая Орда в источниках / сост. Р. Храпачевский. М.: Наука, 2003. Т. 1: Арабские и персидские сочинения.
13. Григорьев А.П. Предписание Бердибека правителю Крыма Кутлуг-Тимуру (1358 г.) // Востоковедение. СПб., 1999. Вып. 21. С.176-182.
14. Григорьев А.П., Григорьев В.П. Послание Тайдулы Венецианскому Дожу. URL: <http://www.vostlit.info/> (дата обращения: 22.06.2011); Григорьев А.П. Послание ордынской ханши Тайдулы венецианскому дожу (1359 г.) // Вестн. С.-Петербург, ун-та. 1996. Сер. 2. Вып. 4. С.18-23.
15. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. ПСРЛ. Т. 43.
16. Сабирова Л.Л. Надлежащий ответчик в делах о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами // Вестник КЮИ МВД России. 2012. №2 (8). С.80-84.
17. Карпов С.П. Венецианская Тана по актам канцлера Бенедетто Бьянко (1359-60 гг.). URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000177/st003.shtml> (дата обращения: 15.09.2012).

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ

Шакирьянов М.М.

Методика расследования мошенничества в сфере автострахования: учебное пособие. - Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2013. - 60 с.

Учебное пособие посвящено вопросам методики расследования мошенничества в сфере автострахования, а также проблеме совершенствования деятельности правоохранительных органов в предупреждении и раскрытии данных преступлений.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических учебных заведений и практических работников правоохранительных органов.

О.П. Кубасов,
кандидат педагогических наук
(КЮИ МВД России)

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ У КУРСАНТОВ (СЛУШАТЕЛЕЙ)
КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ**

В статье представлена проектно-кластерная модель и рассматриваются педагогические условия по формированию правоохранительной профессионально-специализированной компетенции у курсантов (слушателей) на базе Казанского юридического института МВД России.

Ключевые слова: правоохранительная профессионально-специализированная компетенция, проектно-кластерная модель, педагогические условия, сетевое взаимодействие, образовательное пространство, интерактивная социально-профессионально-педагогическая инфраструктура.

Реформы российского общества изменили не только наш мир, но и затронули глубинные слои сознания человека, обуславливающие его восприятие окружающего мира, в том числе и правовой реальности. Изменения во всех сферах общества существенно повлияли и на правоохранительную систему. Официальная статистика отражает довольно печальную картину в МВД России – злоупотребления служебным положением, взяточничества, вымогательства со стороны сотрудников ОВД. Как показывает анализ дисциплинарных нарушений, жалобы и заявления граждан порой рассматриваются формально, преступления укрываются от учета, фальсифицируются материалы уголовных дел, осуществляются незаконные задержания и аресты граждан. Количество нарушений служебной дисциплины за последние пять лет возросло почти в 1,5 раза, а наказание за преступления и нарушения дисциплины – практически удвоилось.[4]

Причинами сложившейся ситуации определены сложные и противоречивые процессы, влияющие на кадровую ситуацию в ОВД. А именно: разрыв, проявившийся между уровнем материальной обеспеченности, степенью социально-правовой защищенности и значительно возросшими нагрузками на личный состав ОВД, вызванными ростом преступности, возникавшими внутренними

вооруженными конфликтами. Это привело к осязательному размыванию профессионального кадрового ядра, снижению престижа службы, оттоку наиболее квалифицированных кадров. Усложняющиеся содержание, формы и методы деятельности сотрудников ОВД усиливают требования к их профессиональной подготовке, предполагающей сочетание правовой подготовленности к выполнению оперативно-розыскных и служебно-боевых задач.

В связи с данными обстоятельствами требует пересмотра сама система подготовки специалистов для работы в системе МВД России. Характер, масштаб и направления совершенствования профессиональной подготовки сотрудников во многом определяются реформами в самой системе правоохранительных органов, а также принятием новых образовательных стандартов по специальности «правоохранительная деятельность».[1]

С введением нового образовательного стандарта Министерством образования и науки России образовательные учреждения МВД должны готовить специалистов, обладающих общекультурными компетенциями (ОК); профессиональными компетенциями (ПК); профессионально-специализированные компетенции (ПСК) в зависимости от специализации вуза системы МВД.[2]

Анализ зарубежного опыта подготовки сотрудников правоохранительных органов в европейских странах, США и Канаде, проведенный В.А. Кудиным, свидетельствует о том, что подготовка полицейских специалистов ведется по блокам (модулям), представляющим комплекс определенных теоретических знаний и практических навыков. Особый акцент делается на отработке ситуаций, приближенных к реальным условиям полицейской работы. При этом на занятиях одновременно рассматриваются все аспекты отработанных действий (правовые, криминалистические, психологические и др.). [3]

Решение этой задачи востребовало создание в вузе проектно-кластерной модели, обеспечивающей системную целостность и динамичность структурообразующих компонентов учебного процесса с целью формирования у курсантов (слушателей) правоохранительной профессионально-специализированной компетенции (ППСК).

Правоохранительную профессионально-специализированную компетенцию мы рассматриваем как интегративное качество личности, влияющее на усвоение правовых знаний и способность к их активному применению в оперативно-розыскной и служебно-боевой деятельности, а также развитие морально-психологической устойчивости, профессионально-личностный рост и карьеру, исходя из требований специальности и стандартов квалификации.

Данная компетенция предполагает:

1) иметь представление о системе российского законодательства и сущности правоохранительной деятельности; правовых и организационных основах деятельности подразделений и служб; психологических аспектах криминального поведения; об особенностях деятельности правоохранительных органов при возникновении чрезвычайных ситуаций и в условиях проведения специальных операций;

2) знать основные законы и нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность ОВД; основы административного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства России в объеме, необходимом для профессиональной деятель-

ности сотрудника; организационно-правовые основы деятельности подразделений ОВД (по профилю подготовки); основания и порядок использования и применения огнестрельного оружия, физической силы, специальных средств, средств индивидуальной защиты; тактику и методику решения оперативно-розыскных и служебно-боевых задач по обеспечению правопорядка; правила обеспечения личной безопасности; основные формы профилактики, используемые в служебной деятельности сотрудника; основные правила и порядок подготовки и оформления административно-процессуальных и служебных документов;

3) уметь применять в профессиональной деятельности законы и иные нормативные правовые акты; правильно квалифицировать факты и обстоятельства правонарушения; применять тактические приемы обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, в том числе при чрезвычайных обстоятельствах; пресекать противоправные действия, в том числе с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; пользоваться основными приемами профессионального общения и разрешения конфликтных ситуаций; проводить опрос и допрос различных категорий лиц по выявленным правонарушениям; взаимодействовать с гражданами, представителями органов государственной власти, предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений по вопросам охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности; обеспечивать личную безопасность и безопасность граждан;

4) иметь навыки самостоятельного применения полученных правовых знаний в профессиональной деятельности; взаимодействия с сотрудниками подразделений и служб ОВД, гражданами, представителями государственных учреждений, общественных организаций; владения специальными техническими средствами связи.

Формирование ППСК проводилось на основе принципа интеграции созданной нами проектно-кластерной модели и организации педагогических условий.

Проектная составляющая предполагает рассмотрение целей, содержания, технологий профессиональной подготовки будущих сотрудников ОВД как проект инновационной деятельности на интегративной основе.

Кластерная составляющая обеспечивает интегрированное взаимодействие между субъектами профессиональной подготовки и правоохранительной деятельности, что приводит к созданию особой формы инновации – «совокупного инновационного продукта», проявляющегося в качестве профессиональной подготовки будущих сотрудников ОВД.

Формирование у курсантов (слушателей) ППСК предусматривает решение ряда задач:

1) установление интегративных связей в управлении профессиональной подготовкой будущих сотрудников ОВД, содействующих многомерному взаимодействию субъектов управления, развитию их профессиональной мобильности, формированию у курсантов (слушателей) готовности к выполнению оперативно-розыскных и служебно-боевых задач;

2) организация системной целостности содержания общеобразовательной, общепрофессиональной, оперативно-розыскной и служебно-боевой подготовки;

3) разработка программно-методического обеспечения формирования интегративного образовательного пространства, обуславливающего поиск и разработку организационно-педагогических и методических механизмов доведения научных результатов до их практического применения в деятельности субъектов педагогического процесса и правоохранительной деятельности.

Качественное отличие представленной модели состоит в том, что она является знаниево-деятельностной и направлена на построение образовательного пространства на основе принципа интеграции, ориентированного на формирование у курсантов (слушателей) ППСК.

В совокупность педагогических условий формирования ППСК включены организация сетевого взаимодействия вуза с подразделениями и учреждениями системы МВД; готовность преподавателей к фор-

мированию и ППСК с учетом современных требований к качеству подготовки будущих сотрудников ОВД; создание интерактивной социально-профессионально-педагогической инфраструктуры (ИСППИ).

Организация сетевого взаимодействия вуза с подразделениями и учреждениями системы МВД представляет особый вид совместной деятельности, направленный на концентрацию различного типа ресурсов, развитие вариативных форм социального партнерства, интеграцию учебно-образовательной деятельности. Сетевое взаимодействие возможно при условии заинтересованности МВД в подготовке будущих сотрудников ОВД к успешному выполнению оперативно-служебных задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью. Оно обеспечивает практическую направленность оперативно-розыскной и служебно-боевой подготовки и неукоснительное выполнение программ обучения в процессе служебной деятельности; интеграцию содержания профессиональной подготовки с актуальными направлениями борьбы с преступностью и оперативной обстановкой в республике.

Следующее педагогическое условие формирования ППСК – готовность преподавателей с учетом современных требований к качеству подготовки будущих сотрудников ОВД.

Готовность – это качественная характеристика личности, включающая активно-деятельное состояние, систему методологических знаний и компетенций; способность к самоопределению и саморазвитию. Психологическими предпосылками готовности к выполнению конкретной задачи являются ее понимание, осознание ответственности, определение методов работы. Готовность преподавателей к формированию ППСК диалектично взаимосвязана с их методологической культурой и опытом служебной деятельности. В качестве основных компонентов методологической культуры можно выделить: владение современными методологическими знаниями по педагогике, психологии и правоохранительной деятельности; компетентность в организации условий деятельности, адекватных поставленной педагогической задаче; предметная компе-

тентность; компетентность в оценивании текущих и итоговых результатов деятельности. Затрудняют формирование готовности преподавателей пассивное отношение к задаче, отсутствие плана действий и намерения максимально использовать свой опыт.

В совокупность педагогических условий формирования ППСК включено и создание интерактивной социально-профессионально-педагогической инфраструктуры (ИСП-ПИ). Интерактивный характер ИСППИ обусловлен особенностями внутриличностной и межличностной коммуникации в процессе профессиональной подготовки. Интерактивная социально-профессионально-педагогическая инфраструктура – это система диалогического взаимодействия субъектов учебно-образовательного процесса и правоохранительной деятельности, институтов социально-педагогической деятельности вуза и условий микросоциума, обеспечивающая субъектную самореализацию и подготовку курсантов (слушателей) к успешному выполнению оперативно-розыскных и служебно-боевых задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью.

Опытно-экспериментальная работа по проверке педагогических условий формирования ППСК проводилась с 2005 по 2011 год на базе ФГКОУ ВПО «Казанского юридического института МВД России». В опытно-экспериментальной работе приняли участие 85 преподавателей и 248 курсантов (слушателей). Контрольной группой стали 123 курсанта (слушателя), обучающиеся по специальности «Правоохранительная деятельность», и 35 преподавателей. Экспериментальную группу составили 125 курсантов (слушателей), обучающиеся по специальности «Юриспруденция», и 50 преподавателей. Опытно-экспериментальная работа проходила в три этапа: констатирующий, формирующий, контрольный.

В рамках констатирующего этапа было выявлено отношение преподавателей, курсантов (слушателей), сотрудников учреждений системы МВД к формированию в вузе ППСК; проанализированы интегративные связи в управлении профессиональной подготовкой будущих сотрудни-

ков ОВД. В ходе бесед с преподавателями выяснено, что интеграция является одной из важнейших тенденций взаимодействия и развития образования, носит глобальный характер и рассматривается как принцип эффективного развития профессионального образования при подготовке курсантов (слушателей) в вузе МВД. По мнению сотрудников учреждений системы МВД, реализация межпредметных связей в процессе профессиональной подготовки курсантов (слушателей) способствует развитию взаимосвязи теоретического и практического мышления будущего сотрудника. По результатам констатирующего этапа были разработаны учебно-методические комплексы «Освоение умений и навыков правоохранительной деятельности сотрудников патрульно-постовой службы полиции», «Начальная профессиональная подготовка сотрудников ОВД».

На формирующем этапе были выявлены – педагогические условия формирования ППСК. Разработаны сетевые форматы взаимодействия (концентрация ресурсов, социальное партнерство, интеграция служебно-боевой) и направления взаимодействия (научно-методическое, нормативно-управленческое, оперативно-служебное, информационное). Созданы и апробированы сетевые образовательные программы (тактико-специальные учения, оперативно-тактические учения «Антитеррор», создана и функционирует «Юридическая клиника»). Разработаны и внедрены учебно-методические комплексы: «Выработка навыков сотрудников патрульно-постовой службы полиции у курсантов первого курса»; «Межвузовские оперативно-тактические учения».

С преподавателями проведены научно-методические мероприятия: деловые игры; ситуативные тренинги; подготовка и защита проектов; круглые столы «Антикоррупционные образования в системе ОВД», «Организационно-правовые аспекты формирования антикоррупционного поведения сотрудников ОВД», «Правовая система и вызовы современности», «Национальная безопасность России: тенденции и перспективы», «Конфликты в организациях: управление конфликтной ситуацией», учебные

тревоги, тактико-специальные учения.

В рамках создания ИСППИ разработан и реализован проект «Против коррупции»; учреждена научно-практическая секция Совета МВД России по науке и передовому опыту в МВД по РТ, в состав которой вошли МВД по Республике Татарстан, Казанский юридический институт МВД России, филиал ВНИИ МВД по Республике Татарстан; проведены оперативно-тактические учения по охране объектов Универсиады; созданы многоуровневые модели интерактивных комплексов по служебно-боевой, физической, огневой и тактико-специальной подготовке.

На контрольном этапе эксперимента были апробированы педагогические условия, выявлены этапы формирования ППСК (адаптационный, содержательный, инновационный) на основании следующих критериев: 1) структурность – консолидация вуза с подразделениями, учреждениями системы МВД и местным сообществом, направленная на межкорпоративное взаимодействие, установление оперативных информационных связей и обеспечивающая практическую направленность оперативно-розыскной и служебно-боевой подготовки, взаимосвязь ее содержания с оперативной обстановкой в регионе и актуальными направлениями борьбы с преступностью; 2) функциональность – система устойчивого взаимодействия вуза с подразделениями, учреждениями системы МВД и местным сообществом, направленная на формирование единого информационно-коммуникативного пространства, повышение качества оперативно-розыскной и служебно-боевой подготовки курсантов (слушателей) к успешному выполнению задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью; обеспечение и неукоснительное выполнение программ обучения в процессе оперативно-служебной деятельности; 3) продуктивность – структурно-функциональная интеграция вуза с подразделениями, учреждениями системы МВД и местным сообществом, направленная на проектно-целевое сотрудничество по формированию у курсантов (слушателей) правоохранительной профессионально-специализированной

компетенции, обеспечению качества обучения в системе оперативно-розыскной и служебно-боевой подготовки.

Представим характеристику этапов.

Адаптационный этап – имеют место проблемно-тематическая и целевая интеграция дисциплин; субъектная интеграция; интеграция форм и методов обучения, теории и практики; формирование у курсантов (слушателей) профессиональных идеалов, готовности к обучению через всю жизнь, устойчивого и позитивного интеллектуального и ценностно-эмоционального отношения к своей профессии, опыта выполнения оперативно-розыскных и служебно-боевых задач. В учебно-образовательной практике используются когнитивно-ориентированные, проектные, профессионально-прикладные методы подготовки. Вместе с тем следует отметить, что межкорпоративное взаимодействие вуза с подразделениями, учреждениями МВД и местным сообществом направлено лишь на концентрацию различного типа ресурсов, не сформировано единое информационно-коммуникативное пространство; оперативно-розыскная и служебно-боевая подготовка имеет практическую направленность, однако ее содержание не достаточно взаимосвязано с оперативной обстановкой в регионе и актуальными направлениями борьбы с преступностью. Интегративные связи в управлении профессиональной подготовкой будущих сотрудников ОВД не установлены. Не разработано научно-методическое обеспечение формирования ППСК вуза на основе компетентностного подхода. У преподавателей вуза пассивное отношение к формированию ППСК.

Содержательный этап характеризуется интеграцией содержания профессиональной подготовки (проблемно-тематической и целевой интеграцией дисциплин, субъектной интеграцией, интеграцией форм и методов обучения, теории и практики, интеграцией в оперативно-служебной подготовке); формированием у курсантов (слушателей) профессиональных идеалов, готовности к обучению через всю жизнь, опыта выполнения оперативно-розыскных и слу-

жебно-боевых задач. Служебно-боевая подготовка имеет практическую направленность, ее содержание взаимосвязано с оперативной обстановкой в регионе и актуальными направлениями борьбы с преступностью. Активно применяются в учебно-образовательной практике когнитивно-ориентированные, проектно-кейсовые, профессионально-прикладные методы подготовки. Сетевое взаимодействие вуза с подразделениями, учреждениями МВД и местным сообществом направлено на концентрацию различного типа ресурсов, развитие вариативных форм социального партнерства, формирование единого информационно-коммуникативного пространства. Субъекты сетевого взаимодействия заинтересованы в подготовке будущих сотрудников ОВД к успешному выполнению оперативно-служебных задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью, формированию правоохранительной ППСК. У преподавателей вуза позитивное отношение к формированию ППСК. Однако недостаточно развиты интегративные связи в управлении профессиональной подготовкой будущих сотрудников ОВД. Не разработано научно-методическое обеспечение формирования ППСК на основе компетентного подхода.

Инновационный этап характеризуется интеграцией содержания профессиональной подготовки и ее взаимосвязью с оперативной обстановкой в регионе и актуальными направлениями борьбы с преступностью; формированием у курсантов (слушателей) ППСК; активным применением когнитивно-ориентированных, проектно-кейсовых, профессионально-прикладных методов подготовки. Сетевое взаимодействие вуза с подразделениями, учреждениями МВД и местным сообществом направлено на интеграцию учебно-образовательной и правоохранительной деятельности, формирование единого информационно-коммуникативного пространства с целью подготовки курсантов (слушателей) к успешному выполнению оперативно-розыскных и служебно-служебных задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью. Разработано

научно-методическое обеспечение формирования ППСК на основе компетентного подхода. У преподавателей вуза имеет место готовность к формированию ППСК. Развиты интегративные связи в управлении профессиональной подготовкой будущих сотрудников ОВД. Созданы многоуровневые модели интерактивных комплексов по служебно-боевой, физической, огневой и тактико-специальной подготовке.

Исходя из этого можно сделать следующие выводы.

1. Проектно-кластерная модель формирования правоохранительной профессионально-специализированной компетенции предусматривает установление интегративных связей в управлении профессиональной подготовкой будущих сотрудников ОВД, обеспечивает организацию системной целостности содержания общеобразовательной, общепрофессиональной, оперативно-розыскной, служебно-боевой подготовки, разработку программно-методического обеспечения и ориентирует субъектов педагогического процесса и правоохранительной деятельности на повышение качества оперативно-розыскной и служебно-боевой подготовки курсантов (слушателей) к успешному выполнению задач по охране правопорядка и борьбе с преступностью; обеспечение и неукоснительное выполнение программ обучения в процессе правоохранительной деятельности.

2. Педагогические условия формирования ППСК обуславливают организацию сетевого взаимодействия вуза с подразделениями, учреждениями системы МВД; готовность преподавателей к формированию и использованию интегративного образовательного пространства с учетом современных требований к качеству подготовки будущих сотрудников ОВД.

3. Создание интерактивной социально-профессионально-педагогической инфраструктуры нацелено на содержательный, технологический и кадровый компоненты учебно-образовательного процесса. Это обеспечивает качество профессиональной подготовки будущих сотрудников ОВД к успешному выполнению оперативно-ро-

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования: утвержден приказом Минобрнауки России от 14 января 2011 года № 20. Зарегистрирован в Минюст России от 11 апреля 2011 г. № 20457
2. Кудин В.А. Блочно-модульная технология обучения в системе профессиональной подготовки МВД // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3. С.5.
3. Соколова Е.Н. Педагогическая система морально-психологической подготовки личного состава органов внутренних дел: автореф. дис...док. пед. наук. М., 2009. 45 с.

Г.Х. Шамсеева
И.Г. Кизимова

Английский язык:
учебное пособие
для юридических вузов

Английский язык: учебное пособие для юридических вузов / Г.Х. Шамсеева, И.Г. Кизимова. – Казань: КЮИ МВД России, 2014. – 128 с.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей и студентов юридических вузов и нацелено на формирование коммуникативной компетенции обучающихся по дисциплине «Иностранный язык». Пособие может быть использовано для аудиторной и самостоятельной работы курсантов и слушателей, обучающихся по специальности «Правоохранительная деятельность», «Правовое обеспечение национальной безопасности».

В.И. Слипченко,
кандидат юридических наук, доцент
(Днепропетровский государственный университет внутренних дел)

ВИДЫ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ИНФОРМАЦИИ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА УКРАИНЫ

Предлагаемая статья является комплексным исследованием существующих видов правового режима информации в уголовном процессе Украины. Исследуя указанную проблематику, автор делает вывод о том, что правовой режим информации в сфере уголовного производства является динамической категорией, а термину «информация» присуща функциональная дифференциация. На этом основании делается вывод о том, что вид правового режима информации в сфере уголовного судопроизводства на практике может влиять на процессуальный порядок доступа и ознакомления с материалами уголовного производства; особенности проведения отдельных видов следственных (розыскных) и процессуальных действий; порядок использования полученных сведений в процессе доказывания и т.д. То есть одни и те же материалы уголовного производства могут иметь несколько правовых режимов одновременно, что должно учитываться как стороной обвинения, так и защиты при их использовании или получении доступа к ним.

Ключевые слова: уголовный процесс, информация, правовой режим информации, информация с ограниченным доступом, охраняемая законом тайна, информация для служебного пользования, конфиденциальная информация.

В 2012 году в сфере уголовного процесса Украины были введены новые положения и институты. К таким новациям УПК Украины следует отнести необходимость ведения Единого реестра досудебных расследований (как единой общегосударственной электронной базы данных совершенных и расследуемых преступлений), возможность проведения негласных следственных (розыскных) действий (как процессуального способа негласного сбора доказательств и проверки следственных версий), видоизменение системы мер обеспечения процессуального принуждения, расширение сферы судебного контроля и прокурорского надзора в форме процессуального руководства за досудебным расследованием. Также следует отметить распространение действия принципа состязательности сторон на досудебный этап уголовного производства, что повлекло существенное расширение прав стороны защиты на сбор доказательств. Вышеуказанное свидетельствует о необходимости комплексного исследо-

вания существующих видов правового режима информации в сфере уголовного процесса (например, государственной тайны, тайны досудебного расследования, информации для служебного пользования и т.д.).

Правовой режим информации и особенности функционирования ее отдельных видов в сфере уголовного процесса уже становились объектом научных исследований в трудах И.В. Бондаря [1], В.Я. Васильюка [2], В.П. Гончара [3], А.М. Гузя [4], И.В. Кончаковой [5], В.В. Короля [6], В.В. Кухаря [7], В.В. Макаренко [8], З.В. Макаровой [9], П.Н. Панченко [10], И.Л. Петрухина [11], Н.А. Погорецкого [12], Д.М. Прокофьевой [13], В.С. Сидака [14], И.В. Смольковой [15], А.А. Фатьянова [16], О.Г. Яновской [17] и др. Однако следует констатировать, что единого монографического исследования, посвященного видам правового режима информации в сфере уголовного судопроизводства, нет как на территории Украины, так и в Российской Федерации, а указанные иссле-

дования носят лишь фрагментарный, а не комплексный характер.

Целью статьи является комплексное исследование возможных видов правового режима информации в уголовном судопроизводстве Украины.

Исходя из пределов и предмета нашего исследования, целесообразно решить следующие задачи: во-первых, определить виды правового режима информации в сфере уголовного судопроизводства, во-вторых, выяснить влияние правового режима информации на особенности процессуальной формы, в-третьих, установить влияние правового режима информации на порядок доступа сторон к материалам уголовного производства.

Согласно ч.1 ст.20 Закона Украины «Об информации», вся информация в Украине по порядку доступа делится на открытую и с ограниченным доступом [18]. Последняя, согласно ч.1 ст.21 указанного Закона и ст.6 Закона Украины «О доступе к публичной информации», [19] может быть классифицирована на конфиденциальную, секретную и служебную информацию. Эти обстоятельства предусматривают определенные нормативные требования, специальный порядок доступа, хранения, а также использования информации и в сфере уголовного судопроизводства.

Под информацией в украинском законодательстве понимаются любые сведения и/или данные, которые могут быть сохранены на материальных носителях или отражены в электронном виде (ст.1 Закона Украины «Об информации»). [18] Сфера уголовного производства по своей сути является информационно-поисковым видом деятельности, направленным на быстрое, полное и непредвзятое установление обстоятельств имевшего места события (самого факта преступления или подготовки к нему); сбор, фиксацию и исследование всевозможной доказательственной информации с целью проверки следственных версий и ранее собранных доказательств и т.д.

Результаты системного анализа положений УПК Украины указали на то, что термин «информация» в его тексте используется в

различных аспектах и употребляется 118 раз. Например, информация, полученная в результате вмешательства в личное общение; информация о частной жизни лица; право на получение устной и письменной информации о результатах судебного разбирательства; предоставление физическим и юридическим лицам информации о состоянии рассмотрения материалов уголовного производства; документом является специально созданный с целью сохранения информации материальный объект и т.д. Указанное свидетельствует о многогранности и функциональной дифференциации термина «информация» в сфере уголовного процесса. Данные обстоятельства требуют его самостоятельного, комплексного исследования, которое выходит за границы предмета нашего исследования. В связи с этим мы сосредоточим свое внимание только на видах правового режима информации в уголовном процессе путем системного анализа законодательства Украины. Данный анализ также необходимо провести с целью поиска дополнительных механизмов правового регулирования указанного института.

Изучение положений Конституции Украины указало на то, что Основной Закон государства: гарантирует тайну переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции (ст.31); предусматривает гласность судебного процесса (ст.129); признает существование государственной и иной охраняемой законом тайны (ч.3 ст.32); запрещает распространение конфиденциальной информации о лице без его согласия, кроме случаев, определенных законом (ч.3 ст.32), и др. Указанные положения получили свою дальнейшую регламентацию в отраслевом законодательстве и ведомственных нормативных правовых актах.

УПК Украины в ст.7 к основам уголовного производства отнес тайну общения, невмешательство в личную жизнь, гласность и открытость судебного производства как основополагающие начала, влияющие на его содержание и форму. В связи с этим мы можем говорить об одновременном существовании разных правовых режимов информации в сфере уголовного судопро-

изводства. Например, информация может относиться к:

- *государственной тайне* – факты и методы проведения негласных следственных (розыскных) действий согласно ч.1 ст.246 УПК Украины; материалы, собранные оперативными подразделениями в соответствии с требованиями Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» [20] согласно абз. 2 ч.2 ст.99 УПК Украины; применение мер безопасности к участникам уголовного производства как на досудебных, так и судебных стадиях на основании Законов Украины «Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве» [21] и «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов»; [22]

- *тайне досудебного расследования* – на усмотрение следователя, в зависимости от вида совершенного преступления, обстоятельств события и сложившейся следственной ситуации (ст.222 УПК Украины);

- *врачебной, банковской, коммерческой тайне* и тайне *нотариальных действий, телефонных переговоров и почтовых сообщений* (п.7 и п.8 ст.7, ст.14, ч.2 ст.65 и ст.162 УПК Украины);

- *тайне совещания судей* при постановлении приговора (ст.367 УПК Украины) и необходимости обеспечения проведения *закрытого судебного заседания* или всего *судебного слушания* (ч.2 ст.27 УПК Украины);

- *другому виду информации с ограниченным доступом*, находящейся в собственности средств массовой информации, конфиденциальной информации, информации, находящейся у операторов и провайдеров телекоммуникации, а также персональным данным (ст.162 УПК Украины);

- *информации для служебного пользования* – информация, составляющая сведения криминалистических учетов, а также особенности их функционирования; методики проведения научно-исследовательских и технических работ (мероприятий), которые способствуют раскрытию преступления; персональные данные лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, содержащихся под стражей; порядок осу-

ществления оперативной закупки и контролируемой поставки предметов, товаров и веществ; тактика и организация розыска преступников и другие сведения, которые, согласно «Перечню сведений, составляющих служебную информацию в системе Министерства внутренних дел Украины», утвержденному приказом МВД Украины № 423 от 14.04.2012 года [23], отнесены к такому виду информации.

Результаты изложенного выше анализа позволяют нам сделать вывод о том, что одна и та же информация может составлять сведения, содержащие государственную или другую охраняемую законом тайну, по содержанию полученных данных относиться к информации для служебного использования и одновременно принадлежать к тайне досудебного расследования. То есть иметь в определенных случаях три разных правовых режима одновременно, а именно: режим секретной информации, информации для служебного пользования и конфиденциальной информации.

Необходимость исследования видов правового режима информации связана с тем, что данные обстоятельства в свою очередь на практике могут:

- *устанавливать дополнительные процессуальные обязанности*. Например, лицо, которое привлекается к проведению процессуальных действий в ходе досудебного расследования или судебного рассмотрения дела в качестве потерпевшего, свидетеля, понятого, переводчика, эксперта, специалиста, работника учреждений связи, присяжного и др., по требованию следователя обязано не разглашать ставшие ему известными сведения, касающиеся сути уголовного производства (п.3 ст.57, п.3 ч.2 та ч.3 ст.66, п.4 ч.3 ст.68, п.4 ч.4 ст.69, п.3 ч.5 ст.71, ч.5 ст.262, п.6 ч.2 ст.386 УПК Украины);

- *предоставлять отдельным субъектам определенный иммунитет*. Например, не могут быть допрошены как свидетели защитники и представители, адвокаты, нотариусы, медицинские работники и священнослужители в связи с выполнением ими своих профессиональных обязанностей (ч.2 ст.65 УПК Украины);

- *влиять на порядок проведения и оформления отдельных процессуальных действий (процессуальную форму).* Например, главой 21 УПК Украины предусмотрен особый порядок проведения негласных следственных (розыскных) действий, в главе 40 определены особенности уголовного судопроизводства, которое содержит сведения, составляющие государственную тайну, а ч.2 ст.27 УПК Украины предусматривает основания (поводы) осуществления уголовного производства в закрытом судебном заседании;

- *устанавливать особый порядок доступа и получения определенных видов информации.* Например, раскрытие банковской или коммерческой тайны, доступа к государственной или врачебной тайне (ст.162 и ст.517 УПК Украины).

Существование указанных обстоятельств должно учитываться как стороной обвинения, так и защиты в связи с тем, что их наличие в материалах уголовного производства может влиять как на допустимость собранных доказательств, так и особенности процессуальной формы.

При сборе доказательств следует учитывать, что существуют и определенные исключения из правил, обеспечивающих правовой режим информации в уголовном процессе. Например, лица, указанные в пунктах 1-5 ч.2 ст.65 УПК Украины, могут быть освобождены от обязанности хранить профессиональную тайну лицом, которое доверило им эти сведения, в четко определенном ним объеме (ч.3 ст.65 УПК Украины). Освобождение оформляется письменно.

УПК Украины 2012 года, также как и УПК Украины 1960 года, предусмотрел процессуальные условия, согласно которым сведения досудебного расследования можно разгласить только с разрешения следователя или прокурора и в том объеме, в котором они признают возможным (ст.222). О существовании указанной обязанности лица должны быть предупреждены письменно следователем или прокурором. Также предусмотрена обязанность следователя (прокурора) по ходатайству стороны защиты, потерпевшего предоставить им материалы досудебного расследования для ознакомления

до его завершения с учетом особенностей, предусмотренных ст.221 УПК Украины. К сожалению, терминология, примененная в содержании ст.221 УПК Украины, а именно: «общедоступный документ», не имеет своего толкования в процессуальном законодательстве. Но системный анализ его положений позволяет сделать вывод о том, что «общедоступным» может являться документ, который не подпадает под регламентацию ст.162 УПК Украины (вещи и документы, которые содержат охраняемую законом тайну), главы 21 УПК Украины и, соответственно, не связаны с проведением негласных следственных (розыскных) действий или применением мер безопасности (п.9 ч.2 ст.65 УПК Украины), главы 40 УПК Украины как сведения, содержащие государственную тайну, или по решению следователя не подлежит разглашению, исходя из тактических особенностей расследования конкретного уголовного производства на основании ст.222 УПК Украины. При таком широком толковании понятия «общедоступный документ», можно констатировать, что при одних обстоятельствах протокол осмотра места происшествия или допроса свидетеля может быть признан «общедоступным документом, а при других нет. Например, совершение преступления в условиях неочевидности, мошенничества или умышленного убийства.

Выводы. Правовой режим информации в сфере уголовного производства может быть как статической, так и динамической категорией, зависящей от обстоятельств расследования уголовного производства. В связи с этим существование различных видов правового режима информации в сфере уголовного судопроизводства влияет на: процессуальный порядок доступа и ознакомления с материалами уголовного производства; особенности проведения отдельных видов следственных (розыскных) и процессуальных действий; использование полученных сведений в процессе доказывания; существование различных видов юридической ответственности за ее разглашение и т.д.

Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что информация в сфере уго-

ловного производства по способу ее получения относится к информации для служебного использования, по своему содержанию – к одному или нескольким видам охраняемых законом тайн, а по форме доступа – к информации открытого или закрытого типа.

Указанная проблематика не является исчерпывающей и требует продолжения на-

учных исследований в таких направлениях, как понятие и сущность правового режима информации в уголовном процессе, виды уголовно-процессуальных гарантий охраняемых законом тайн, особенности правового режима государственной тайны в уголовном процессе и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь И.В. Тайна по российскому законодательству (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.01 «теория и история права и государства; история правовых учений». Н.Новгород: Нижегородская академия МВД РФ, 2004. 206 с.
2. Василюк В.Я., Климчук С.О. Інформаційна безпека держави: курс лекц. К. : КНТ, Видавничий дім «Скіф», 2008. 136 с.
3. Гончар В.П. Міжнародно-правові стандарти гласності судового процесу в прецедентній практиці Європейського суду з прав людини // Часопис Академії адвокатури України. 2013. №1(18). С. 1-7.
4. Гуз А.М. Історія захисту інформації в Україні та провідних країнах світу: навч. посіб. К. : КНТ, 2007. 260 с.
5. Кончакова И.В. Уголовно-процессуальный институт защиты информации на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность. Воронеж, 2011. 24 с.
6. Король В.В. Засади гласності та її обмеження в кримінальному судочинстві України: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза». Львів : Львівський нац. ун-т ім. І.Франка, 2002. 205 с.
7. Кухар В.В. Кримінальна відповідальність військовослужбовця за розголошення державної таємниці: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 20.02.03 «військове право; військові проблеми міжнародного права». Нац. акад. Прикордон. військ України ім. Б.Хмельницького [Електронний ресурс] // Режим доступу: <http://www.lib.ua-ru.net/inode/8820.html>
8. Макаренко В.В. Правове регулювання захисту конфіденційної інформації, що є власністю держави: становлення, розвиток, проблемні питання // Право України. 2006. № 1. С.132-136.
9. Макарова З.В. Гласность уголовного процесса: монография/ под ред. З.З. Зинатуллина. Челябинск : ЧГТУ, 1993. 177с.
10. Панченко П.Н. Институт тайны: правоохранительные аспекты // Государство и право. 1998. № 8. С.124-125.
11. Петрухин И.Л. Личные тайны (Человека и власть): монография. М.: Институт государства и права РАН, 1998. 232 с.
12. Погорецький М.А. Функціональне призначення оперативно-розшукової діяльності у кримінальному процесі: монография. Х. : Арсіс, ЛТД, 2007. 576 с.
13. Прокоф'єва Д.М. Дослідження змісту категорій інформації з обмеженим доступом відповідно до чинного законодавства України: [Електронний ресурс] // Режим доступу: http://www.bezpeka.com/ru/lib/spec/law/art8_forprint.html.
14. Сідак В.С., Артемов В.Ю. Забезпечення інформаційної безпеки в країнах НАТО та ЄС: навч. посіб. К. : КНТ, 2007. 160с.
15. Смолькова И.В. Тайна и уголовно-процессуальный закон: науч. издан. М.: Изд-во Луч, 1997. 99 с.; Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: науч. издан. М. : Изд-во Луч, 1999. 335 с.

16. Фатьянов А.А. Проблемы формирования института служебной тайны в отечественном праве // Государство и право. 1999. № 4. С. 22; Фатьянов А.А. Защита тайны при производстве по уголовным делам // Закон. 1999. № 10. С. 78-86; Фатьянов А.А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Государство и право. 1998. № 6. С. 5-14.
17. Яновская О.Г. Адвокатська таємниця як правова гарантія адвокатської діяльності // Право України. 1997. № 2. С. 33-37.
18. Про інформацію: Закон України від 02 жовтня 1992 року № 2657-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2657-12>
19. Про доступ до публічної інформації: Закон України від 13 січня 2011 року № 2939-VI // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2939-17>
20. Про оперативно-розшукову діяльність: Закон України від 18 лютого 1992 року № 2135-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2135-12/print1383729984583911>
21. Об обеспечении безопасности лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве: Закон Украины № 3782-XII от 23.12.1993 // Официальный веб-сайт Верховного Совета Украины. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/3782-12>
22. О государственной защите работников суда и правоохранительных органов: Закон Украины № 3781-XII от 23.12.1993 г. // Официальный веб-сайт Верховного Совета Украины. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3781-12>
23. Перелік відомостей, що становлять службову інформацію у системі Міністерства внутрішніх справ України: затверджений наказом МВС України № 423 від 14 травня 2012 року // Офіційний веб-сайт МВС України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/748077>
24. Про державну таємницю : Закон України від 21 січня 1994 року № 3855-XII // Офіційний сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу : <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3855-12>

О.С. Шеремет,

кандидат юридических наук, доцент
(г. Чернигов, Украина)

КОРРУПЦИЯ В УКРАИНЕ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются общие вопросы коррупции как социального явления, исследуется механизм коррумпированных отношений, динамика развития коррупции в Украине и структура наказаний за коррупционные действия. На основе анализа особенностей коррупционных процессов, происходящих в Украине, высказываются предложения по совершенствованию антикоррупционной деятельности и возможности противодействия ей органами местного самоуправления.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение, противодействие, органы местного самоуправления.

Общеизвестно, что коррупция — это сложное явление, продукт экономического, политического и социального состояния общества и государства. Истоки этого явления уходят далеко вглубь нашей истории: мздоимство, упомянутое еще в русских летописях 13 века; лихоимство, известное в Петровские времена; взяточничество (напр., 8.05.1918 г. Декрет СНК «О взяточничестве») и др. памятники истории. На протяжении столетий предпринимались различные попытки борьбы с коррупцией, вплоть до лишения жизни виновных в совершении преступлений, однако должного эффекта они не приносили.

Государство, находящееся на переходном этапе своего развития, характеризуется наличием в нем кризисных явлений практически во всех отраслях: политической, экономической, социальной. Не избежали этого и постсоветские страны, в том числе и Украина. В последнее время организованная преступность набирает размах, новые качества и успешно функционирует в связи с успешным «сотрудничеством» с должностными лицами. Причем при этом нарушаются не только охраняемые законом общественные отношения, но и формируются новые негативные антисоциальные отношения и связи. Особую опасность представляет расширение преступных формирований, которые фактически содержат определенную часть государственных служащих за совершение ими каких-либо действий в пользу этих групп.

На сегодняшний день в Украине коррупцией в той или иной мере поражены все ветви государственной власти и управления, а наиболее коррумпированными являются структуры, связанные с вопросами государственного целевого финансирования, экспорта и импорта, приватизации, лицензирования, таможенного контроля и осуществления контрольно-ревизионной деятельности.

Проблемам борьбы с коррупцией посвящено немало работ, [1; 2; 3] в которых детально исследовались сущность, понятие коррупции, отдельные составы преступлений и меры противодействия ей.

С момента провозглашения независимости Украины вопрос о коррупции и коррумпированности чиновников продолжает оставаться наиболее острым и важным, требующим безотлагательного решения. Первым шагом на пути противодействия коррупции становится принятие Закона от 1 октября 1995 г. «О борьбе с коррупцией». 24 апреля 1998 г. издается Указ Президента Украины, которым утверждена Концепция борьбы с коррупцией на 1998 – 2005 гг. В последующем в развитие данных положений принимаются еще около 80 нормативных актов, однако существенных изменений в борьбе с коррупцией не происходит и должный эффект пока не достигнут. Вместе с тем, по мнению украинских ученых (Даньшин И.Н., Денисова Т.А., Закалюк А.П., Зеленецкий В.С., Мельник Н.И., Шакур В.И. и др.), ни Закон Украины «О борьбе с коррупцией», ни

последующие нормативные документы, ни судебная практика в полной мере не смогли дать четкое, конкретное определение понятия коррупции. 11 сентября 2006 г. был издан Указ Президента Украины, который утвердил Концепцию преодоления коррупции в Украине «На пути к добропорядочности».[4] Отмечается, что коррупция – это многоаспектное социально-экономическое, политическое, правовое и моральное явление, которое складывается из целого комплекса противоправных действий и неэтических поступков. Как правовая категория, коррупция – сборное правовое понятие, охватывающее всю совокупность взаимосвязанных правонарушений. Впервые было официально признано, что на международном уровне Украина имеет репутацию коррумпированного государства.

Совершенно очевидно, что противодействие коррупции невозможно лишь путем принятия «узких» политических решений по данному вопросу. Для многих государственных служащих совершение коррупционных действий и должностных преступлений становится нормой, источником доходов, которые зачастую намного превышают заработную плату. Аппаратом чиновников создается специальная система защиты, препятствующая привлечению его представителей к ответственности на основании закона. В то же время мелкие государственные служащие привлекаются к ответственности даже за действия, которые трудно назвать коррупцией в широком ее понимании: принятие коробки конфет, продажа 1 видеокассеты, покупка товара вне очереди и др.

В настоящее время наиболее коррумпированными властными структурами украинцы считают милицию, суд и Верховную Раду, затем – прокуратуру, таможенную службу и местные органы власти. Такие результаты были получены в ходе опроса, проведенного Киевским институтом проблем управления им. Горшенина среди двух тыс. украинцев во всех регионах страны. На вопрос «Что можно купить в Украине за деньги?» (респондент мог выбрать несколько вариантов ответов) наиболее частым был – «купить решение суда». Его указали 67,1% респондентов. 63,8% респондентов назвали возможность «покупки» освобождения от уголовной ответствен-

ности; 60,8 – депутатский мандат; 32,3% – жизнь или свободу другого человека; 2,1% считают, что ничего из перечисленного купить нельзя; затруднились с ответом 9,9%.[5] Это подтверждают зарубежные и отечественные исследователи, утверждающие с конца 90-х годов XX ст., что Украина входит в список наиболее коррумпированных государств. Так, по мнению международной организации Transparency International Украина занимает 5, а по данным многих независимых экспертов США, 4 место по показателю коррумпированности чиновников. Кроме этого, Украина получила едва ли не высший показатель рискованности инвестиций, т.е. никто не может гарантировать сохранности средств, вложенных в украинскую экономику.[6] Ростки коррупции проявляются уже в детских учреждениях (детсадах, школах, колледжах), поликлиниках, больницах с обязательных подарков, денег на ремонт и т.п. Опрос старшеклассников десяти киевских школ показал, что существование коррупции в школах признают 46% учащихся, 45% убеждены, что дорогие подарки гарантируют хорошие оценки, и только 4% учащихся надеются на справедливость. Это только один из примеров.

Мировая практика свидетельствует о непримиримой борьбе с должностными преступлениями и их составным элементом – коррупцией, а также особом, негативном отношении к лицам, их совершающим, на всем протяжении развития общества. [7, 8, 9]

9 декабря 2013 г. Международный день борьбы с коррупцией был отмечен во всем мире правительствами, неправительственными организациями, индивидами и международными организациями, которые организовали целый ряд мероприятий, чтобы продемонстрировать, как коррупция вредит странам и их гражданам. Дискуссии, образовательные и культурные мероприятия, марши, медиамероприятия свидетельствуют о растущем недовольстве людей. Также в этом году новая глобальная кампания под девизом «Ноль Коррупции – 100 Процентов Развития» была запущена совместно УНП ООН и Программой развития ООН (ПРООН), двумя органами Организации Объединенных Наций, который ведут гло-

бальные информационные кампании по борьбе с коррупцией с 2009 года. [10] Такой подход декларирован и Украиной в законах, указах и иных нормативных актах.

Однако мнение граждан и практика применения наказаний опровергает наличие широкомасштабной борьбы с коррупцией в Украине. Так, приводятся следующие данные о привлеченных к ответственности за коррупционные действия: из общего числа правонарушений, согласно Закону «О борьбе с коррупцией»: привлечено 12% сотрудников госадминистраций и органов местного самоуправления, 14% руководителей организаций, учреждений, предприятий, 10% медработников, 4% работников милиции. Причем из общего числа привлеченных к административной ответственности всего лишь на 0,23% наложены взыскания. [11] Следует согласиться с Мельником Н.И., что, наряду с иными причинами, неправильное представление о понятии коррупции мешает задействовать все механизмы для привлечения виновных к ответственности. [12]

Коррупция в той или иной мере охватывает все сферы государства и общества. Анализируя судебную практику применения антикоррупционного законодательства, следует отметить, что именно суды реализуют положения закона и ставят точку при решении вопроса о виновности или невиновности лица в совершении коррупционного деяния. Именно судьи определяют на практике понятие коррупции и формируют практику применения законодательства по данному вопросу. Однако в самих органах судебной власти фиксируются многочисленные нарушения и злоупотребления.

Проблема разработки и реализации какой-либо программы борьбы с преступностью, в том числе и борьбы с коррупцией, принадлежит к категории наиболее сложных, поэтому она предполагает осуществление комплексных научно-практических исследований. Коррупция, как мы видим, проблема интернациональная. Еще в 1997 г. на конференции глав парламентов Центральной Европы, глава Палаты депутатов Луначо Виоланте обозначил, что коррупция свойственна всем странам, независимо от политического устройства и уровня эконо-

мического развития. Ни одна страна не может считать себя застрахованной от такого явления – дело лишь в масштабах. Причем коррупцию он назвал проблемой национальной безопасности любого государства.

Наиболее эффективный путь борьбы с коррупцией, в том числе и в органах местного самоуправления, это изучение и устранение причин и условий, которые ее побуждают и ей способствуют. Только при уяснении причин коррупции и условий, ей способствующих, возможно наметить пути совершенствования законодательства и приостановить рост коррупционных деяний. Назовем лишь некоторые:

- низкий уровень жизни граждан Украины в целом и, в частности, служащих. Как может при таких условиях идти речь об удовлетворении жизненно важных реальных потребностей (питание, одежда, оплата коммунальных услуг, обучение детей и др.), не говоря уже о потребностях по западным стандартам (хороший дом, дорогой автомобиль, отдых на престижном курорте и т.д.)? В таких случаях возрастает возможность удовлетворять свои потребности неофициальным путем (высокий уровень теневой экономики, отсутствие системы контроля за доходами госслужащих и т.п.);

- несовершенство системы функционирования органов местного самоуправления. Служебные полномочия зачастую ограничиваются лишь общими параметрами без детальной регламентации, что помогает служащему, не нарушая закон, смело действовать себе на пользу;

- отсутствие эффективной системы подбора и расстановки кадров, а также системы контроля за деятельностью всех ветвей власти, судебных, правоохранительных органов и иных госслужащих. Не секрет, что часто кадры подбираются по принципу «благонадежности», «личной преданности», а не в соответствии с профессиональным уровнем и морально-этическими качествами назначаемого. Это порождает и взаимную поддержку, и взаимную охрану друг друга.

Нищета и обездоленность, страх перед будущим, дискредитация деятельности власти, невозможность удовлетворить самые малые потребности – все это приводит к утрачива-

нию социально полезных ориентаций, к падению моральных устоев общества, к росту коррупции. Общее количество лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за совершение служебных преступлений, в том числе за взяточничество, как отмечалось ранее, незначительно. Среди осужденных: бывшие судьи – 2%, следователи – 27%, представители налоговой администрации – 5%. Что же касается персонала органов местного самоуправления, то, несмотря на указанный высокий уровень коррумпированности среди лиц данной категории, отбывающих наказание в местах лишения свободы нет. Среди осужденных довольно значительная часть не признают вину в совершенном преступлении (27%), а из 73% признающих вину 39% не согласны с приговором суда в части назначенного срока наказания. Также, по нашим исследованиям, часть осужденных негативно относится к карательно-воспитательному воздействию, а именно: 31% отрицательно воспринимают режимные требования и считают неприемлемыми существующие условия отбывания наказания. 40% осужденных при опросе отказались отвечать на этот вопрос, однако в последующих беседах подтвердили непринятие режимных требований, а соблюдение их считают необходимым этапом для возможного досрочного освобождения.

Настораживает тот факт, что 57% из числа опрошенных открыто заявляют о том, что коррупция стала профессиональным признаком и необходимостью в работе всех ветвей власти. В связи с этим 21% не осуждают своих действий, а сожалеют, что не были осторожными при получении «вознаграждений за хорошо выполненную работу».

Необходимо указать, что реализация антикоррупционных мероприятий должна обеспечиваться надежными механизмами ответственности, в том числе и уголовной. В связи с этим на основе комплексных исследований необходимо усовершенствовать законодательную базу о борьбе с коррупцией, предусмотрев более четкое определение понятия коррупции, ее границы, состав и ответственность. Законодательство требует совершенствования с учетом зарубежного опыта и международных стандартов, даю-

щих понимание коррупции, а также определяющих сферу ответственности за коррупционные деяния.

Понятно, что возможности борьбы с коррупцией у правоохранительных органов ограничены. И это несмотря на то, что только в УК Украины предусмотрено три вида преступлений за взяточничество как классический вид коррупционного преступления (получение взятки – ст.368 УК, дача взятки – ст.369 УК и провокация взятки – ст.370 УК). Преступления в сфере служебной деятельности, как правило, не существуют изолированно от иных видов преступной деятельности. С использованием должностного положения совершаются контрабанда, нарушения законодательства о бюджетной системе, вымогательство взятки и т.п. Самым тесным образом данный вид преступной деятельности связан с преступлениями против правосудия. В связи с этим важно уменьшать возможность совершения коррупционных действий, в том числе с помощью средств массовой информации. Именно средства массовой информации могут помочь не только рассказать о выявленных фактах коррупции, но и показать механизмы противодействия данному явлению.

Органам местного самоуправления необходимо усилить роль гражданского общества в выявлении и предупреждении коррупции. Одним из стратегических направлений борьбы с коррупцией должны стать не призывы к искоренению коррупции как явления, не репрессивные меры к конкретным лицам, а системные, комплексные профилактические мероприятия, вытекающие из задач предотвращения коррупционных действий. При этом представители местного самоуправления должны в первую очередь создавать климат нетерпимости и неприятия коррупционных деяний. Одновременно необходимо разработать механизм социального надзора за деятельностью судей, правоохранительных органов, иных государственных служащих с целью предотвращения коррупции.

Наконец, органы местного самоуправления должны опираться на гражданское общество и приобщать его к противодействию коррупции. Участие местной громады

в предупреждении коррупционных действий должно стать добровольным исполнением своего гражданского долга. Например, создание общественных организаций, задачей которых становится помощь правоохранителям в охране общественного порядка, выполнение информационных функций. Примирение враждующих или конфликтующих сторон старейшинами либо наиболее уважаемыми людьми. Привлечение религиозных деятелей к вопросам предупреждения преступности и т.п. Для того чтобы такая деятельность носила постоянный характер, целесообразно назначение конкретных лиц, уполномоченных координировать работу по предупреждению коррупционных действий. Например, в декабре 2013 г. решением № 227-р. от 27 декабря 2013 г. Черниговского городского совета с целью выявления и противодействия коррупции, в соответствии с п. 5 Закона Украины «О мерах по предупреждению и противодействию коррупции», ст. 42 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» и постановления Кабинета Министров Украины от 4 сентября 2013 г. № 706 «Вопросы предупреждения и выявления коррупции» было принято решение

об организации профилактической работы по выявлению и борьбе с коррупцией. Также было утверждено положение об уполномоченном представителе по вопросам предупреждения и выявления коррупции в исполнительных органах Черниговского городского совета. Считаем, что такие шаги будут способствовать борьбе с коррупцией среди органов местного самоуправления.

Коррупция отрицательно воздействует на все стороны жизни общества, постепенно преобразаясь из аномалии в норму поведения. К сожалению, значительная часть граждан не противодействует, а поощряет коррупцию. Более того, украинское общество хотя и осуждает коррупцию, но одновременно признает ее как способ существования определенной категории своих граждан.

В связи с этим важно отметить, что антикоррупционная политика обязана стать составной частью государственной политики Украины. Однако совершенно очевидно, что искоренить коррупцию лишь устрашением либо репрессией практически невозможно. В первую очередь необходимо проведение эффективных экономических, политических и социальных реформ.

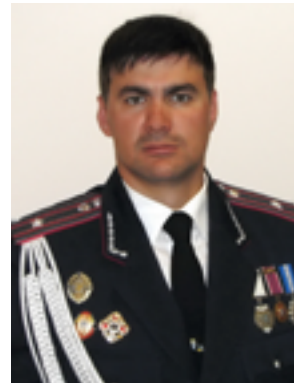
ЛИТЕРАТУРА

1. Галахова А.В. Уголовная ответственность за должностные преступления сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. М.: НИИ МВД СССР, 1988. 60 с.
2. Мельник М.І. Корупція: сутність, поняття, заходи протидії: монографія. К.: Атіка, 2001. 304 с.
3. Бантишев О.Ф. Злочини у сфері службової діяльності (питання кваліфікації): навчальний посібник. К.: МАУП, 2002. 128 с.
4. Про концепцію подолання корупції в Україні: Указ Президента України від 11 вересня 2006 р. //Юридический вестник Украины. 2006. № 4. С.38-39.
5. Самыми продажными считают милицию, суды и Раду //Мрия. 2012. № 11 (505). С. 2.
6. Гребенчук Ю. Корупція. Україна і світовий досвід //Київські відомості. 1999. № 40. С.3.
7. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. С.15-57.
8. Долгова А.И. Определение коррупции и законодательство борьбы с ней // Коррупция и борьба с ней. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. С.5-6.
9. Лаптеакру В.Д. Борьба с коррупцией в республике Молдова (социальные, уголовные и криминологические аспекты): автореф. дис. ...канд. юрид. наук //Международный независимый ун-т Республики Молдова. Кишинэу, 1998. 24 с.
10. Электронный ресурс: // <http://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2013/December/how-the-world-marked-international-anti-corruption-day.html?ref=fs1>
11. Мельник М.І., Редька А.І., Хавронюк М.І. Науково-практичний коментар «Про боротьбу з корупцією» /за ред. М.І. Мельника. К.: Атіка, 2003. С.77.
12. Мельник Н. Механизм преступного коррупционного поведения // Криминология. № 1. М., 2001. С. 70-73.

С.С. Витвицкий,

кандидат юридических наук, доцент

(Днепропетровский государственный университет внутренних дел)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ И УСЛОВИЯ ЕЕ ПОВЫШЕНИЯ

В статье раскрывается содержание эффективности государственного контроля и условия ее повышения. Автором обосновываются условия повышения эффективности государственного контроля, даются их характеристики.

Ключевые слова: контроль, государственный контроль, эффективность государственного контроля, условия эффективности государственного контроля, общественное мнение, координация деятельности контролирующих органов, модернизация системы средств массовой информации, информационная политика, открытость и доступность органов государственной власти.

Современная реформа государственного управления призвана не только укрепить единство государственной власти, но также нацелена и на обеспечение системности и эффективности демократического контроля. Поэтому в современных трансформационных условиях развития государства в любом обществе особую актуальность приобретают исследования всех институтов, которые являются обязательными в формировании демократического, социального, правового государства. Акцент в юридической литературе делается на рассмотрении государственного контроля как обязательного элемента государственного управления.

Проблема государственного контроля имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку способствует более глубокому исследованию системы государственного управления в ее функционировании и эффективности оказания влияния на все важнейшие стороны государственной деятельности.

Исследование отдельных теоретических аспектов государственного контроля осуществляли такие отечественные и зарубежные ученые, как: О. Аврамова, Л. Акопов, О. Андрийко, И. Андрущенко, Д. Арутюнян, Г. Галимшина, В. Гаращук, О. Головкин, В. Горев, Г. Грачев, А. Гурин, А. Джагарян, Н. Карнарук, Т. Кичилук, Я. Клейменов, В. Кобринский, Н. Косаренко, Ю. Кочетков,

И. Кудряшов, О. Литвак, П. Лютиков, О. Макаренко, И. Орехова, Г. Остапович, А. Рубан, И. Троханенко, В. Шестак [1-17] и др. Однако некоторые теоретические проблемы, связанные, прежде всего, с эффективностью государственного контроля, в юридической науке остаются исследованными достаточно поверхностно, что свидетельствует о необходимости научного поиска в этом направлении. Поэтому существует потребность в углубленном исследовании вопроса эффективности государственного контроля, сущности и условий её повышения.

Вопросы повышения эффективности, результативности и стабильности государственного контроля в государственном управлении в современных, достаточно сложных экономических, политических и других условиях приобретают особую значимость. В целях реализации политических, социальных, культурных, экономических и других приоритетов развития любого общества должно быть завершено формирование эффективной системы государственного управления, в том числе государственного контроля.

Вообще, эффективность является главным критерием оценки контрольной деятельности в государственном управлении и главной целью любого контроля. Вопросы эффективности и стабильности применения государственного контроля являются

одними из наиболее актуальных задач, как в теории, так и на практике. Поэтому в юридической литературе в последнее время все больше внимания уделяется государственному контролю, рассмотрению его основных элементов, механизма реализации, однако проблема его эффективности остается недостаточно исследованной.

Исследование эффективности государственного контроля требует выделения условий её повышения и соответственно их анализа. Выполнение этой задачи, в свою очередь, сводится к разработке и исследованию оптимальных условий повышения эффективности государственного контроля.

Понятие «эффективность» происходит от латинского «efficientia» – исполнение, действие, которое в переводе означает результат, следствие определенных причин действий; эффективный – который дает определенный эффект. [18. С.323, 19. С.601, 20. С.55] В этимологических словарях и энциклопедических справочниках слово «эффективный» толкуется как такой, что дает нужные результаты, последствия, дает наибольший эффект; который вызывает эффект. [21. С.268, 22. С.292, 23. С.561]

Наиболее глубокое и всестороннее изучение этот термин получил в науке и практике управления. Так, К. Маркс, исследуя категорию эффективности экономики, отмечал, что постоянная связь капиталистического производства заключается в том, чтобы при минимуме авансированного капитала сделать максимум прибавочной стоимости или прибавочного продукта. [24, С.608] Таким образом, термин «эффективный» заимствован юридической наукой и практикой в экономике, где он используется для обозначения деятельности, приносящей при минимальных человеческих, материальных или любых других затратах максимальные результаты и достижения поставленной цели. В этом аспекте российские исследователи В. Беляев и О. Брежнев отмечают, что имеются в виду не только материальные затраты и людские ресурсы, но и рациональное соотношение теоретических разработок и достижений правовой науки и опыта, в том числе и международного. [25.С.54]

В научной литературе высказывается мнение о том, что эффективными (или целесообразными) следует считать такие действия или способы действий, которые ведут к результату, задуманному как цель. [26. С.122] В контексте этого исследования следует отметить, что ученые, изучающие проблемы эффективности, считают, что эффективность – это действенность, результативность, целесообразность, оптимальность и др. [27. С.114] Большинство исследователей определяют эффективность как степень достижения целей, поставленных перед системой, или как соотношение между фактическим результатом и поставленной целью. [28. С.32, 29. С.12]

Другими словами, сущность термина «эффективность» заключается в принесении совокупной «пользы», «эффекта» от той или иной деятельности, которая измеряется особым способом. [30. С.168]

Главным критерием эффективности контроля является степень удовлетворения конечных потребностей общества, отдельно взятой личности. Эффективностью обладает та система контроля, которая в наибольшей степени обеспечивает удовлетворение многообразных потребностей людей: материальных, социальных, духовных, гарантирует высокий уровень и качество жизни. Основой такой эффективности служит оптимальное распределение имеющихся у общества властных ресурсов. [30. С.168]

Определение эффективности государственного контроля как соотношения между результатом его деятельности и поставленной целью – это общее содержание исследуемой категории. В этом аспекте следует отметить, что, безусловно, об эффективности можно говорить только тогда, когда контроль действует, реализуется, а не просто провозглашается. [31. С.175-179]

Проблема эффективности государственного контроля – это, прежде всего, проблема результативности ее функционирования, достижения поставленных целей. Воплощение целей в конкретные результаты есть неотъемлемый элемент эффективности субъектов государственного контроля. Критерий эффективности, прежде всего, состо-

ит в степени достижения соответствующих ценностей, определенных результатов, а сама эффективность выступает как осуществленная цель.

Приведенные подходы относительно эффективности не являются исчерпывающими. Анализ научных подходов в юридической литературе относительно понятия эффективности позволяет его определить как отношение стоимости затрат на обеспечение деятельности к стоимости результатов данной деятельности. Несмотря на значительный научный интерес к данной проблематике, теоретическое обоснование сущности и условий повышения эффективности государственного контроля остается недостаточно исследованным. В контексте изучения этой проблематики заслуживают внимания условия повышения эффективности, которые необходимы для повышения эффективности государственного контроля.

К основным условиям повышения эффективности государственного контроля относят: 1) изучение общественного мнения; 2) координацию деятельности контролирующих органов; 3) модернизацию системы средств массовой информации; 4) информационную политику, открытость и доступность органов государственной власти.

Предлагаем рассмотреть подробнее каждое из вышеупомянутых условий повышения эффективности государственного контроля.

1. Изучение общественного мнения. Данный метод весьма востребован в странах Западной Европы, США, Австралии, так как он помогает оценить эффективность проводимой государственной политики, выявить недостатки в работе отдельных органов власти и управления, определить нужды и потребности граждан и т.п. [30. С.171]

Результаты изучения общественного мнения о деятельности государственной власти позволяют установить удовлетворенность граждан степенью законности, качеством деятельности органов государственной власти. Таким образом, изучение общественного мнения необходимо для оценки результативности самого управления.

2. Координация деятельности контролирующих органов. Координация позволяет взаимодействовать в русле законности и правопорядка и исключает дублирование межведомственных полномочий. [30. С.172] Поддерживая эту позицию, В. Беляев и О. Брежнев подчеркивают, что координация позволяет исключить параллелизм, межведомственные противоречия и т. п. [25. С.54] Общую координацию контрольных полномочий государственных служб, на которые возложен отраслевой надзор и контроль, в будущем должен осуществлять специально созданный государственный орган власти. [32. С.156]

В свою очередь С. Денисов, исследуя проблему формирования контрольной ветви государственной власти и ограничения коррупции, наряду с другими, называет координирование действий всех государственных контрольных органов в качестве формы осуществления контрольной функции. [33. С.14]

3. Модернизация системы средств массовой информации. Необходимо отметить острую необходимость в модернизации системы средств массовой информации, как необходимого средства повышения эффективности контроля. Существует ряд проблем в сфере деятельности средств массовой информации, которые требуют своей реализации и дополнительного правового регулирования. [34. С.15]

Сегодня существуют недостатки и противоречия в законодательстве, регулирующем деятельность средств массовой информации. В последнее время часто актуализируется тема дискриминации негосударственных средств массовой информации, однако существуют и другие препятствия в деятельности средств массовой информации. Настоятельной потребностью является необходимость деятельности средств массовой информации в соответствии с международными стандартами. Средства массовой информации в демократическом обществе и правовом государстве должны принимать активное участие в государственном строительстве, оказывать положительное влияние на общество. [35. С.414]

4. Информационная политика, открытость и доступность органов государственной власти. Полная прозрачность деятельности органов государственной власти и управления является важнейшим условием эффективности их контрольной деятельности.

Достижению прозрачности деятельности государственных органов могут способствовать создаваемые веб-сайты соответствующих ветвей и уровней власти. На данных сайтах необходимо размещать информацию касательно контрольной деятельности государственных органов. Особо отметим, что доступ к размещенным в Интернет-ресурсах сведениям должен быть свободным, неограниченным и, самое главное, не требующим регистрации, с целью устранения возможности давления со стороны должностных лиц на гражданина либо общественную организацию, а информация, в свою очередь, должна быть полной, исчерпывающей и постоянно обновляемой [30. С.173-174].

Следует принять во внимание и то, что этот перечень условий повышения эффективности контроля не является исчерпывающим. На эффективность государственного контроля, как и любого другого, влияет целый ряд факторов экономического, социального, политического, организационно-правового и другого порядка, которые также следует учитывать. При условии взаимодействия и взаимообусловленности

вышеизложенных условий повышения эффективности государственного контроля можно говорить о действительной результативности государственного контроля, достижении поставленных перед ним целей и задач. В системе государственного управления совершенствование механизма контроля требует внедрения и наличия комплекса мер организационно-правового и другого порядка, что, в свою очередь, позволит оптимизировать контрольную деятельность в современном государстве.

Таким образом, необходимость исследования государственного контроля и условий его эффективности связана с тем, что контроль в современном государстве играет очень важную роль, поскольку его деятельность, прежде всего, направлена на улучшение жизни всего общества.

Государственный контроль как элемент социального управления направлен на обеспечение эффективного функционирования политической системы. Государственный контроль, главное назначение которого состоит в том, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для гарантирования конституционного строя, реализации прав и свобод человека и гражданина, поддержание государственной стабильности и т.д., играет важную роль в формировании и становлении правового государства и гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авраамова Е.В. Конституционно-правовое регулирование государственного контроля за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий: дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук. М., 2012. 223 с.
2. Авраамова Е.В. Принципы государственного контроля за осуществлением органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий // Закон и право. 2012. № 2. С.49-52.
3. Акопов Л.В. Контроль в управлении государством (конституционно-правовые проблемы): дис. ... док. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. 395 с.
4. Акопов Л. В. Демократический контроль как государственно-правовой институт (теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 195 с.
5. Андрийко О.Ф. Контроль в демократическом государстве: проблемы и тенденции. К. : Наукова думка, 1994. 116 с.
6. Андрийко О.Ф. Державний контроль в Україні: організаційно-правові засади : Проект "Наукова книга". К. : Наукова думка, 2004. 302 с.
7. Андрийко О.Ф. Державний контроль: теорія і практика : наукова доповідь. К., 1999. 24 с.
8. Галімішина Г.В., Саєнко О.В. Державний контроль на автомобільному транспорті в Україні: проблеми теорії та практики : монографія. Донецьк: ДонУЕП, 2011. 166 с.

9. Головкин О.В. Організаційно-правові засади державного контролю і нагляду у галузі охорони довкілля в Україні : монографія. Кам'янець-Подільський : Оіюм, 2011. 424 с.
10. Горев В.Н. Система государственного контроля за деятельностью органов внутренних дел: организационно-правовые вопросы: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2005. 190 с.
11. Грачев Г.В. Особенности организации системы государственного контроля в России / отв. ред. В.Д. Байрамов. Ростов-на-Дону : Антей, 2009. 23 с.
12. Клейменов Я.С., Косаренко Н.Н. Система государственного контроля в Российской Федерации : курс лекций. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. 188 с.
13. Литвак О. Державний контроль над злочинністю // Право України. 2000. №5. С.7-13.
14. Макаренко Е.В. Государственный контроль за исполнением федерального бюджета в Российской Федерации: конституционно-правовые основы: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2003. 206 с.
15. Остапович Г.М. Державний контроль на ринку цінних паперів України: дис. ...канд. юрид. наук. Київ, 2006. 203 с.
16. Троханенко І. Теоретичні засади визначення принципів державного контролю за діяльністю міліції // Підприємництво, господарство і право. 2012. №7. С.39-42.
17. Шестак В.С. Поняття державного контролю та його основні види // Вісник Національного університету внутрішніх справ. 2001. Вип. 16. С. 119-122.
18. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 30. М. : Советская энциклопедия, 1978. 616 с.
19. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
20. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1988. 1632 с.
21. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. К. : Ірпінь : ВТФ «Перун», 2002. 1440 с.
22. Сучасний тлумачний словник української мови : 65 000 слів / за заг. ред. В.В. Дубічинського. Х. : Школа, 2006. 1008 с.
23. Красных В.И. Толковый словарь паронимов русского языка: 1 100 паронимических рядов: более 2 600 паронимов. М. : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 589 с.
24. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1991. Т. 26. Ч. II. 786 с.
25. Контроль в современной России: вопросы теории и практика правового регулирования : монография / В.П. Беляев и др. М. : Юрлитинформ, 2013. 312 с.
26. Зеленовский Я. Организация трудовых коллективов: введение в теорию организации и управления. М. : Прогресс, 1971. 311 с.
27. Бандурка А.М., Друзь В.А. Психология власти: учеб. пособие для вузов. Харьков : Ун-т внутр. дел, 1998. 328 с.
28. Савин М.Я., Силаев А.И. Эффективность административно-правовой деятельности ОВД в сфере охраны общественного порядка и ее оценка. М. : ВНИИ МВД СССР, 1990. 64 с.
29. Мих О.В. Контроль в органах виконавчої влади: проблеми та шляхи розв'язання // Актуальні проблеми державного управління. Збірник наукових праць. 2009. № 2. С.5-16.
30. Полещук А.С. Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 245 с.
31. Чманов О.А. Механизм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. 238 с.
32. Коломытцева О.Н. Контроль общества над государством: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. 244 с.
33. Денисов С.А. Формирование контрольной ветви государственной власти и ограничение коррупции // Государство и право. 2002. № 3. С.9-16.
34. Правосудие и СМИ: юридическая регламентация поиска, получение и распространение информации. Волгоград, 1998. 142 с.
35. Наливайко Л.Р. Державний лад України: теоретико-правова модель : монографія. Х. : Право, 2009. 600 с.

В.Л. Григорович,

кандидат юридических наук, доцент
(Академия МВД Республики Беларусь)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ГОЛОГРАФИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается соотношение криминалистической фотографии, как традиционной отрасли криминалистической техники, и криминалистической голографии, как инновационной и перспективной отрасли. Обосновывается, что на основании преимуществ и различий фотографии и голографии сформировались предпосылки для того, чтобы создать отдельную отрасль криминалистической техники – криминалистическую голографию.

Ключевые слова: научно-технические средства, голография, фотография, голограмма, криминалистическая голография, криминалистическая фотография, средства и методы криминалистической голографии.

Основным предназначением криминалистической фотографии и голографии является фиксация изображений объектов, попавших в сферу общественно опасной деятельности, элементов обстановки места происшествия в целях дальнейшего их исследования и использования в процессе доказывания.

Криминалистическая фотография – устоявшаяся на сегодняшний день отрасль криминалистической техники, представляющая собой систему научных положений и основанных на них методов, приемов и видов фотосъемки, используемых при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Изобретение французским ученым Л. Дагером в 1839 г. чувствительного к воздействию световой энергии материала, который после соответствующей химической обработки запечатлевает изображение объекта, отразившего свет, считают началом развития фотографии.

Фотография (от греч. *photos* – свет и *grapho* – пишу) буквально означает светопись, процесс формирования изображения объекта и проецирование этого изображения на светочувствительную поверхность, при котором каждая точка предмета преобразуется в соответствующую точку изображения, зависящее только от распределения яркости или энергетической освещенности. Для получения фотографии какого-либо несамосвещающегося объекта его освещают и, используя

оптическую систему (объектив, сферическое зеркало), формируют действительное изображение предмета на фотопластинке (пленке), которую затем проявляют и фиксируют.

Значение фотографии в расследовании преступлений отмечал еще Г. Гросс: «Блестящим образом полезность фотографии обнаруживается и в применении к уголовному процессу: еще так недавно она была введена впервые в эту область, и уже столь многообразны случаи приложения ее. Пока мы можем только предугадывать ее богатое будущее: мы знаем смутно, что в некоторых случаях фотография оказывается полезной, но мы совершенно не представляем себе всей области применения фотографии, так как известные нам случаи составляют лишь неизмеримо малую часть всей той пользы, какую фотография может оказать делу правосудия». [1. С.294]

Эти слова Г. Гросса, написанные почти 100 лет назад, оправдались. С тех пор техника фотографирования достигла высокого уровня, и научное и практическое значение фотографии в настоящее время огромно. На смену традиционной фотографии на галогенидо-серебряных материалах в конце XX в. пришла электронная фотография, основанная на оптоэлектронном преобразовании изображения объекта съемки. В результате такого преобразования, осуществляемого в видеофотокамере или видеокамере, получают видеосигнал, который вводят в память видеофотокамеры и используют затем

для печати фотоснимка посредством видеопринтера. [2. С.181-182]

Назначение электронной фотографии – это получение электронными методами отдельных изображений на экране монитора или отпечатков (жестких копий) на обычной бумаге (полученных, например, методом электрофотографии) либо на фотобумаге, когда электронное изображение преобразовывается в оптическое, а далее идет традиционный фотографический процесс (фотопечать и лабораторная обработка). Электронную фотографию условно подразделяют на видеофотографию и цифровую фотографию. [3. С.406]

При применении цифровой фотографии трудоемкий классический фотографический процесс заменяется точным математическим расчетом, исключается лабораторная обработка с мокрым процессом, сокращается количество используемых расходных материалов. Полученные изображения можно легко и быстро редактировать, распечатывать в необходимом количестве экземпляров, пересылать по сетям цифровых коммуникаций. Иными словами, цифровая фотография имеет целый ряд неоспоримых и весьма важных преимуществ перед обычной классической фотографией.

Однако, несмотря на высокое развитие инструментальной оптики и фотографической техники, возможности фотографии в некоторых отношениях ограничены. Рассмотрим ограничения, присущие этому традиционному методу записи оптической информации.

1. Для получения изображения объекта на фоточувствительном материале необходима оптическая система.

2. Оптическая система формирует изображение трехмерного объекта на фоточувствительном материале, причем в оптимальных условиях, при которых на фотовоспринимающей поверхности отображаются только те точки изображения объекта, которые лежат в плоскостях, перпендикулярных к оптической оси системы, в определенной глубине резко изображенного пространства.

3. Полученное на фоточувствительном материале изображение не дает возможно-

сти обозревать объект с различных сторон, как это происходит при непосредственном его наблюдении. Другими словами, при фотографической регистрации иллюзия объемности объекта возникает лишь при его фиксации на две части кадрированного фоточувствительного материала с двух точек фотосъемки, расположенных перпендикулярно оси фотографирования на расстоянии примерно семь сантиметров друг от друга. Это объясняется тем, что фотопленка не несет информации о фазе проходящей в данную точку электромагнитной волны или расстоянии до частей предмета.

4. На каждом участке поверхности фотопластины фиксируется информация лишь об определенной детали объекта, поэтому с помощью части негатива нельзя наблюдать полное изображение предмета.

5. На одном негативе нецелесообразно фиксировать изображения нескольких объектов, если эти изображения перекрываются: информация об одном объекте помешает восприятию информации о другом объекте.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что методы и приемы фотографии позволяют получать высококачественные черно-белые и цветные изображения криминалистических объектов. Однако фиксируемые традиционными способами изображения отличаются существенным недостатком – запечатленное на них является плоской копией исходной трехмерной картины. Этот недостаток значительно снижает информативность изображений и возможность анализа зафиксированных данных.

Попытки получить объемное изображение фотографическими методами предпринимались с начала прошлого века. Г. Липман в 1908 г. разработал метод интегральной фотографии, затем появились растровая и стереоскопическая съемки. И.И. Сафронов провел исследования в области применения стереоскопии в криминалистике и в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию «Стереоскопия и измерительная фотография в криминалистике и судебной медицине». Впоследствии исследования в этом направлении были продолжены А.И. Винбергом, Н.И. Герасимовым, В.П. Абросимовым,

С.П. Ивановым и другими учеными. В частности, В.Г. Коломацкий в 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Стереоскопическая фотография как средство фиксации и исследования судебных доказательств». В результате была создана серия стереофотоаппаратуры, обеспечивающая объемность отображения фиксируемого объекта. Однако недостатком методов стереоскопической съемки является необходимость применения специальных средств воспроизведения стереоскопического эффекта (очки, растровые экраны, стереоскопы). Это затрудняет использование стереоснимков в деятельности следователя и эксперта. Кроме того, они не обеспечивают возможности осуществления метрических измерений в экспертных исследованиях.

Задачу более полного использования и записи информации, переносимой полем световых волн, отраженных объектом, решает появившаяся в 1947 г. отрасль оптики – голография. Это принятое повсеместно название нового направления оптики, означающее в русском переводе с греческого полную запись (светового поля), вполне соответствует той цели, которая была поставлена основоположником голографии английским ученым Д. Габором.

Первым этапом голографической записи оптической информации является регистрация как амплитудных, так и фазовых характеристик волнового поля, отраженного объектом наблюдения. При некоторых специальных условиях эта регистрация осуществляется фотографически, но без формирования оптического изображения объекта. Фотопластинка с такой специальной записью параметров поля называется голограммой (от греч. *holos* – весь, полный и *gramma* – буква, запись).

Следующий этап голографирования – это извлечение из голограммы информации об объекте, которая на ней зарегистрирована. Для этого голограмму просвечивают световым пучком (в некоторых случаях используют отражение света от голограммы).

1. В отличие от фотографических негативов на поверхности голограммы виден лишь серый фон; ничто не указывает на то, что в ней скрыто изображение предмета. При

фотосъемке видимые признаки регистрируемого объекта воспроизводятся на пластинке или пленке в виде двумерного изображения. При этом чтобы собрать свет, отражаемый каждой точкой объекта и сфокусировать его в соответствующие точки изображения, необходима линза. Отсутствие деталей изображения на поверхности голограммы показывает, что в голографии можно обходиться без линз, используемых для фиксации изображения. Для регистрации несфокусированного света, рассеянного объектом, который освещается, как правило, лазером, требуется только фотографическая пластинка и когерентная опорная и предметная волна. Образующая при их наложении дифракционная картина представляет собой отражение световых волн от многих точек объекта. Картина, получаемая при этом, обычно макроскопически однородна по интенсивности. Несмотря на кажущееся отсутствие зарегистрированной информации, при освещении экспонированной и проявленной голограммы в пространстве формируется объемное изображение предмета. Это изображение, которое может быть локализовано на некотором расстоянии от голограммы, обладает глубиной и параллаксом, обычно свойственным реальному объекту (параллакс – видимое смещение взаимного расположения объектов наблюдения при изменении положения наблюдателя).

Таким образом, голограмма представляет собой регистрацию интерференционной картины, возникающей при взаимодействии сложной волны, рассеянной запечатлеваемым объектом, с простой опорной волной. В отличие от обычной фотографии, фиксирующей информацию только об интенсивности освещенности объекта, голограмма регистрирует фазу объектной волны, записывает и воспроизводит спектральный состав образовавшего ее излучения. Она способна воспроизводить свыше миллиона оттенков яркости, в то время как для обычной фотографии этот показатель не превышает сотни.

Задачей голографии является регистрация не только распределения энергетической освещенности изображения, но и полного волнового поля в плоскости записи, которая в общем случае даже не является плоскостью изображения. [4. С.36] Запись полного вол-

нового поля означает регистрацию как фазы, так и амплитуды, которую можно зафиксировать с помощью любого фотоматериала. Но не существует ни одного детектора, который мог бы измерить разности фаз между различными составляющими поля. Информацию об объекте несет не только амплитудная структура поля, но и фазовая, а для того чтобы целиком записать волновое поле, необходимо зарегистрировать обе структуры.

Анализируя физическую литературу, мы пришли к выводу, что отличие голограммы от фотографии заключается в следующем:

1) в фотографии на светочувствительном материале регистрируется распределение яркости света, адекватное его распределению в плоскости объекта, удовлетворяющее формуле линзы. Остальные сечения объекта, перпендикулярные к оптической оси, не удовлетворяющие формуле линзы, получаются размытыми, т.е. мы регистрируем плоские изображения объекта. В голографии же на светочувствительном материале регистрируется интерференционная картина объектной и вспомогательной (опорной) волн. После фотохимической обработки полученная интерференционная решетка освещается копией опорной волны, в результате дифракции которой на решетке в пространстве формируется волновой фронт, являющийся точной копией объектной волны по всем информативным характеристикам – амплитуде, фазе и (при использовании специальных материалов и излучения) поляризации [5. С.4-39];

2) в обычной фотографии объемность изображения теряется за счет того, что фотопленка (фотопластинка) не несет информации о фазе приходящей в данную точку электромагнитной волны или расстоянии до частей предмета. Применяя опорную волну в голографии, мы регистрируем информацию об амплитуде и фазе исходящей от объекта волны, используя определенную закономерность в расположении интерференционных полос. Извлекая в дальнейшем эту информацию, получаем объемные изображения голографируемых объектов;

3) голограмма – это не изображение объекта, а зарегистрированное распределение интерференционной картины объектного и опорного волновых полей, для гологра-

фического метода не существует понятий «негатив», «позитив». Если с проявленной голограммы отпечатать позитив (например, контактным способом), то с него можно получить такое же изображение, как и с негатива. Объясняется это тем, что информация об объекте в голограмме заключена в интервале между полосами и контрастах между ними, а в позитиве и негативе эти параметры остаются неизменными;

4) голограмма точно воспроизводит поле объектной волны лишь при строго определенных условиях, что позволяет на одну регистрационную среду последовательно записать, а затем воспроизвести несколько различных интерференционных картин. Число записанных на одну фотопластинку голограмм определяется свойствами регистрирующей среды и голографической схемой и может достигать нескольких сотен. Поэтому на одну голограмму, как, впрочем, и на фотографию, может быть наложено несколько изображений, но если на фотографии все они сливаются в одной плоскости, то в голограмме они легко могут быть отделены в пространстве;

5) при записи голограммы каждая точка объекта рассеивает излучение практически на всю поверхность регистрирующей среды, поэтому в любой точке голограммы содержится информация обо всем объекте. Отсюда следует несколько особенностей голографического процесса. Во-первых, любой участок голограммы способен воспроизводить образ всего объекта. Уменьшение ее размера приводит лишь к некоторому ухудшению качества изображения. Во-вторых, отдельные дефекты голограммы (трещины и царапины на эмульсии), в отличие от фотонегативов, практически не отражаются на качестве восстанавливаемого изображения; [6. С.328]

6) в отличие от фотографии голограмма формирует реальное объемное изображение. Реальность заключается в том, что голограмму можно видеть с разных точек, наблюдая части объекта или сцены, которые были скрыты при наблюдении с другой точки. В этом смысле голографическое изображение ведет себя полностью как реальный объект. Особенно хорошо это иллюстриру-

ют голографические изображения прозрачных объектов, например, голограмма линзы полностью сохраняет все свойства реальной линзы, поэтому через ее изображение можно просматривать увеличенное изображение расположенных за ней объектов;

7) динамический диапазон яркости голограммы на несколько порядков выше, чем фотографии. [7. С.78-80] На фотографии максимальная яркость – это просто яркость не закрашенного листа бумаги. На голографическом изображении такого ограничения нет, так как яркие места формируются за счет света, приходящего со всей поверхности голограммы. Если на бумажном изображении яркость формируется вычитанием из максимальной яркости, то на голограмме – перенаправлением света из темных участков на светлые. Именно этим объясняется реальность передачи прозрачных предметов, стекла, водных капель, то есть объектов, которые в действительности имеют очень большой динамический диапазон яркости. То, что фотографиям дается с большим трудом, голограмма отображает автоматически предельно точно;

8) при любом фотографическом исполнении изображения невозможно полностью исключить влияние фактуры самого материала. Голографическое изображение не имеет материального носителя, так как формируется в свободном пространстве. Это и определяет точную передачу фактуры поверхности любого материала;

9) цвет в голографии формируется совершенно иным образом, чем в фотографии, где он образуется специальными цветными красителями, которые недостаточно стойки, и именно поэтому цветные фотографии не рекомендуется хранить на свету. В голограмме нет никаких красителей, так как ее изготавливают на обычной голографической черно-белой фотопластинке. Цвет формируется здесь за счет интерференции белого света на пространственной системе интерференционных полос и слоев, поэтому цветная голограмма не выцветает и теоретически не должна иметь ограничений по качеству цветопередачи. [8. С.56-63]

Судя по данным, полученным нами в ходе исследования, мы пришли к выводу, что оптическая голография является способом ин-

терференционной регистрации оптического поля предмета с последующим его восстановлением за счет явления дифракции. С физической точки зрения голография является развитием липпмановского способа цветной фотографии, где кодирование цвета осуществлялось за счет формирования объемных интерференционных структур в фотоэмульсии. Мы поддерживаем точку зрения ученых-физиков И.В. Алексеенко, Ю.Н. Выговского, В.С. Гуревича, М.Е. Гусева, С.П. Конопа, А.Н. Малова, С.Л. Нарубина, В.С. Фещенко, А.И. Шварцвальда о том, что голографию в целом с физической точки зрения следует считать наукой о способах регистрации и хранения оптической информации, и основные проблемы, в ней возникающие, связаны, как правило, со взаимодействием электромагнитного излучения с веществом.[9. С.9]

Криминалистика также разрабатывает способы регистрации и хранения информации об объектах, попавших в сферу криминальной деятельности, и следах преступления для ее использования в противодействии преступности. Одна из задач криминалистики заключается в совершенствовании таких способов, и наиболее перспективным направлением ее решения является внедрение в криминалистическую практику достижений голографии.

Так, Р.С. Белкин в своих работах отмечал: «Ведутся перспективные исследования по использованию голографии в криминалистической регистрации и судебной экспертизе для распознавания образов, упрощения и повышения эффективности сравнительного исследования различных объектов».[10. С.46] Такой же позиции придерживается и Т.А. Седова, которая пишет: «В криминалистике предлагают изготавливать голограммы уникальных предметов; вещественных доказательств, имеющих особое значение при решении идентификационных задач; неопознанных трупов и создать голографические картотеки и др. Очевидно, в отдельных сложных случаях голографическая съемка может быть использована и как метод фиксации (например, наиболее важных узлов и деталей при осмотре мест дорожно-транспортных происшествий, по технике безопасности, результатов экспериментов и моделирования

по тем же преступлениям и др.)». [11. С.115]

Мы поддерживаем точку зрения ученых-криминалистов В.А. Андриановой, В.И. Гончаренко, Е.П. Ищенко, П.П. Ищенко, В.А. Зотчева, Р.З. Камалова, Н.П. Майлиса, Г.А. Соболева, А.А. Топоркова о том, что по сравнению с традиционной криминалистической фотографией методы голографии имеют значительные преимущества в фиксации криминалистических объектов. Кроме того, методы криминалистической голографии не могут быть использованы в судебной фотографии, поэтому нелогично их относить в этот раздел криминалистической техники.

Криминалистическая голография, хотя и зародилась в недрах фотографии, по своему содержанию существенно отличается от последней. Она не призвана заменить собою судебную фотографию, напротив, эти два раздела криминалистической техники гармонично дополняют друг друга, обеспечивая наиболее полное, всестороннее и объективное исследование доказательств и решение задач предупреждения, раскрытия и расследования преступлений.

Исходя из этого, криминалистическая голография – это развивающаяся отрасль криминалистической техники, представляющая собой систему научных положений и разработанных на их основе технических средств, методических и практических рекомендаций по получению объемного изображения объектов и следов преступления, их учету и исследованию, а также защите документов,

товаров и платежных средств от подделки в целях предотвращения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний.

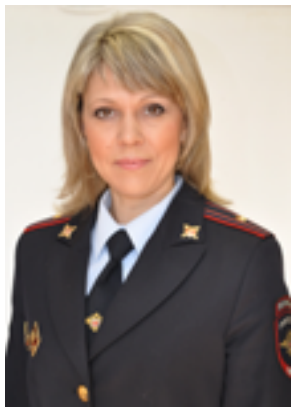
Предметом криминалистической голографии являются закономерности механизма: отображения следов преступления, подлежащих голографированию; их объемной фиксации; получения голограмм объектов, попавших в сферу криминальной деятельности; использования этих голограмм в целях предотвращения, раскрытия и расследования общественно опасных деяний.

К объектам, попавшим в сферу криминальной деятельности, относятся, например, редкие драгоценные камни и изделия из них, древние украшения и предметы, представляющие большую историческую и культурную ценность, иконы, предметы общественно опасного посягательства и используемые в качестве орудий преступления, скоропортящиеся объекты-следоносители и др.

Таким образом, результат проведенного нами исследования показал, что голография в настоящее время представляет собой принципиально новый метод фиксации и исследования криминалистических объектов. При этом изучается не сам объект, а замещающая его модель – голограмма. Применение при расследовании преступных посягательств голографических средств расширяет возможности непосредственного познания фактов и обстоятельств происшедшего, способствует объективизации достигнутых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. 157 с.
2. Василевский Ю.А. Практическая энциклопедия по технике аудио- и видеозаписи. М., 1996. 489 с.
3. Гребенников О.Ф., Тихомирова Г.В. Основы записи и воспроизведения информации (в аудиовизуальной технике): учеб. пособие. СПб., 2002. 256 с.
4. Бахрах Л.Д., Гаврилов Г.А. Голография. М.: Наука, 1979. 341 с.
5. Островский Ю.И. Голография и ее применение. Л.: Наука, 1973. 298 с.
6. Катус Г.П. Оптико-электронная обработка информации / под ред. академика Б.Н. Петрова. М.: Машиностроение, 1973. 328 с.
7. Франсон М. Голография: пер. с франц. М.: Мир, 1972. 215 с.
8. Гинзбург В.М., Степанов Б.М. и др. Оптическая голография. Практические применения. М.: Сов. радио, 1978. 274 с.
9. Ключников А.С. Радиооптика и голография. Мн.: Университетское, 1990. 217 с.
10. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон XXI, 2000. 579 с.
11. Седова Т.А. Общие положения криминалистической техники // Криминалистика: учеб. / под ред. Т.А. Седовой, А.А. Эксархопуло. СПб.: Лань, 2001. 241 с.

В.В. Казаченок
(КЮИ МВД России)

ПРОХОЖДЕНИЕ СЛУЖБЫ В ТЮРЕМНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В. - НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассматривается порядок и условия прохождения службы в пенитенциарных учреждениях Казанской губернии в XIX в. - начале XX вв., раскрывается структура штатов тюремных учреждений, как в г. Казани, так и в уездах губернии. Прослеживается политика Главного тюремного управления на повышение качества несения тюремной службы в различных местах заключения.

Ключевые слова: служба, Казанская губерния, тюрьма, начальник, надзиратели, стража.

В XIX в. ведомственная принадлежность органов и учреждений пенитенциарной системы была разнообразна, существенно влияя на порядок расстановки тюремных штатов и замещения должностей кандидатами. Законодательное решение кадровых вопросов мест заключения до тюремной реформы 1879 г. имело, как правило, частный характер: численность штатов и материальное содержание должностей определялись в индивидуальном для каждого места заключения порядке. Казанская губерния не была исключением.

Государственная уголовно-исполнительная политика XIX в. способствовала развитию пенитенциарной системы в Казанской губернии. Руководство тюремными замками осуществлялось смотрителями, правовой статус которых регламентировался более тщательно. Помимо руководства, к основным штатным должностям пенитенциарной системы относились и чины тюремной стражи, осуществлявшие выполнение основной задачи тюрьмы – изоляцию преступников и пресечение их побегов, чем и определялось их преобладание в структуре тюремных должностей.

Однако, по выражению А.П. Соломона, надзиратель в 1830-е гг. представлял собой жалкое зрелище, ничем не отличаясь от арестантской массы. Он имел жалование 8 рублей в месяц при собственной пище и одежде.[1] Правовой статус нижних тю-

ремных чинов в первую половину XIX в. был весьма низок, что выражалось в отсутствии авторитета как у тюремных смотрителей, так и у арестантов.

В конце XIX в. осуществляется перестройка системы тюремных органов. В губернском городе Казани пенитенциарными учреждениями являлись: губернская тюрьма, центральная пересыльная тюрьма, исправительное арестное отделение, земский арестный дом, воспитательно-исправительный ремесленный приют (для малолетних). Казанский губернский тюремный комитет контролировал деятельность всех мест заключения в губернии и являлся местным органом Главного тюремного управления (далее ГТУ). В каждом из одиннадцати уездных городов Казанской губернии имелась уездная тюрьма, находящаяся под попечением Уездного тюремного отделения.[2]

Управление отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи подробно представлены в утвержденных Постановлением Государственного совета следующих правилах:

«1. Лица, управляющие отдельными местами заключения, и тюремная стража – состоят в ведении МВД по главному тюремному управлению.

2. Министр внутренних дел является главным начальником указанных выше лиц и тюремной стражи; ближайшее же заведование ими вверяется: общее по всей Им-

перии – начальнику главного тюремного управления, а местное в каждой губернии или области – губернатору или начальнику области, по принадлежности.

3. Управление отдельными местами заключения составляют: а) начальники тюрем и их помощники; б) помощники начальников тюрем или смотрительницы, заведывающие женскими отделениями; в) состоящие при сих местах священники, дьяконы и псаломщики и г) врачи, фельдшеры и фельдшерницы.

4. Тюремная стража состоит из: а) старших и младших тюремных надзирателей и б) старших и младших надзирательниц – для надзора за содержащимися женского пола.

5. Не имеющим военных чинов должностным лицам управления отдельными местами заключения, а именно начальникам тюрем и их помощникам присваивается особая форма обмундирования и вооружения. Оружием и боевыми патронами указанные чины снабжаются с военных складов за счет сметных сумм МВД.

6. Тюремные надзиратели назначаются и увольняются начальниками мест заключения и состоят в полном их подчинении.

7. Тюремным надзирателям и надзирательницам, исправно и беспорочно прослужившим в страже пять лет, назначенный им оклад содержания увеличивается на одну треть, прослужившим десять лет – прибавляется к окладу еще одна треть, а прослужившим пятнадцать лет – назначается за дальнейшую службу двойной оклад содержания.

8. Начальники тюрем, их помощники и помощницы пользуются сокращенными сроками выслуги на пенсию, по расчету 25 лет службы за 35 лет. Тюремным надзирателям принадлежит равным образом право на пенсию» и др.[3]

Управление местами заключения г. Казани осуществлялось в соответствии с общероссийскими правилами. Состав администрации тюремных учреждений был идентичен для всех мест заключения и состоял из начальника и его помощника. Различия были только в количестве тюремной стражи и обслуживающего персонала. Тюремная стража Казанской губернской тюрьмы состояла из

двух старших надзирателей (один из них при тюремной больнице), пятнадцати младших надзирателей и двух надзирательниц. Надзор Казанского исправительного отделения состоял из 17 надзирателей. Начальник отделения наблюдал и делал распоряжения по всем частям управления: хозяйства, надзора и внутреннего порядка, руководил арестантскими работами. Помощник заведовал полицейской частью в отделении, следил за чистотой и порядком, за приготовлением пищи арестантам, а также за работами в мастерских с ведением надлежащей отчетности. Старший надзиратель, помимо наблюдения за общим порядком в отделении и за исправным несением службы младших надзирателей, заведовал цейхгаузом доносочных и собственных арестантских вещей. Из двух хозяйственных надзирателей один заведовал хозяйством и имел на хранении съестные припасы, а другой – мастерскими. Среди шести постовых надзирателей один состоял при конторе, один – привратник, четыре выводных для внешних работ и два запасных.[4]

Устройство и управление уездными тюрьмами было аналогично губернскому. Как правило, администрация уездной тюрьмы состояла из начальника и надзирателей, число которых зависело от численности заключенных и колебалось от 6 до 15. В наиболее крупных уездных тюрьмах в помощь начальнику назначался помощник (например, в Чистополе и Лаишево).

Начальнику уездной тюрьмы принадлежала административная власть. Он ведал общими вопросами хозяйства, надзора и внутреннего порядка, а также руководил арестантскими работами. Учитывая, что в уездных тюрьмах старший надзиратель в отсутствие начальника тюрьмы является его заместителем и что лицо, несущее эти обязанности, должно быть трезвого и безупречного поведения, опытное, исполнительное и вполне заслуживающее доверия своего непосредственного начальства, тюремное отделение распорядилось замещать вакантные должности старших надзирателей с «большой осмотрительностью» и преимущественно из лиц персонала тюремной стражи, заслуживающих доверия.[5]

В случае болезни или отпуска начальника уездной тюрьмы его обязанности, как правило, исполнял полицейский чиновник. Так, в феврале 1892 г. исполнение обязанностей начальника Мамадышской уездной тюрьмы было возложено на регистратора Полицейского управления П.П. Бенедиктова, в марта того же года назначенного на должность помощника Казанского губернского тюремного инспектора.[6]

Численность штатного состава администрации мест заключения в большей степени зависела от количества мест заключения и числа заключенных. В связи с отменой ссылки по закону 10-12 июня 1900 г. и заменой ее в большинстве случаев лишением свободы, численность срочных арестантов в местах заключения стала расти. Поэтому Главное тюремное управление (далее – ГТУ) стремилось к увеличению численности тюремной стражи (на каждые 20 арестантов должен был выделяться один надзиратель).[7]

Вопрос об увеличении численности тюремной стражи обсуждался на заседаниях Общества попечительного о тюрьмах. Например, в журнале заседаний Чистопольского уездного отделения общества попечительного о тюрьмах (1887-1896 гг.) говорилось о необходимости увеличения числа младших тюремных надзирателей на 15 человек и увеличения им содержания со 120 руб. до 150 руб. в год.[8]

Благодаря настойчивым прошениям Казанского губернатора, циркуляром ГТУ от 18 января 1895 № 719 в тюрьмах Казанской губернии добавлены: в Казанской губернской тюрьме один младший надзиратель с окладом в 180 руб. и 275 руб. в год на канцелярию тюрьмы; в Спасской уездной тюрьме один младший надзиратель с окладом в 150 руб., одна надзирательница с окладом в 120 руб. и 25 руб. в год на расходы по канцелярии тюрьмы; в Чистопольской уездной тюрьме 180 руб. в год на канцелярию.[9]

Надзиратели при исполнении служебных обязанностей должны были носить форменную одежду. Циркуляром ГТУ от 12 августа 1893 г. № 10 нижним чинам во время состояния на службе в учреждениях гражданского ведомства было разрешено носить на

форменной одежде наружные отличия, полученные им за сверхсрочную службу.[10]

При исполнении своих служебных обязанностей надзирателям выдавалось оружие, использовавшееся в соответствии с инструкцией о порядке обращения надзирателей мест заключения с револьверами, направленной 26 января 1885 г. Казанским губернским правлением в Казанский губернский тюремный комитет. В инструкции указывалось, что надзиратели, находящиеся на постах внутри тюремных помещений, а также при сопровождении арестантов по городу или на работы вооружаются револьверами. Надзиратели должны были уметь пользоваться револьверами, запасные патроны к револьверам хранились под замком в конторе места заключения и выдавались по мере действительной необходимости. Револьверы могли применяться только в следующих случаях: 1) для запугивания охраняемого лица или поста; 2) для защиты самого себя; и 3) против арестанта, совершающего побег.[11]

Предусматривалось несколько категорий надзирателей. К обязанностям «наружного надзирателя» относилась охрана тюрем, в т.ч. и от передачи сообщений и передач с «воли». «Выводные надзиратели» должны были сопровождать заключенных на прогулках, во время мытья в бане, обучения в школе и т.д. «Хозяйственные надзиратели» наблюдали за арестантами при производстве внутренних работ. Имелись также «надзиратели при посторонних» – в их обязанности входило наблюдать за арестантами, находящимися в больницах (не тюремных).

Деятельность тюремных служащих, тесно связанная с рядом хозяйственных операций, всегда привлекала к себе зоркое внимание общества и печати. В целях предупреждения нареканий и стремясь поставить на должную высоту служебную честь и достоинство чинов ведомства, начальник ГТУ указал: 1) не приобретать для своих личных нужд никаких предметов у поставщиков тюремного ведомства в данной местности; 2) не покупать из тюремных учреждений продуктов, таких как выпекаемый в тюремных пекарнях хлеб, овощи с тюремных огородов, молоко с находящихся при местах заключения ферм

и т.п.; 3) не содержать при местах заключения принадлежащих тюремным служащим домашних животных и птиц; 4) воздерживаться от заказов в тюремных мастерских каких-либо изделий для личных нужд, а в случаях исключительной необходимости таких заказов принимать все меры к немедленной уплате денег по расценкам, установленным в данной мастерской.[12]

В пенитенциарных учреждениях на тюремного служащего составлялся послужной список установленного единого образца, в который вносились сведения по следующим разделам:

I. Звание, имя, отчество, фамилия, должность, возраст, вероисповедание, знаки отличия;

II. Место приписки, а также состоял ли прежде на государственной службе: военной или гражданской (если прежде служил, то следует выписать прохождение им службы);

III. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях, когда;

IV. Получает ли за прежнюю службу пенсию и какую именно;

V. Служба по тюремному ведомству с указанием, когда и на какую должность назначен, какой, когда и откуда получал оклад содержания; когда и в каком размере удостоен добавочным содержанием; был ли в отпуске (не менее недели) и когда; был ли чем награждаем и когда; когда и почему уволен;

VI. Был ли под следствием и судом, подвергался ли дисциплинарным взысканиям;

VII. Семейное положение: имя, отчество жены, имена и даты рождения детей. Находятся ли жена и дети при нем, какого они вероисповедания.[13]

Послужные списки надзирателей с ведомостью о деньгах ежегодно представлялись в тюремное отделение Казанского губернского правления для рассмотрения вопроса о выплате им добавочного содержания за выслугу лет. Списки прошнуровывались, пронумеровывались и скреплялись печатью начальника тюрьмы.

Согласно ведомости о деньгах 1895 г., в тюрьмах г. Казани (Казанской губернской тюрьме и Центральной пересыльной тюрьме) старшие надзиратели получали штат-

ное жалованье из казны в размере 240 руб. в год, младшие надзиратели – 180 руб. в год. Кроме этого, они получали так называемое «добавочное содержание» за выслугу лет (5 лет, 10 лет, 15 лет). При выслуге 15 лет добавочное содержание у старшего надзирателя составляло 240 руб. в год, при выслуге 10 лет – 160 руб., при выслуге 5 лет – 80 руб. соответственно. У младших надзирателей добавочное содержание рассчитывалось аналогично исходя из штатного жалованья. В исправительном арестантском отделении г. Казани размер добавочного содержания исчислялся несколько иначе. Так, старший надзиратель получал добавочное жалование 200 руб. в год, при штатном жаловании 240 руб. в год, младший надзиратель 1 разряда – 180 руб., при штатном жаловании 200 руб., младший надзиратель 2 разряда – 180 руб., при штатном жаловании 180 руб. в год.[14]

В уездных тюрьмах размер жалования тюремной стражи был немного ниже: старший надзиратель получал 180 руб. в год, младший – 120 руб. Добавочное содержание также исходило из суммы жалования и количества выслуженных лет. Старший надзиратель при выслуге 5 лет получал добавочного содержания – 60 руб., при выслуге 10 лет – 120 руб., а при выслуге 15 лет – 180 руб. Аналогично рассчитывалось добавочное содержание младшего надзирателя: за 5 лет – 40 руб., 10 лет – 80 руб., 15 лет – 120 руб.[15]

Параллельно с ростом чинов тюремной стражи в Казанской губернии прогрессирует их материальное положение. Месячное жалование начальника уездной тюрьмы, например в Мамадыше, в 1916 г. составляло 24 руб. 25 коп., помимо этого, выплачивались столовые 24 руб. 25 коп. и канцелярские деньги (в январе сумма составляла – 8 руб., в феврале – 15 руб.), в совокупности в год выходило более 700 руб. У старшего надзирателя жалование составляло 300 руб. в год, у младшего надзирателя – 240 руб., но без остальных выплат.[16]

Несмотря на повышение денежного содержания тюремным чинам, в целом материальное положение, особенно надзирательского состава, признавалось не совсем благополучным, что создавало проблемы с комплек-

тованием тюрем. Поэтому губернские власти по мере возможности пытались своими силами облегчить материальное положение тюремной администрации посредством предоставления казенной квартиры. Губернские и уездные пенитенциарные учреждения должны были обязательно включать в себя: жилые помещения для управленческого персонала; помещения, предназначенные для потребностей административной тюрьмы; собственно арестантские камеры; хозяйственные помещения и больницу.

Новелла о проживании «чинов управления и надзора» была достаточно конструктивной, поскольку позволяла оперативно решать любые возникающие в тюремном учреждении проблемы. Квартиры для персонала создавались таким образом, чтобы не было непосредственной связи (разного рода коридоров, тамбуров и т.д.) с другими тюремными помещениями.

Хорошая обеспеченность казенными квартирами была в губернских тюремных учреждениях, из-за переполненности камер заключенными не все уездные тюрьмы могли позволить выделить отдельные обособленные помещения для своих сотрудников. Подробные сведения о количестве служащих пенитенциарных учреждений Казанской губернии, которым были предоставлены казенные квартиры, представлены в таблице.[17]

Однако не все тюремные служащие относились к казенным квартирам с должным уважением. При проверке мест заключения в 1914 г. было выявлено, что некоторые чины тюремной администрации и надзора содержат в занимаемых ими казенных помещениях своих родственников как квартирантов, а иногда и посторонних лиц, что приводило к лишним расходам казны на отопление, воду и содержание зданий. С целью пресечения подобной практики 5 января 1915 г. ГТУ издало циркуляр № 2 с требованием размещения в казенных квартирах лишь родственников нуждающихся в материальной помощи тюремных служащих, а из посторонних лиц – только «состоящих в услужении». Исключение из установленного порядка могло быть допущено только с разрешения губер-

наторов, начальников областей и градоначальников или тюремного инспектора.[18]

Одной из главных проблем обеспечения эффективности работы пенитенциарных учреждений не только Казанской губернии, но и России в целом, было отсутствие специально подготовленных кадров для службы в тюремном ведомстве. По результатам ревизии уездных тюрем Казанской губернии губернским тюремным инспектором в 1900 г. было отмечено, что в некоторых тюрьмах старшими надзирателями служат малознающие и совершенно не опытные в тюремной службе люди. Данные факты отмечались не только в отношении чинов тюремной стражи, но и руководящего состава пенитенциарных учреждений. Так, в 1867 г. Казанский губернатор, делая доклад в Губернском правлении, отметил, что смотритель Цивильского тюремного замка «не знает и не понимает своих обязанностей и по умственным своим способностям никогда и не будет их знать».[19]

Впервые к проблеме профессиональной подготовки тюремных служащих обратился русский исследователь Н.М. Ядринцев, который подчеркнул: «Для всего этого мы полагаем необходимым, чтобы при назначении начальников и смотрителей тюрем был положен известный образовательный ценз или специальный экзамен ... желательно, чтобы у нас были применены те же заботы к специальному образованию смотрителей и наблюдающих за преступниками, как это делается в Германии и Англии».[20]

С этой целью была создана Казанская школа стражников, программа которой включала в себя 7 отделов, посвященных изучению Закона Божия; общий отдел, включавший понятия о государстве, правительстве, верховной власти, законе, административном устройстве губернии и уезда; полицейскую часть; судебные части для стражников и урядников; строевую часть; ветеринарию и медицину.[21] Тем самым предполагалось подготовить персонал пенитенциарных учреждений, имеющий высокий морально-нравственный и профессиональный уровень. Однако до конца существования школы стражников она почти не финансировалась и не поддержива-

Таблица.

Ведомость о количестве чинов тюремной стражи, пользующихся казенными квартирами в 1908 г.

Наименование мест заключения	Общее число чинов стражи		Число надзирателей и надзира- тельниц, пользующихся семей- ными квартирами в тюремных зданиях				Число комнат, отведен- ных под квартиры
			Несколько се- мейств в одной комнате		По одному семейству в каждом обосо- бленном поме- щении		
	старших	млад- ших	стар- ших	млад- ших	стар- ших	млад- ших	
Казанское исправительное аре- стантское отделение	2	28		6	2	22	29
Казанская губернская тюрьма	3	27	1	11	1	1	11
Казанская пересыльная тюрьма	1	17		9	1	8	14
Козмодемьянская уездная тюрьма	1	5					
Лаишевская	1	10					
Мамадышская	1	7					
Свияжская	1	8			1	1	3
Спасская	1	10			1		3
Тетюшская	1	8					
Царевококшайская	1	5					
Цивильская	1	7			1		2
Чебоксарская	1	5			1	1	2
Чистопольская	1	12		6	1		3
Ядринская	1	5					
Итого:	17	154	1	32	9	33	67
	171						

лась властями. Вследствие этого ее основная задача так и не была выполнена.

С усложнением задач пенитенциарной системы начинают вырабатываться и особые требования к тюремным чинам. При ГТУ с 1 мая 1917 г. учреждаются трехмесячные бесплатные пенитенциарные курсы для специальной подготовки лиц, желающих посвятить себя службе в пенитенциарной системе. В число слушателей принимались лица с высшим или средним образованием, преимущественно офицеры и солдаты-инвалиды, а также с разрешения начальника ГТУ лица, занимающие уже должности по тюремному ведомству. Последним могли выдаваться суточные деньги.[22]

Для улучшения качества прохождения службы тюремной стражи Уфимским полицмейстером, бывшим смотрителем местного тюремного замка Макаровским в 1890 г. был изобретен аппарат для проверки бдительности тюремных надзирателей и лиц, обязанных контролировать их при обходах тюрьмы, за который ему комитетом Казанской научно-промышленной выставки была присуждена серебряная медаль.

Аппарат состоял из обыкновенных стальных часов, в верхней части которых, запираемой ключом, заключен в горизонтальном положении круглый ящик (барабан), разделенный перегородками, сходящимися радиусами на 48 клеток, по числу четвертей часа

в полусутках; над этим ящиком, не касаясь его и выходя наружным концом из футляра часов, помещалась вертикальная трубка.

Круглый ящик двигался силою механизма часов, соразмерно с их ходом и делался полный круг в течение полусуток, причем каждая из 48 клеток оставалась под нижним отверстием трубочки в течение четверти часа, и в этот промежуток времени стоящий на посту дежурный надзиратель должен был положить в верхнее отверстие трубки один из выдаваемых ему шариков, который и попадал в одну из клеточек, соответственно времени его опущения. Отсутствие такого шарика в какой-либо из клеток указывало на ненадлежащее исполнение обязанностей надзирателя, и т.к. на клетках барабана были поставлены цифры (от 1 до 12), то время этой неисправности могло быть определено с точностью до 1/4 часа. Таким же способом можно было производить и проверку лиц, обязанных посещать помещения, где стояли аппараты, которым для удобства контроля, могли выдаваться шарики других цветов.

Кроме этого способа, бдительность ревизующих лиц можно было проверить еще посредством несложного приспособления, сделанного на том же аппарате и состоящего из телеграфной ленты, обмотанной вокруг того же барабана и выходящей из прикрепленной вблизи его катушки; прорезь в футляре, закрывающем барабан, открывала незначительную ее часть и давала возможность ревизующему написать на ней свою фамилию. А так как внутренняя сторона ленты, движущейся вместе с барабаном, разграфлена на 48 частей, по числу четвертей часа в полусутках соответственно с делениями, проставленными на клетках барабана, то и время контроля этих лиц могло быть определено с той же точностью.

Цена аппарата с приложением 50 цветных шариков и 5 штук контрольных лент составляла 15 руб. (с внутренним маятником) и 13 руб. (с наружным) и рекомендовалась ГТУ для использования в каждой тюрьме.[23]

В целях контроля со стороны губернского начальства как за деятельностью начальников полиции по отношению к надзору

за тюрьмами, так и за исполнительностью и степенью усердия к своим обязанностям начальников тюрем начальник ГТУ Галкин-Враской циркуляром № 25 от 29 ноября 1889 г. [24] постановил завести в тюремных конторах книги, в которых посещающие тюрьму излагали бы свои замечания. Книжки эти по местам заключения губернских городов представлялись губернатору еженедельно, а по уездным, выписками с объяснением начальников тюрем – ежемесячно или же в указанный им срок.

Вместе с тем для установления наблюдения за действиями начальников тюрем начальник ГТУ предложил завести еще две книги. В одной записывались взыскания, налагаемые на арестантов, с пояснением проступка, за который арестант наказывался, в другой книге отмечались взыскания, налагаемые начальниками тюрем на тюремных надзирателей, также с показаниями действий последних, по поводу которых последовало взыскание.

Тюрьмы Казанской губернии регулярно посещались уездными исправниками, их помощниками и полицмейстерами. Как правило, в рапортах начальников тюрем о посещении их мест заключения указывалось, что замечаний на нарушения правил о порядке содержания в тюрьме арестантов сделано не было.

Однако, как показывала практика, тюрьмы посещались нерегулярно, за что виновные лица наказывались. Так, 06.02.1891 г. в Казанском губернском правлении во время заслушивания доклада о посещении тюремных учреждений Лаишевский уездный исправник получил замечание за то, что в январе месяце он посетил Лаишевскую тюрьму только 8 раз. О посещениях каждый начальник тюрьмы докладывал рапортом Казанскому губернатору ежемесячно.[25]

Во время несения дежурства тюремными надзирателями наклеивались контрольные ленты в специально отведенную для этого книгу, в которой указывались номер поста, дата и фамилии надзирателей.

В случаях нарушения служебной дисциплины в местах заключения к тюремным чинам применялись дисциплинарные

взыскания. Например, в июне 1892 г. исполняющий должность начальника Чистопольской тюрьмы Власов, столоначальник полицейского управления, донес тюремному инспектору, что находящийся в отпуске начальник тюрьмы Кузнецов вмешивается почти каждый день в тюремные дела, посещает тюрьму в пьяном виде, дает арестантам недокуренные им папиросы, ругает надзирателей неприличными словами, одного из них толкнул в грудь. При этом он просил привлечь Кузнецова к ответственности. По данному случаю было сформировано дело, в котором подшиты объяснения, взятые у Кузнецова, Власова и персонала тюрьмы. Однако, рассмотрев материалы дела, Казанское губернское правление определило жалобу Власова, как не подтвердившуюся, оставить без последствий, а Власову и Кузнецову объявить выговор.[26]

В целях стимулирования личного состава пенитенциарных учреждений широко практиковалось поощрительное производство посредством награждения орденами, медалями, выдачи денежных премий и др. Так, начальник Казанской губернской тюрьмы Павел Константинов Лобанов за период службы в должности начальника был награжден орденом Св. Станислава 3 ст. – 06.12.1895 г., 02.02.1896 г. получил серебряную медаль в память царствования Александра III, 06.10.1897 г. ему пожалована за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи темно-бронзовая медаль, для ношения на груди на ленте из государственных цветов.[27]

Все тюремные надзиратели освобождались от призыва из запаса в армию, на флот и от службы в государственном ополчении. Они также не подлежали явке на учебные сборы. В этом случае представлялись именные списки о чинах запаса, освобождаемых от призыва с представлением надлежащего о том удостоверения.[28] Начальники же

тюрем из нижних чинов запаса согласно п. 1 ст. 237 Устава о военной повинности (изд. 1886 г.) на поверочные сборы не призывались, но от призыва на действительную военную службу не освобождались.

При увольнении в отставку тюремные служащие подавали прошение на имя начальника тюрьмы, который, в свою очередь, направлял его в Тюремное отделение Казанского губернского правления со своим рапортом, в котором характеризовал старшего надзирателя и ходатайствовал о назначении ему пенсии в соответствии с выслугой лет. Кроме того, сотрудник имел право на освидетельствование врачебным отделением губернского правления в порядке с. 160 Пенсионного устава для получения им пособия за службу. В ГТУ направлялись медицинское свидетельство о болезни уволенного в отставку, послужной список, прошение о ходатайстве пенсии за службу, а также ведомость по форме и список сведений, требуемых при представлении к пенсии и расчет о дополнительных пенсионных вычетах, подлежащих производству при назначении пенсии. Так, бывшему ст. надзирателю М.С. Пятницыну за 25-летнюю службу была назначена пенсия в размере 120 руб., с вычетом 6 р. 50 к. с рассрочкой платежа на 5 лет.[29]

Таким образом, на фоне усложнения задач пенитенциарной системы в XIX - начале XX вв. в тюремных учреждениях Казанской губернии прослеживается тенденция увеличения численности тюремного персонала и повышения требований, предъявляемых к кандидатам на тюремные должности, что считалось одним из основных путей совершенствования практики исполнения наказаний. Прохождение службы в тюремном ведомстве сопровождалось постепенным улучшением материального положения и стимулировалось различного рода поощрениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Саломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С.7.
2. Национальный архив Республики Татарстан (далее - НА РТ). Ф.2. Оп. 12. Д. 1528. Л. 258-260.
3. НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 134. Л. 20.

4. См.: Отчет попечительства над Казанским исправительным арестантским отделением за 1900 год. Казань: Типография Губернского правления, 1901. С.25-26, 35.
5. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 70.
6. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 932. Л. 2,3,7, 48.
7. См.: Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С.114.
8. НА РТ. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 67.
9. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 35. Л. 5-6.
10. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1430. Л. 179.
11. НА РТ. Ф. 416. Оп. 1. Д. 97. Л. 7,8.
12. НА РТ. Ф. 2 Оп. 12. Д. 520. Л. 1-4.
13. Послужной список младшего надзирателя Казанского исправительного арестантского отделения Мухамет Валея Мухаметзянова / НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 36. Л. 7-10.
14. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 37. Л. 6, 55-66.
15. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1447. Л. 1-107.
16. НА РТ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-6.
17. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 317.
18. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 518. Л. 1.
19. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 82. Л. 70; НА РТ Ф. 386. Оп. 1. Д. 73. Л. 11.
20. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. С.-Петербург, 1872. С.78.
21. Программа курса Казанской школы стражников. Казань, 1914.
22. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 755. Л. 4.
23. НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 5. Л. 18.
24. НА РТ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 162. Л. 3.
25. НА РТ Ф. 2 Оп. 12. Д. 1415. Л. 19.
26. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1434. Л. 33-52.
27. НА РТ Ф. 816. Оп. 1. Д. 1. Л. 73; НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 20. Л. 5; Там же. Д. 1516. Л. 3-6, 15.
28. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 47. Л. 94.
29. НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 490. Л. 1-22.

Ю.Р. Фарвазова,
адъюнкт
(КЮИ МВД России)

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ЧАСТИ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Целью исследования является выработка конкретных предложений совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере противодействия незаконному использованию информационного пространства в террористической деятельности. Для достижения цели представлено решение следующих задач: исследование актуальных аспектов использования информационной составляющей в терроризме: при совершении его акций и в пропаганде; актуализация вопроса о появлении принципиально нового вида оружия – информационного; рассмотрение роли Интернета и социальных сетей в пропаганде терроризма. Обосновывается необходимость законодательного регулирования сферы информационного пространства: разработки закона «О противодействии незаконному использованию информационной сферы», принятие которого могло бы способствовать формированию единого понятийного аппарата и своевременному реагированию на деструктивные проявления в информационном пространстве, а также введения в уголовное законодательство нормы «О публичном распространении или ином представлении информации в террористических целях», что позволит нивелировать имеющиеся пробелы правового характера.

Ключевые слова: информационная безопасность; терроризм; информационный терроризм; кибертерроризм; информационное оружие; пропаганда терроризма; Интернет; социальные сети; законодательное регулирование; уголовное законодательство.

Развитие информационных технологий определило еще один объект атак террористов, и эффективность этих атак может превзойти все ожидания. Информационная составляющая активно используется радикальными структурами и террористическими группировками в своей деятельности, являясь при этом и объектом, и средством воздействия.

В настоящее время очевидно, что деятельность общественных институтов все больше зависит от использования информационных технологий, а наиболее эффективный метод оказания давления на власть – воздействие на граждан с помощью информации. Именно поэтому наиболее опасные формы неправомерного использования информации проявляются в терроризме: при его пропаганде и непосредственно в акциях.

Терроризм, по мнению М.В. Андреева, «как явление глобального характера признано считать ключевой проблемой совре-

менной безопасности».[1] Существующие пробелы в российском законодательстве при совершении незаконных действий с использованием информации в террористических целях оказывают негативное влияние на состояние безопасности страны в целом. Именно поэтому данная тема в настоящее время актуальна и ей уделяется повышенное внимание.

«Информационная безопасность страны – это отдельное направление, которое в настоящее время для некоторых стран имеет даже больший приоритет, чем ядерная безопасность»,[2] и с нормативно – правовой точки зрения определяется как состояние защищенности интересов личности, общества и государства от угроз в информационной сфере.[3]

В случаях, когда речь идет об информационном пространстве, часто применяется термин «киберпространство». Понятие информационного пространства шире и содержит

в себе не только компьютерные телекоммуникационные и технологические средства, а представляет собой множество объектов, взаимодействующих в информационной сфере, и технологии, обеспечивающие данное взаимодействие. Речь идет о сфере, охватывающей пространство от глобальной сети Интернет до локальных сетей организации работы и управления связью, оружием, экологическими, энергетическими, транспортными и иными системами. Уместно согласиться с мнением, что понятие информационной среды следует различать в двух аспектах: узком и широком. В узком смысле – это особая виртуальная среда (киберпространство), в широком – «информационная среда самого современного общества с его практиками обеспечения безопасности».[4]

Информационная сфера, ввиду наличия признаков трансграничности, относительной анонимности пользователей, чувствительности и взаимосвязи со многими системами жизнеобеспечения, чаще иных подвергается незаконному применению. Прежде всего, информационные ресурсы активно используются в терроризме.

При формировании дефиниции ст.205 УК РФ законодатель в качестве способов совершения террористических актов определил «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения иных тяжких последствий...».[5] В правовой доктрине указывается, что в качестве «иных действий могут выступать массовые и единичные отравления людей, радиоактивное загрязнение местности, затопление, заражение болезнями и распространение эпидемий и эпизоотий, уничтожение посевов и продуктов сельского хозяйства, захват транспортного средства, применение огнестрельного оружия».[6] Соответственно, в качестве орудий совершения акций терроризма могут выступать взрывные, радиоактивные, химические, аварийно опасные вещества и средства, огнестрельное и холодное оружие, а также иные предметы, вещества и средства, пригодные для совершения акции терроризма.

Помимо традиционных орудий, используемых террористами, в настоящее время появилась принципиально новая форма - информационное оружие, потенциал которого не уступает всем перечисленным видам. Информационное оружие, используемое террористами, обладает свойствами доступности, универсальности, радикальности воздействия и отличается сравнительной дешевизной, отсутствием территориальной и национальной принадлежности и представляет собой средство воздействия на основу социума.

В случаях совершения акций терроризма с использованием информации и информационных технологий целесообразно дифференцировать понятие кибертерроризма и информационного терроризма. Дефиниция кибертерроризма раскрывается через определение киберпреступности, под которой в правовой доктрине понимается совершение преступлений с использованием компьютерной сети.[7] Информационный терроризм ориентирован на информационно - психологическую среду личности, общества и государства, использующего информационное оружие для достижения политически значимых целей. Подобные атаки могут быть не менее эффективными, чем 11 сентября 2001 года, а их совокупный резонанс будет значительно выше даже при меньших затратах. Данный вид терроризма, по мнению отдельных исследователей, способен вызвать «разрушительные последствия, сопоставимые с последствиями применения оружия массового поражения».[8]

Следует также разграничивать понятия информационного терроризма и использования информации в террористических целях. В публицистической литературе данные понятия часто подменяются, и при указании на осуществление информационного терроризма рассматривается пропагандистская деятельность в террористических целях.

В настоящее время информационный терроризм в уголовной практике России в чистом виде не встречается, чаще он связан с иными видами терроризма: биологическим, химическим, транспортным и др.,

а информационная составляющая используется в качестве необходимого элемента достижения цели последних.

Так, в начале 1999 года в посольства более 20 стран (Австралии, США, Великобритании, Израиля и др.) были разосланы электронные письма от имени офицеров российской ракетной воинской части, имеющей на вооружении стратегические ракеты шахтного базирования. Письма содержали сведения о недовольстве унижительным положением России, а также угрозу самовольного пуска ракет по целям, расположенным в западных странах. В результате проведенного расследования ФСБ России были задержаны два жителя города Калуги, не являющиеся военнослужащими. Судом данные действия квалифицированы как сообщение о заведомо ложном акте терроризма. Однако в случае осуществления подобных действий надлежащими субъектами при последующей реализации угрозы были бы воплощены два вида терроризма: информационный и ядерный.

Использование информации в террористических целях включает пропаганду терроризма, вербовочную деятельность, обучение сторонников и т.д. Особенно опасной представляется пропаганда терроризма с использованием сети Интернет ввиду высокого уровня компьютеризации всех сфер жизнедеятельности.

Помимо наличия площадки для формирования определенных идеологических установок, в Интернете размещается информация о способах изготовления различного оружия, взрывных устройств, руководства по осуществлению террористических акций. «Как показали результаты расследования следственными органами России ряда уголовных дел, подобными материалами из сети Интернет руководствовались преступники, совершившие теракты в различных городах нашей страны».[9]

Формально незаконное использование сети Интернет в террористических целях началось с 90-х годов прошлого века во время войны в Ираке. И если в 1998 году только половина из тридцати организаций,

признанных в США террористическими, обладали электронными интернет-ресурсами, то сегодня практически все известные своей радикальной направленностью группы имеют интернет-сайты, число которых постоянно возрастает.

До недавнего времени лица, занимающиеся деятельностью террористической направленности, использовали более или менее закрытые интернет – площадки для общения, именуемые форумами. В настоящее время наметилась тенденция смещения пропаганды терроризма и экстремизма с форумов в социальные сети, где сегодня можно найти сообщества, страницы и пресс-релизы, создаваемые с целью ведения активной террористической политики. По некоторым данным, использование социальных сетей в террористических и экстремистских целях превратилось в своеобразный вал, «который, возможно, перешел некую критическую черту, за которой процесс становится неуправляемым и неподконтрольным спецслужбам, а также системам саморегуляции соцсетей».[10]

Краеугольным камнем остается вопрос регулирования зоны информационного пространства в сети Интернет. Так, в 2013 году был подготовлен проект закона «Об Интернете», который предусматривал необходимость раскрытия информации о пользователях по первому требованию правоохранительных органов. Однако в ходе дискуссии с представителями интернет - индустрии законодательные органы отказались от рассмотрения проекта и ограничились поправками в действующее законодательство. Аналогичное мнение высказывалось и в 2010 году, на первоначальном этапе актуализации необходимости принятия законодательного акта, регулирующего интернет – пространство.[11]

Совершенствование нормативной правовой базы в сфере антитеррористической безопасности диктуется необходимостью повышения эффективности профилактики преступлений в условиях отсутствия границ и четких договоренностей сотрудничества в информационной сфере, обеспечения быстрой реакции на предотвращение

совершаемых и совершенных преступлений, наказания виновных лиц. Об абсолютном законодательства возможно будет вести речь при наличии реальной возможности своевременного реагирования и преследования, а также построения превентивной модели ненадлежащего использования информационных ресурсов и технологий.

Законодательным решением проблемы, на наш взгляд, явилось бы принятие специального закона, регулирующего сферу информационного пространства, необходимость которого сегодня очевидна. Однако основной целью принятия законодательного акта должна стать возможность противодействия преступлениям, совершаемым в информационной сфере и с ее использованием, в том числе в сети Интернет. Разработка и принятие закона «О противодействии незаконному использованию информационной сферы» могло бы способствовать не только формированию единого понятийного аппарата и закреплению таких дефиниций, как информационное оружие, информационный терроризм, преступления информационной направленности и т.д., но и своевременному реагированию на деструктивные проявления в информационном пространстве, формирование системы предупреждения преступленных деяний. При этом в законе возможно предусмотреть дефиницию использования информационных ресурсов в террористических целях (пропаганды, вербовки, обучения и т.д.), предусмотреть варианты реагирования на противоправную деятельность террористической и экстремистской направленности, позволяющие решить проблему особенностей национального механизма противодействия информационному терроризму. В рамках проекта закона возможно проработать аспекты сотрудничества правоохранительных органов с интернет-провайдерами, владельцами сайтов и т.д., а также взаимодействия правоохранительных органов в сфере предупреждения и борьбы с террористическими преступлениями информационной направленности.

Помимо общеправовых законодательных актов, регулирующих сферу информационно-

го пространства, необходимо совершенствование также уголовного законодательства.

В связи с принятием Федерального закона «О противодействии терроризму» и Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» в 2006 году в Уголовный кодекс РФ введена статья 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма».

Статья 5 Конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» предусматривает уголовную ответственность за «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления» («Public provocation to commit a terrorist offence»), которое включает распространение идей либо обращений к общественности с целью побуждения к совершению преступления террористического характера, вне зависимости от того, пропагандирует ли оно или нет непосредственно акции терроризма, создает реальную опасность совершения подобных преступных деяний.[12] В российском законодательстве данное положение интерпретировано как «публичные призывы» и «публичное оправдание террористической деятельности».

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, содержит два альтернативных действия: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма. «Под публичными призывами следует понимать воздействие на сознание и волю людей к осуществлению террористической деятельности. Форма воздействия может быть любой... но обязательно публичная, т.е. предлагаемую в призывах информацию должны слышать, видеть, читать, воспринимать какое – то количество людей (группа, толпа, неопределенно широкий круг лиц)».[13]

Соответственно, правоприменителю при квалификации деяния как публичного призыва к осуществлению террористической деятельности, помимо определения круга лиц, подвергшихся воздействию, следует доказать, какие конкретно формы терро-

ристической деятельности пропагандировались и каким образом данные призывы повлияли на сознание и психику данной категории лиц.

Очень близко к понятию пропаганды находится понятие просьбы. И если призыв интерпретируется как желание привлечь внимание людей и стоит в одном ряду с такими понятиями, как лозунг, провокация, демонстрация, то просьба является более обтекаемым понятием, использующим принцип «мягкой силы» и поэтапного формирования конечной цели квазилегитимными средствами.

Сотрудники ФСБ России указывают, что, «по заключению экспертов, многие видеозаписи пропагандистских выступлений лидеров северокавказских бандформирований...не содержат в себе призывов в классическом понимании этого термина либо не носят конкретного характера. Также сейчас невозможно привлечение к уголовной ответственности по ст.205.1, 205.2 УК РФ лиц, распространяющих по сети Интернет обращения с просьбами (а не призывами) поддержать террористическую деятельность».[14]

Вариантом решения данной проблемы может стать введение в УК РФ нормы «Публичное распространение или иное представление информации в террористических целях», диспозицию которой необходимо изложить в соответствии со ст.5 Конвенции Совета Европы применительно к российскому законодательству. Данная норма в полном объеме может способствовать реализации положений п.2 ст.3 Федерального закона от 26.02.2006 г. № 32-ФЗ «О противодействии терроризму» о квалификации

как террористической деятельности «пропаганды идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».[15]

Таким образом, в условиях активизации незаконного использования информационного пространства в террористических целях существует необходимость нивелирования имеющихся пробелов в правовом регулировании обеспечения информационной безопасности. При актуализации использования незаконными террористическими формированиями информационной составляющей в совершении акций терроризма и его пропаганды своевременным представляется принятие закона «О противодействии незаконному использованию информационной сферы», также введение в УК РФ нормы «Публичное распространение или иное представление информации в террористических целях». Выработка и реализация предложенных мероприятий будет способствовать формированию информационной безопасности в классическом понимании этого слова: защиту информации и защиту от информации (негативной, необъективной, угрожающей национальным интересам). Но не менее актуальным представляется также использование превентивного воздействия на информационное поле: формирование достоверного информационного пространства и распространение объективной информации, степень важности которых в антитеррористической деятельности переоценить сложно. Данная область требует дальнейших исследований и разработок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.В. Международный терроризм и международная безопасность нового качества // Закон и право. 2008. №8. С.7.
2. Расторгуев С.П. Основы информационной безопасности: учебное пособие для студ. высших учебных заведений. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2009. С.16.
3. См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895. URL: http://www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtm (дата обращения: 25.11.2013); Положение о сотрудничестве государств – членов ОДКБ в сфере обеспечения информационной безопасности, утвержденное решени-

- ем СКБ 10.12.2010. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=50857> (дата обращения: 29.10.2013).
4. Владимирова Т.В. К социальной природе понятия «информационная безопасность» // NB: Национальная безопасность. 2013. № 4. URL: http://e-notabene.ru/nb/article_596.html (дата обращения: 03.12.2013)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. №63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf/10_34.html#p3613 (дата обращения: 03.12.2013).
6. Лихачева А.А., Мазуренко П.Н., Полторацкий А.С. Действия членов следственно – оперативной группы на месте происшествия по сообщениям о терроризме (тактика осмотра): учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2013. С.9.
7. Марко Герке. Понимание киберпреступности: явление, задачи, законодательный ответ. Женева, 2012. № 10. С.11.
8. Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности. М.: Издательский дом «Парад», 2005. С.253.
9. Гринь В.Я. Стратегия противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: состояние и перспективы // Организация противодействия преступлениям против мира и безопасности человечества, экстремизму и терроризму: исторический опыт и современность: сб. материалов межведомств. науч-практической конференции 17 ноября 2011г./ под общ. ред. ректора Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктора юридических наук, профессора О.С. Капинус. М.: Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2012. С.152.
10. Опасные сети: аналитика // Портал «Наука и образование против террора». URL: <http://scienceport.ru/analitics/Opasnye-seti-8338.html> (дата обращения: 29.10.2013).
11. Барановская В. Бумага терпит. Пока. Совершенствование законодательства в области электронного документооборота ограничит бюрократический произвол: беседа с Комиссаровым В. // Российская газета. 2010. 12 мая. URL: <http://www.rg.ru/2010/05/12/komissarov.html> (дата обращения: 28.11.2013); Разуваев В., Аверина О. Нужен ли закон об Интернете? // «ЭЖ-Юрист». 2010. № 39. URL: <http://www.lawmix.ru/bux/2610> (дата обращения: 28.11.2013).
12. Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» (CETS № 196). Варшава, 16 мая 2005 года. Ратифицирована Федеральным законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ // Государства – члены ОДКБ в борьбе с терроризмом: сборник законодательства / под общ. ред. Н.Н. Бордюжи. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. С.212.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. М.В. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С.568.
14. Шувалкин П. В. О совершенствовании системы противодействия экстремистской и террористической деятельности в открытых телекоммуникационных сетях // Экстремизму – отпор!: материалы Первого молодежного форума Приволжского федерального округа (г. Пенза, 25–26 октября 2012 г.) / под ред. д-ра юрид. наук, доц. Г. В. Синцова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2012. С.13.
15. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=154022;fld=134;dst=4294967295;rnd=0.03546974761411548;from=149786-0> (дата обращения: 18.11.2013).

Д.А. Рыбалкин
(КЮИ МВД России)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО ИХ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматривается иерархия мотивов личности, выступающих основными компонентами антикоррупционной позиции в соотношении с вектором направленности на себя, на профессиональную деятельность и на окружающий мир.

Ключевые слова: структура антикоррупционной позиции личности, мотивы, направленность

В современный период тема борьбы с коррупцией находится в центре внимания научной общественности России, а изучение проблем борьбы с коррупцией невозможно без определения ее понятия и сущности.[1] Анализ научной литературы показал, что антикоррупционная позиция личности представляет собой совокупность доминирующих отношений личности к коррупции. Было выявлено, что вопрос о структуре антикоррупционной позиции личности переходит в вопрос о структуре направленности отношений, образованной совокупностью мотивов.

Все мотивы, являющиеся основными компонентами антикоррупционной позиции личности, могут дифференцироваться в зависимости от вектора направленности человека к окружающему, к самому себе и к деятельности.

Дифференцируя влечение как наиболее примитивную форму мотивов личности со-гласно вектору направленности, необходимо отметить, что она наименее всего исследована в психологии. При этом большинство исследователей в своих работах, как правило, лишь упоминают об этой форме направленности и характеризуют ее низким уровнем осознанности потребности. Более не изучен вопрос о видах влечений. Поскольку дифференциация всех влечений человека на влечение к продолжению рода и влечению к смерти, предложенная З. Фрейдом, признается большинством от-

ественных ученых крайне неубедительной, не имеет смысла опираться на нее при решении данного вопроса. В то же время Э. Кречмер предлагает группировать все влечения человека вокруг трех главных жизненных пунктов: принятия пищи, охранения от опасности и размножения. Сравнивая их с различными векторами направленности отношений личности нетрудно заметить их взаимосвязь. Так, отношению человека к себе соответствует влечение к пище, отношению человека к окружающему – влечение охранения от опасности и размножения. При этом (что более интересно для нашего исследования), согласно Э. Кречмеру, «на узкое пространство влечения к пище налагается более широкий круг родственных влечению установок, которые связаны с обладанием и с приобретением денег, но все еще там и здесь имеют подобные влечению компоненты, которые, как, например, скупость, страсть к собиранию и т. п., по своей темной непреодолимой аффективной силе, по своей индивидуальной неподвижности и бессмысленности, т.е. по слабой приспособленности к некоторым единичным ситуациям, очень мало отличаются от настоящих влечений и встречаются особенно часто в пограничных психопатологических областях».

Применяя эти выводы к понятию антикоррупционной позиции личности, необходимо отметить, что именно влечение к пище (точнее совокупность близких к нему

влечений) в отличие от других влечений как предпосылок формирования мотива является потенциальной основой коррупционной деятельности. Однако поскольку влечения представляют собой смутно осознаваемый вид мотивационных образований личности, когда человек осознает потребность, но не представляет своих действий по ее удовлетворению, преодоление и профилактика влечений, связанных с коррупционной деятельностью (влечение к деньгам, легкой наживе и т.п.), входящих в группу влечения к пище, может явиться неразрешимой задачей.

Рассматривая следующий вид мотивационных образований личности согласно вектору направленности, важно отметить, что вопрос о видах желаний человека практически не поднимался в научной литературе, в связи с чем нет возможности рассуждать о наиболее потенциально опасных в плане детерминации коррупционного поведения личности видах желаний. Однако можно отметить, что желания по сравнению с влечением менее эмоционально окрашены и поэтому менее устойчивы. Даже когда человек говорит о большом желании чего-либо, это не означает, что желаемая цель будет достигнута. В этом смысле желания человека, способные детерминировать коррупционное поведение личности, не представляют реальной угрозы, поскольку сила таких мотивов невысока.

В отличие от желаний, интересы человека представляют собой гораздо более устойчивое положительное эмоциональное отношение личности к объекту. Интересы людей чрезвычайно разнообразны, как разнообразна человеческая деятельность. Интересы, прежде всего, различают по их содержанию или направленности. В этом плане можно выделить материальные, общественно-политические, профессионально-трудовые, познавательные, эстетические, читательские, спортивные и др.[2] Проявляясь в деятельности, каждый из этих интересов может придавать поведению человека как положительную, так и отрицательную окраску. Так, например, материальный интерес может проявляться в стремлении к жилищным удобствам, в интересе к одежде и т.п.,

либо носить формы стяжательства, стремления к роскоши, накоплению имущества, провоцирующие коррупционные действия. Поэтому, будучи устойчивыми, любые интересы личности могут явиться потенциальными причинами коррупции. Тем более что «интерес порождает склонность или переходит в нее». Так, неоднократно выраженный в коррупционном действии материальный интерес может перейти в склонность личности к коррупции.

Следующая по значимости форма направленности отношений личности – идеалы формируются под непосредственным общественным влиянием. Наличие идеала означает высокий уровень развития личности, характеризует благородство ее помыслов и целеустремленности. А поскольку идеалы формируются под непосредственным общественным влиянием, они представляют собой моральные представления о долге, о лежащих на нас обязанностях, которые также регулируют наше поведение. Тем самым наличие идеалов в структуре мотивов личности выступает залогом формирования антикоррупционной позиции личности в обществе, осуждающем коррупцию как социальное явление.

Убеждения, как дальнейшая ступень в иерархии мотивационно-потребностной сферы человека, основываются на знаниях и включают личностное отношение к этим знаниям, представляя собой синтез объективного и субъективного. Вопрос о видах убеждений личности является открытым, однако некоторые исследователи предлагают варианты, созвучные с идеей об основных векторах направленности отношений. Так, В.В. Савчук в своем диссертационном исследовании рассматривает личные и общественно-значимые убеждения, диссертация С.А. Гогуневой посвящена изучению профессионально-значимым убеждениям. При этом все эти виды убеждений могут быть как ложными, так и истинными, в зависимости от истинности знания, выступающего предпосылкой убеждения. Так, профессионально-значимое убеждение об отрицательном влиянии коррупции на качество профессиональной деятельности яв-

ляется истинным, поскольку основано на истинном знании о том, что в ходе коррупционных действий задачи профессиональной деятельности не выполняются полностью или частично. Таким образом, истинные убеждения личности всегда носят антикоррупционный характер, поскольку истинные знания о коррупции всегда указывают на отрицательный и разрушительный эффект данного вида деятельности, как для социума в целом, так и для профессиональной деятельности и отдельно взятого человека.

Наконец, мировоззрение личности, также основанное на знаниях, может приобретать три основные формы в зависимости от типа используемых знаний: научных, обыденных и религиозных (вера), причем недостаток тех или иных знаний об одной области действительности легко компенсируется за счет знаний о другой. Разделение типов мировоззрения, согласно рассматри-

ваемым векторам направленности, будет крайне условным, поскольку каждый из них содержит как знания о мире, так и самом себе.

Обыденное мировоззрение происходит на уровне ощущений. Здесь фиксируются лишь отдельные, внешние проявления бытия, мир явлений, а не сущностей. На следующем по глубине уровне отражения – религиозном мировоззрении – создается уже целостная картина мира, обозначается взаимосвязь процессов и явлений, происходит фиксация их тождества и различия. Однако на этом уровне мировоззрение ограничено больше чувственным опытом, нежели рациональным мышлением, здесь чувства и рассудок еще преобладают над разумом. И только тогда, когда происходит отражение посредством понятий, формируется научное мировоззрение, способное вскрыть закономерности и сущность явлений и про-

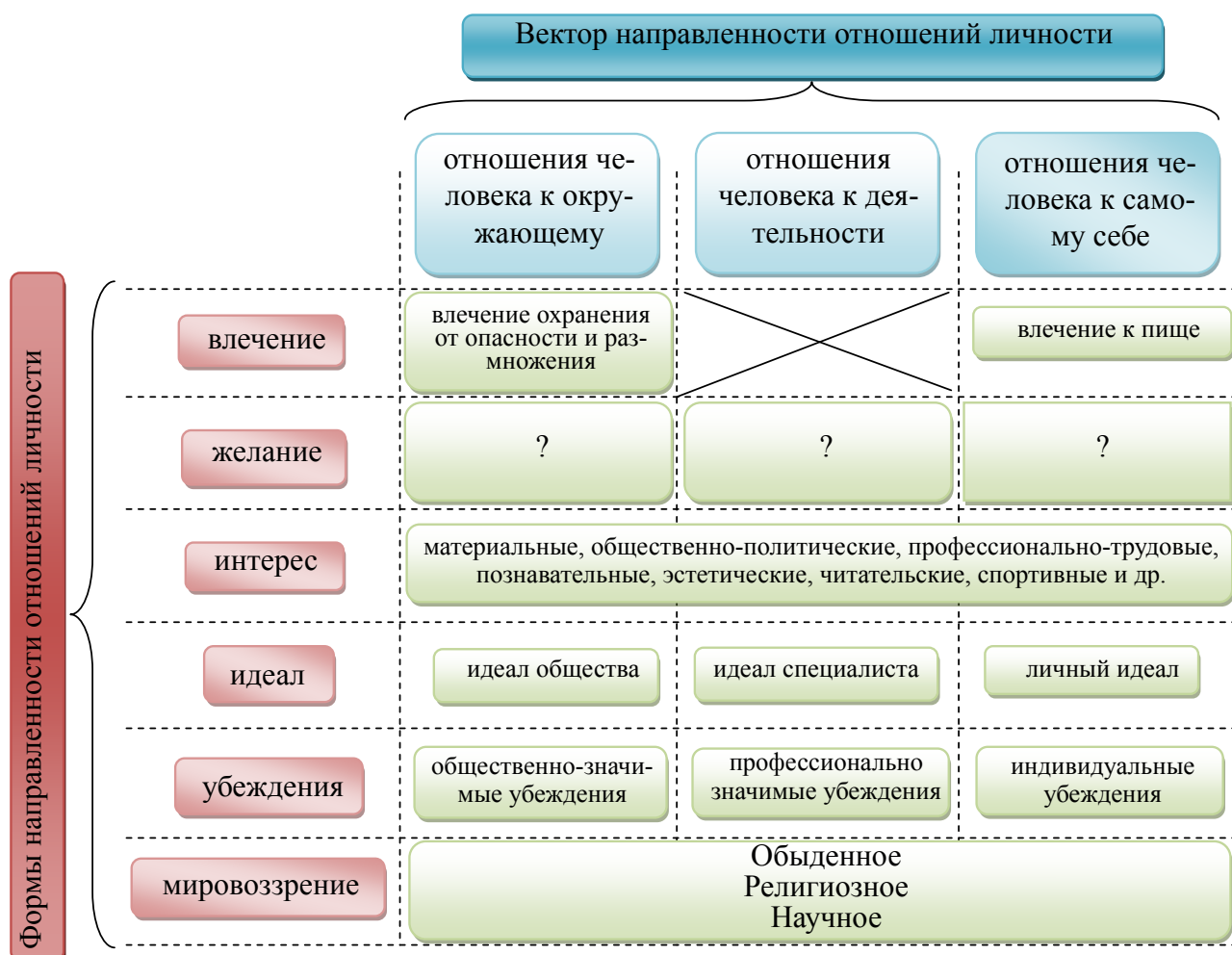

Рисунок 1. Структура антикоррупционной позиции личности

цессов. Понятийное отражение – это самый глубокий уровень отражения, связанный с абстрактным мышлением и теоретическим познанием. Таким образом, обыденное мировоззрение личности более всего способствует мотивации коррупционной деятельности, поскольку человек, наблюдая коррупционные явления в различных жизненных ситуациях, формирует к ним положительное отношение, глубоко не задумываясь о разрушительном действии коррупции. На уровне религиозного мировоззрения человек может позволять себе осуществлять поступки коррупционного характера изредка, понимая на чувственном уровне их вред и в то же время успокаивая себя возможностью искупления этого греха. Поэтому только научное мировоззрение может выступать гарантом антикоррупционного поведения личности.

Таковы основные виды мотивов, выступающих структурными элементами антикоррупционной позиции личности (см. рис. 1). Очевидно, что в каждом конкретном случае набор мотивов образующих антикоррупционную позицию, зависит от индивидуальных особенностей личности и в каждую из рассмотренных выше групп мотивов может входить бесконечное число частных мотивов.

«Они укладываются в широкий спектр между двух полярных величин: от «индивидуализма» до «альтруизма», от «скупости» до «щедрости», от «жестокости» до «любви», от «пессимизма» до «оптимизма», от «анархии» до «пунктуальности», от «разнузданности» до «пуританства» и т.д.».[3]

Тем не менее, важно понимать, что все мотивы личности, а соответственно, и их группы, находятся в строгой иерархии, предполагающей четкий выбор низлежащих мотивов в зависимости от более высших. Так, очевидно, что большинство убеждений человека, обладающего научным мировоззрением должны быть истинными, чего не скажешь о человеке с религиозным мировоззрением, а тем более с обыденным, знание на котором богато своими неточностями. Таким образом, структурируя всю совокупность описанных

групп мотивов, получаем возможность выявить такую их часть, которая больше всего способствует возникновению коррупционной деятельности. Далее следует отобрать такую часть мотивов личности, которая делает коррупционную деятельность возможной, но и обладает вариантами развития других видов деятельности. Наконец, необходимо определить группу мотивов, которые не в состоянии побудить коррупционную деятельность. При этом доминирование одной из этих трех групп мотивов в личности будет образовывать ее антикоррупционную позицию, которая в первом случае будет отсутствовать, во втором случае будет слабой, а в третьем – устойчивой. Так, неустойчивую антикоррупционную позицию личности образуют влечение к пище, ярко выраженные интересы личности, носящие антиобщественный и эгоистический характер, преобладание ложных убеждений и, как следствие, обыденное мировоззрение. Слабая антикоррупционная позиция личности образована следующими группами мотивов: наличие многих (в том числе социально неодобряемых) интересов, одинаковое соотношение ложных и истинных убеждений, религиозное мировоззрение. Наконец, устойчивая антикоррупционная позиция характеризуется преобладанием следующих мотивов: разносторонностью интересов личности, наличием идеалов, преобладанием истинных убеждений, научным мировоззрением.

Таким образом, в целом именно мировоззрение определяет уровень развития анти-коррупционной позиции личности. При этом именно мировоззрение и убеждения человека, согласно точке зрения К.К. Платонова и Г.Г. Голубева, определяют его моральные качества. Моральные свойства личности, моральные убеждения, моральные чувства - отражение нравственных норм и вместе с тем регулятор нравственных поступков данной личности.

Моральные качества весьма отчетливо проявляются в совести личности. Совесть - нравственная самооценка человеком своих поступков с принятыми им нравственными принципами и нормами поведения.

Но у человека в отношении некоторых его поступков может не быть необходимого знания норм поведения. В других случаях эти знания могут быть неглубокими, не ставшими убеждениями. О таких людях говорят, как о морально невоспитанных.[4] Однако назвать современных коррупционеров морально невоспитанными людьми нельзя, поскольку проблема коррупции и ее нравственная характеристика постоянно поднимается в СМИ, научной печати и др., поэтому практически все люди достаточно осведомлены о безнравственности коррупционных действий. Напротив, большинство коррупционеров отлично представляют себе нравственные нормы общества, в котором они живут, но считают их правильными только для других, а не для себя, не испытывают угрызений совести при самооценке своих поступков и поэтому могут характеризоваться как бессовестные люди.

Совесть тесно связана со стыдом. Стыд — это моральное чувство, переживаемое как унижение, тягостное беспокойство, неудовлетворенность собой, сожаление о совершенном поступке и осуждение его. Стыд может возникнуть и при воспомина-

нии о содеянном, причем как «за себя», так и «за других».

Исходя из этого, вопрос становления и развития антикоррупционной позиции личности и ее наиболее важных отдельных элементов тесным образом связан с понятием нравственности.

Таким образом, проведенный анализ содержания и структуры антикоррупционной позиции личности позволяет сделать ряд выводов:

- антикоррупционная позиция личности представляет собой совокупность мотивов личности, объединенных своей направленностью, векторами которой может выступать сам человек, его профессиональная деятельность либо окружающий мир;

- поскольку мотивы личности находятся в иерархическом подчинении, мировоззрение личности главным образом обуславливает уровень развития антикоррупционной позиции личности;

- мировоззрение и убеждения составляют мораль личности и ее нравственность, воспитывая которые можно переводить антикоррупционную позицию на более высокий уровень.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сахапов И.Р. Коррупция. Понятие и формы ее проявления в ОВД // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. №3. С.139-144.
2. Ковалев А.Г. Психология личности. М.: Просвещение, 1965. С.102.
3. Педагогика: учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 1998. С.435.
4. Платонов К.К., Голубев Г.Г. Психология: учебник для индустриально-пед. техникумов. М.: Высшая школа, 1973. С.129-132.

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Плотникова Александра Ивановича на тему «Объективное и субъективное в преступлении», представленной в диссертационный совет Д 212.123.01 по присуждению докторских и кандидатских диссертаций при Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – право и криминология; уголовно-исполнительное право

Проблема объективного и субъективного в преступлении уже многие годы (если не столетия) привлекает внимание философов, психологов, социологов, криминологов, а также исследователей в сфере уголовного права. В этой сфере, безусловно, имеются определенные достижения, однако следственная и судебная практика встречаются с определенными формами общественно опасного поведения людей, которые вновь и вновь порождают потребность в теоретическом осмыслении объективного и субъективного в преступлении в целях обоснования оснований и пределов уголовной ответственности правонарушителя либо отсутствия на то правовых оснований.

Наибольшее число работ по проблеме объективного и субъективного в поведении человека принадлежат философам, психологам, социологам и другим специалистам в сфере гуманитарных наук, в которых проблема криминального поведения людей, хотя иногда и затрагивается, однако поскольку целью и задачами таких исследований не является познание объективного и субъективного в противоправном (в частности, в криминальном) поведении, названная проблематика исследуется, как правило, попутно и лишь в пределах решения задач исследования либо остается без изучения и освещения.

Поэтому в диссертации Плотникова А.И. снова обращается внимание на то, что в работах философов, психологов, социологов и других специалистов, интересующихся поведением и деятельностью людей, не подлежащих правовой оценке с точки зрения дозволенного или запрещенного законом, как правило, не отражаются особенности объективного и субъективного в преступном поведении.

С этой точки зрения научно-квалификационная работа Плотникова А.И., направленная на углубление имеющихся и получение новых научных знаний по проблеме

объективного и субъективного в преступном поведении человека заслуживает одобрения и может быть признана актуальной в теоретическом и прикладном аспектах.

Вряд ли можно согласиться с утверждением соискателя о том, что в теории уголовного права объективные и субъективные признаки преступления исследованы недостаточно (С.9 дис., С.7 автореф.). Эти вопросы, как мне представляется, весьма разносторонне исследованы в работах С.В. Векленко, Н.Д. Дурманова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.А. Пионтковского, А.И. Рарога, В.А. Якушина и других криминалистов.

Вместе с тем следует согласиться с соискателем в том, что сфера единства, взаимного влияния объективного и субъективного, их перехода одного в другое на различных уровнях познания комплексно в акте преступления практически не исследована. Поэтому заслуживает поддержки то, что в рецензируемой диссертации объективное и субъективное в преступлении исследуются не только со стороны их различия, но и в диалектическом единстве.

Научная новизна диссертации Плотникова А.И. заключается в том, что в ней впервые в отечественной уголовно-правовой теории преступление рассматривается с точки зрения науки философии как обобщение *первого* (наивысшего) *уровня*, в котором объективные и субъективные элементы укрупнены и отражают взаимосвязь с социальной средой (свойства), представляя не просто логические, но и социально-правовые смыслы (виновность, противоправность, наказуемость). В отличие от понятия состава преступления понятие преступления в диссертации рассматривается не как его отдельные элементы, а как акт преступного поведения в целом с точки зрения социального значения, социально-юридической сущности. В познавательном плане соискатель преступление рассматривает как *объек-*

тивное явление (логическую структуру) во всех его мыслимых элементах и свойствах.

На уровне общего понятия, по утверждению соискателя, преступление включает *субъективное второго порядка* (подчиненную, второстепенную, с точки зрения познания, субъективность), охватывая сознание субъекта преступления и иных лиц, задействованных в нем. В общем понятии преступления выражено *и субъективное третьего порядка*, поскольку оно производно от сознания и воли законодателя, *и субъективное четвертого порядка* (правоприменительная интерпретация преступления).

Новым в теории уголовного права, по моему мнению, является и трактовка состава преступления как понятия, выражающего *обобщение второго уровня* и отражающее индивидуальные акты общественно опасного поведения в обобщенном виде, но одновременно и рассеченным на основные структурные элементы (модель, чертеж, схему). В познавательном плане *субъективное* в составе преступления (в первом порядке) исчерпывается *психической деятельностью* лица, совершающего (по законодательной характеристике) общественно опасное деяние. Все остальные элементы противостоят ей как *объективные*. Вместе с тем объективное (во втором порядке) в нем может включать (поглощать) и субъективное – сознание иных лиц, задействованных в преступлении (потерпевших, соучастников и др.).

Таким образом, *объективное первого порядка* в составе преступления включает *субъективное второго порядка* как второстепенную субъективность (с точки зрения распознавания преступления). В свою очередь, *субъективное первого порядка* в составе – сознание лица, совершающего общественно опасное деяние, во *втором порядке* содержит объективное – отражение объективных элементов преступления.

Разделение объективного и субъективного на уровне индивидуального поведения рассматривается в качестве третьего уровня познания. В диссертации указывается на то, что объективные и субъективные компоненты индивидуального поступка специфичны и рассматриваются в двух ракурсах: по элементарной структуре (для установления соответствия составу) и в целостности (для обнаружения сущности). Поэтому объек-

тивное и субъективное в отдельном преступлении соответствует как уровню состава преступления, так и уровню преступления в целом.

В работе Плотникова А.И., с точки зрения учения об объективном и субъективном в преступлении, рассматривается соотношение понятий состава преступления и преступления, их служебное назначение.

Как логические конструкции, эти понятия в диссертации рассматриваются как различные. Однако в них имеет место один и тот же предмет – преступление, но в разных ракурсах (элементов и сущности). На основании этих суждений автор заключает, что для вывода о наличии преступления необходимо установление соответствия деяния как составу преступления, так и понятию преступления.

В главе первой диссертации «Методологические основы установления объективных и субъективных признаков преступления», состоящей из шести параграфов (С.27-92), исследуются философские, психологические и лингвистические аспекты учения об объективном и субъективном в преступлении, а также и в поведении человека, не подпадающем под действие уголовного закона или иных правовых запретов. В работе Плотникова А.И. на основе новых философских взглядов на проблему соотношения и взаимодействия необходимости и случайности раскрываются причины появления учения о «синергетике», подвергается критике ущербность взглядов марксистско-ленинской философии и теории уголовного права советского и постсоветского времени по этим вопросам.

В диссертации высказывается несогласие с пониманием квалификации преступления как установления сходства или тождества совершенного деяния и признаков состава преступления, поскольку такой подход будто бы ведет к пониманию квалификации преступления как механического процесса наложения одного на другое. Плотниковым А.И. формулируется теоретическое положение о том, что квалификация преступления есть *творческий акт сличения деяния и законодательной модели преступления*, а этот процесс несет отпечаток личности и правосознания правоприменителя.

Названные выше соображения соискате-

ля представляются убедительными и не вызывают возражений.

Во второй главе диссертации «Объективная сторона преступления», состоящей из двух параграфов (§ 2-ой подразделен на три подпараграфа) (С.92-185), исследуются признаки объективной стороны, показывается субъективное в признаках объективной стороны преступления.

Новым в этой главе представляется теоретическое положение о том, что деяние в уголовно-правовом смысле не совпадает полностью с деянием в психофизиологическом значении, что предопределяет недостаточность оценки его как психофизиологического акта, что при рассмотрении деяния как элемента объективной стороны состава преступления неправомерно характеризовать его через субъективные свойства. В этой главе диссертации теория необходимого причинения, получившая наибольшее признание в теории российского уголовного права, рассматривается как теоретически недостаточно обоснованная и практически неприемлемая; утверждается, что причинная связь в уголовном праве на уровне индивидуального акта поведения содержательно (онтологически) является частично субъективной, а частично объективной.

В диссертации утверждается, что попытка установить причинную связь при помощи категории необходимости и ее отграничения от случайности не учитывает укорененность случайности в самом основании природных и социальных процессов, ее слитность и нераздельность с необходимостью; с неразличением абстрактно-теоретического и предметно-практического уровня познания.

Эти разработанные в диссертации теоретические положения приемлемы с точки зрения науки философии, ее различных школ и направлений, однако с прикладной точки зрения в уголовном праве, особенно с точки зрения потребностей следственно-прокурорской и судебной практики, по моему мнению, ущербны, поскольку лишают правоприменителя более или менее четких (конкретных) критериев определения наличия или отсутствия причинной связи между общественно опасным действием (бездействием) правонарушителя и наступившим общественно опасным последствием.

Научная новизна научно-квалификационной работы Плотникова А.И. определяется также содержащимися в ней выводами о необходимости учета в уголовно-правовом исследовании и оценке преступления относительности объективных и субъективных элементов и признаков преступления, в разработке им критериев и условий переходов одного в другое и разграничении их путем установления различных уровней обобщения и взаимосвязи, т.е. *формирования концепции иерархичности объективного и субъективного в преступлении, уровней и приоритетов в его познании* (С.12).

В главе третьей диссертации «Субъективная сторона преступления», состоящей из трех параграфов (С.186-305), раскрывается понятие и структура субъективной стороны преступления, и в частности, вины как центрального элемента субъективной стороны. Соискатель подвергает критике суждения отдельных криминалистов, усматривающих в вине лишь психологическое содержание без учета значения объективного в ее содержании.

Соискатель не соглашается с преобладающей в теории российского уголовного права трактовкой вины как признака преступления, поскольку это якобы не согласуется с законодательным статусом вины как принципа уголовной ответственности, который должен проявляться и в характеристике всего преступления, и отражать его влияние на общественные отношения.

С учетом сказанного соискатель предлагает рассматривать содержание вины как нарушение *социальной нормы* – сложившимся в обществе представлениям о границах поведения человека, а *сущность вины* – в невыполнении долга, основанного на чувстве совести (С.19-20).

Такая трактовка вины в науке уголовного права является новой, имеет право на использование в теории в качестве оригинальной научной идеи.

Однако, по моему мнению, наиболее удачной и понятной практикам является точка зрения, согласно которой виной признается отрицательно оцениваемое с точки зрения общественной нравственности и уголовного закона психическое отношение лица к совершению запрещенного уголовным законом деяния и его возможным либо на-

ступившим последствиям, а сущность вины усматривается в отрицательном отношении лица к установленному уголовным законом запрету определенного поведения и возможным либо наступившим общественно опасным последствиям такого поведения.

А.И. Плотниковым подвергается критике сформулированное в ст.8 УК РФ понятие основания уголовной ответственности как совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, поскольку якобы в такой редакции ст.8 УК акцент делается на формальных основаниях уголовной ответственности, что противоречит ч.2 ст.14 УК РФ.

Соискатель приходит к выводу, что основание ответственности (ст.8 УК РФ) должно характеризоваться не только как совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, но как *виновное* совершение общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления (С. 21, 303, 366).

Предложенная соискателем идея относительно улучшения законодательной характеристики основания уголовной ответственности, содержащейся ст.8 УК РФ, как теоретическое положение, конечно, не может нанести вреда правоприменительной практике и поэтому может использоваться в научном обороте, однако ничего не добавляет с прикладной точки зрения. В теории российского уголовного права уже многие десятилетия успешно используется ныне закрепленное в уголовном законе определение понятия основания уголовной ответственности, не вызывает разночтений в теории уголовного права, а также в следственной и судебной практике.

Заслуживает одобрения, разработанное в диссертации Плотникова А.И. теоретическое положение о том, что вина является морально-этическим оправданием уголовной ответственности как регулятора общественных отношений посредством объявления социально опасных деяний преступлениями и проявляется в единстве как субъективных, так и объективных признаков преступления. Первая часть этого теоретического положения (вина является морально-этическим оправданием уголовной ответственности) заслуживает поддержки и широкой пропаганды в обществе, поскольку

ку четкое понимание населением этой идеи может иметь существенное воспитательно-предупредительное значение.

Названную идею следует использовать при преподавании курса Общей и Особенной части уголовного права России.

Однако, по моему мнению, уголовную ответственность нельзя все же рассматривать в качестве регулятора общественных отношений.

Регулятором общественных отношений посредством объявления социально опасных деяний преступлениями является федеральный уголовный закон (предусмотренные в нем нормы права).

В главе третьей диссертации «Объективное и субъективное в отдельных юридических формах преступления», состоящей из трех параграфов (С.306-363), исследуются объективные и субъективные признаки соучастия, выявляются недостатки в правовом регулировании этого правового института, предлагаются рекомендации о преобразовании института соучастия по действующему УК РФ в институт стечения в одном преступлении нескольких лиц.

Соискателем предлагается градация типов взаимодействия нескольких лиц при совершении одного преступления по степени слитности (спайки) объективных и субъективных элементов в единое действующее начало с реорганизацией совместной деятельности в более широкий институт стечения преступников, в котором, наряду с соучастием, предусматриваются иные степени сочетания объективных и субъективных элементов: сопричинение преступления, причастность к преступлению и прикосновенность к преступлению. Плотниковым А.И. рекомендуется реформировать институт соучастия по действующему УК РФ в институт стечения в одном преступлении нескольких лиц. В ходе исследования объективных и субъективных признаков соучастия он пришел к выводу, что в случаях одностороннего воздействия или содействия (при подстрекательстве, пособничестве и организующем воздействии) нет совместной умышленной деятельности в субъективном смысле, но есть участие одних лиц в деятельности других, т.к. совместность деятельности предполагает обмен информацией и взаимодействие (С.342). Выход

из сложившейся противоречивой ситуации соискатель видит в преобразовании института соучастия в институт стечения в одном преступлении нескольких лиц. На примере некоторых зарубежных стран соискатель показывает, что указанные формы воздействия (содействия) рассматриваются как самостоятельные составы преступлений.

В диссертации Плотникова А.И. стадии совершения преступления характеризуются как развертывание субъективных элементов в объективные (объективацию субъективного). По его мнению, при полной объективации субъективных преставлений лица, совершающего деяние, в формально установленных юридических границах, преступление завершается. До данного момента возможен добровольный отказ от доведения преступления до конца. Однако при такой трактовке указанного вопроса остается нерешенным вопрос о добровольном отказе в случаях совершения оконченного преступления, при котором развитие причинной связи к преступному последствию характеризуется определенным периодом времени, в развитие которого виновный может вмешаться и предотвратить наступление преступного последствия.

Автор предлагает категорию вынужденного отказа от доведения начатого преступления до конца с приданием ему уголовно-правового значения основания уголовной ответственности.

Разработанные в диссертации Плотникова А.И. теоретические положения и рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства достаточно полно отражены в автореферате работы, изданном в 2012 г. тиражом 200 экземпляров (45 страниц текста вместе со списком литературы).

Положения, разработанные в рецензируемой диссертации, апробированы в 52 публикациях, в том числе в трех монографиях и в двенадцати статьях в изданиях, рекомендованных ВАКом. Эти положения докладывались и обсуждались на научных и научно-практических конференциях всероссийского и регионального уровня. Разработки соискателя используются в научно-исследовательской деятельности и учебном процессе в МГЮА им. О.Е. Кутафина, в Оренбургском аграрном университете и Оренбургском государственном университете.

Содержание диссертации Плотникова А.И., несмотря на широкое присутствие в ней положений из науки философии, психологии, логики и даже лингвистики, соответствует номенклатуре научных специальностей по юридическим наукам, в частности, научной специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

В целом диссертация Плотникова Александра Ивановича может быть оценена как научно-квалификационная работа, в которой на основе выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в науке российского уголовного права, т.е. она соответствует требованиям абзаца первого пункта 7-го Положения о порядке присуждения ученых степеней от 30 января 2002 года (в ред. постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475).

Вместе с тем в диссертации Плотникова А.И. имеются теоретические положения, вызывающие сомнение с точки зрения уголовно-правового воздействия на те или иные формы поведения людей, некорректные утверждения, недостатки технического характера, на которые считаю необходимым обратить внимание соискателя, членов диссертационного совета и присутствующих на защите в целях стимулирования дискуссии на заседании диссертационного совета.

1. В диссертации Плотникова А.И. содержатся научные положения, которые можно оценить либо как сформулированные небрежно или являющиеся противоречивыми. Так, в статьях 32 и 33 предлагаемой в диссертации главы 7 УК РФ под наименованием «стечение преступников в одном преступлении» имеются расхождения по содержанию. В ст.32 устанавливается, что «стечением преступников признается совершение (исполнение) преступления несколькими лицами, содействие совершению преступления до его начала либо оказание помощи лицу, совершившему его, после окончания преступления» (С.22). Из смысла ст.32 вытекает, что соискателем имеются в виду три формы стечения преступников в одном преступлении. Однако в предлагаемой ст.33 под заголовком «Формы стечения преступников» устанавливается, что

формами стечения преступников являются сопричинение преступления, причастность к преступлению, соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению, т.е. *четыре формы стечения преступников*. (С.23, 344). Такое расхождение в предлагаемых статьях УК нежелательно.

Новым в диссертации Плотникова А.И. является его предложение о введении в УК понятия «специального умысла» (С.21). Определение понятия специального умысла дается в рекомендуемой ст.25.1 УК в следующей формулировке: «В специально предусмотренных законом случаях деяние может быть совершенным умышленно и подлежащим ответственности только при указанных мотиве, цели, эмоции или их определенном сочетании».

Ответственность за неоконченное преступление со специальным умыслом наступает при наличии в деянии его специальных признаков» (*курсив мой* – В.М.).

Редакция ст.251 УК представляется сформулированной небрежно. Деяние не может быть подлежащим ответственности, а уголовной ответственности может подлежать лицо, совершившее преступление со специальным умыслом.

2. Я не разделяю суждения соискателя о том, что косвенный умысел не имеет в социально-психологическом смысле какого-либо качественного своеобразия в сравнении с прямым умыслом и не может интерпретироваться как нежелание наступления последствий. Уже многие годы теория российского уголовного права и судебная практика отличают покушение на преступление и приготовление к преступлению по прямому умыслу. Поэтому отказ от понятия косвенного умысла может повлечь сложности при разрешении названных вопросов.

Поэтому мне представляется спорным предлагаемое соискателем определение понятия «совершения преступления умышленно» (С.21). Соискатель предлагает законодательно установить, что «преступление признается совершенным умышленно, если лицо сознательно вызывает обстоятельства, образующие в соответствии с законом элементы преступления».

Сознательно вызванными являются такие обстоятельства, наступление которых лицо предвидело и не рассчитывало на их

предотвращение».

3. По моему мнению, не нуждается в пересмотре правовое регулирование соучастия в преступлении по действующему УК РФ и преобразование его в общий институт стечения преступников в одном преступлении (С. 22-23, 340-341).

Устранение из предлагаемого института признака умышленного поведения лица, введение в институт стечения нескольких преступников в одном преступлении, в числе других и так называемого «сопричинения в преступлении», повлечет за собой расширение оснований уголовной ответственности, а следовательно, и расширение уголовно-правового принуждения в стране, что не может быть поддержано по теоретическим и практическим соображениям.

4. В работе Плотникова А.И. имеются, по моему мнению, некорректные, а иногда и ошибочные утверждения.

Так, на с.54 диссертации критикуется распространенное в уголовно-правовой литературе утверждение (по мнению соискателя, «нашедшее... и законодательное воплощение – ч.2 ст. 3 УК РФ») [*курсив мой* – В.М.], что при квалификации преступления устанавливается тождество между признаками состава преступления и квалифицируемым деянием. Последнее утверждение не вызывает возражений, а то, что это нашло отражение в ч.2 ст.3 УК РФ – является своего рода натяжкой. В ч.2 ст. 3 УК РФ устанавливается «*Применение уголовного закона по аналогии не допускается*». Разве из такой формулировки закона вытекает, что при квалификации содеянного устанавливается тождество содеянного и состава преступления.

Критикуя учение о причинности и причине в марксистско-ленинской философии и советском уголовном праве, соискатель на с.75 диссертации пишет, что «большое распространение в советской философии, особенно в праве получили теории, связывающие причинно-следственные отношения с необходимостью. *Случайности отказано в праве, что либо вызывать и производить*» [*курсив мой* – В.М.]. При использовании положений из науки философии в научно-исследовательской деятельности (а я, как специалист в области науки уголовного права, уголовного процесса и уголовно-ис-

полнительного права, сформировался в советское время и в условиях доминирования марксистско-ленинской философии), мне не приходилось встречаться с публикациями, в которых бы утверждалось, что случайность (случайное) *не может что-либо вызывать или производить*.

Наоборот, считалось, что случайность (случайное) может (способно) *вызывать и производить*, однако лицо не может нести уголовную ответственность за случайные последствия своего поведения, поскольку случайное никому не дано предвидеть и предотвратить.

В диссертации В.Е. Жеребкин неоднократно причисляется к криминалистам (С.52, 90). Однако у названного автора нет ни одной публикации по уголовному праву, он является специалистом в области общей теории права.

5. Впечатляет эмпирическая база диссертационного исследования. В диссертации утверждается, что при работе над ней соискателем использованы материалы более 1000 уголовных дел на 1400 осужденных, рассматривавшихся Ленинским, Дзержинским, Промышленным и Центральным судами г. Оренбурга, в том числе 100 уголовных дел на 133 осужденных, рассмотренных Оренбургским областным судом; опубликованная судебная практика за последние 20 лет; результаты анкетирования 200 судебных и следственных работников; полученные другими исследователями данные (С.12).

Однако, насколько эта информация соответствует действительности, по материалам рецензируемой работы установить не удалось, к диссертации не приложена анкета, на основании которой производилось анкетирование соответствующих респондентов, нельзя понять, кого соискатель имеет в виду в качестве судебных работников (федеральных судей областного суда, судей районных судов, помощников судей федеральных судов, мировых судей, иных работников судов (администраторов, секретарей судебных заседаний и т.п.).

6. С нарушением установленных стандартов (небрежно) оформлен соискателем библиографический список, указываемые в нем законодательные акты и большинство литературных источников не содержат указаний на дату, место и год издания или принятия

, на количество страниц. Имеются и другие погрешности при оформлении этого списка.

7. В рецензируемой работе имеются описки (ошибки) орфографического и синтаксического характера (С.5, 6, 7, 24, 91, 99, 102, 135, 282 и др.).

Моя критика отдельных теоретических положений, а также рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства, разработанных Плотниковым А.И., в целом нестандартной и интересной диссертации, не умаляют положительной оценки содержательной части его научно-квалификационной работы.

Оппонируемая диссертация Плотникова Александра Ивановича свидетельствует о достаточно высокой его теоретической (в том числе философской и психологической) подготовке.

Поэтому я прихожу к выводу, что диссертация Плотникова А.И. является научно-квалификационной работой, в которой на основе выполненных соискателем исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в науке российского уголовного права, т.е. эта работа соответствует требованиям абзаца первого пункта 7-го Положения о порядке присуждения ученых степеней от 30 января 2002 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 20 июня 2011 г. № 475).

Содержание данной диссертации соответствует номенклатуре научных специальностей в области юридических наук 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Автор диссертации, Плотников Александр Иванович, заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 - уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

В.П. Малков

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации и Татарской АССР*

ABSTRACTS AND KEY WORDS

Komlev Y.Y. Modernist integration: prerequisites, types and experience synthesis of deviantological theories

Examines the main integrative theories of deviance and crime in the retrospective measurement, and the types of causality developed in the framework of positivism and neopositivism

Key words: micro-, macro-, micro-, macro - models, modernist integration: conceptual and propositional theory.

Kazantsev S.Y., Krasil'nikov V.I., Gayfutdinova A.M. Monitoring of prevention of deviant behavior of teenagers

In Privolzhsky and Vakhitovsky districts of Kazan together with the bodies of management of culture of municipal areas for 2010-2012 the experience of institutions of culture of municipal areas in the development and implementation of innovative projects aimed at organization of leisure of children and youth was summarized. The results were evaluated on the basis of data of the Commission on Affairs of minors and protection of their rights. There positive results of cooperation were noted.

Key words: teenagers, deviant activities, social formation, crisis, sense of justice.

Skorobogatov A.V. The concept of law as an element of legal reality

The article is devoted to research of law and philosophical value of category of "concept of the law". Based on the study of the essence of law and methodological foundations separate legal theories, the conclusion was made about the pluralism of the concept of law, its conditionality as General regularities of scientific development and peculiarities of social and cultural development of Russia at the modern stage.

Key words: the concept of law, the essence of law, legal theory, methodological research of the law.

Berezovskaya E.V. Subjects of the law: theoretical-methodological analysis

This article considers the basic problems of understanding the subjects of law as participants of legal relations in diverse values, their importance and significance in theoretical and sectoral levels.

Key words: subjects of the law, legal relationships, legal personality, the person, state, nation, state and non-state formations.

Varygin A.N., Yakovlev D.U. Crimes against life committed by women (criminological aspect)

The article analyzes the problem of violent crime, in particular criminological problems of crimes against life, which is committed by women, defined by their status, development trends and characteristics, determined by their degree of scientific readiness.

Key words: violent crime, the feminine violent crime, crimes against life committed by women.

Nomokonov V.A. Anti-crime policy: from liberalisation to radicalization?

The article focuses on the fact that in the sphere of fighting against crime there is no real anti-crime policy in Russia. A draft Concept of criminal-legal policy is also discussed. The author makes suggestions about radicalization of criminal and legal measures of fighting against organized crime and corruption.

Key words: anti-crime policy; criminal-legal policy; organized crime; corruption.

Demidova-Petrova E.V. Family as institute of socialization of the personality of the juvenile offender (on materials of the Republic of Tatarstan)

This article considers the family as the most important stage of socialization of the personality of the juvenile offender. Stages of socialization of the personality are described. The question of features of socialization of minors in single-parent families is raised.

Key words: family, socialization, minors, individual, parents, juvenile offender, the stages of socialization.

Baranchikova M.V. To the question of qualification of retail by the minor of alcoholic products

The article reveals the criminal-legal characteristic of section 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, shows the peculiarities of criminal liability for retail to minors of alcoholic products.

Key words: retail, minors buyer, alcoholic production, criminal responsibility of the seller.

Abutalipov A.R., Ilidzhev A.A. To the question of the legal nature of crimes against the management order in criminal law of Russia

Article is devoted to research of problems of definition of the legal nature of crimes against a management order. In the article a deep analysis is subjected to the genesis of development of legislation on crimes against public order in domestic criminal law, their place and importance in the Special Part of the Criminal Code. The study substantiates the need for the criminal law in such categories as "the interests of government." The study substantiates the need for the criminal law in the category of «the interest of public order».

Key words: the interest of public order, crimes against the state, criminal policy, the nature and degree of social danger, public authority.

Abdulganeev R.R. Improvement of preventing system of distribution of ideologycal religious extremism in the sphere of religious education

The article is devoted to the general and special measures of the prevention of religious extremism in system of training of specialists for the registered religious organizations in Russia. Within this article legal mechanisms and organizational approaches on formation of actual measures of internal control and the state supervision of training process in religious educational institutions are considered.

Key words: religious extremism, religious education, religious life of society, crime, religious extremism.

Ismagilov R.A. Some problems of qualification of plunder property from bodies of the dead and places of their burial

This article discusses the issues concerning the qualification of theft from the dead bodies and places of their burial, the approaches to the problems raised. On the basis of this study the author provides recommendations for the application of Art. 244 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: burial place, violation of bodies of the dead and places of their burials, body of the died person, article 244 of the Criminal code of the Russian Federation, qualification theft.

Mirolubov S.L. To the question of prerequisites use of results of operational search activity at investigation of crimes of the economic orientation

In article standard regulation of definition of crimes of an economic orientation is considered. The dynamics of these crimes, problems of investigation and collecting proofs is also analyzed. It is need to use the results of operational search activity for proof locates.

Key words: crimes of an economic orientation, proof problem, using results of operatively-searching activity in proving process.

Ogurzov A.E., Lukashin M.V. To the question of essence of the hidden supervision

In article are considered contents one of operative-action, provided by Federal law.

Key words: essence, operative-search subdivisions, operative-activity, perception, memorization.

Zhukovskaya I.V. Marketing socio-technologies in the system of higher professional education: a synergetic approach

Relevance of the scientific article is caused by a key position of marketing sotsio-technologies as main component in increase of competitiveness of higher education institution. In marketing communication in the system of higher education acquire an independent significance and rely on the formation of scientific concepts, taking into account the specifics of the Russian market of educational services.

Key words: synergy of researches, marketing, formation, system of methodology.

Nabiyev R.F. The first case of using special accounting knowledge in the sphere of international law (application of forensic accounting in the 14th century)

On the basis of comparison of the documents reflecting trade relations of Venetians with the Empire Dzhuchidov (ED) ("Golden Horde") in the XIV century, the author reveals the first reliably recorded case of using special accounting knowledge in the sphere of international law in the territory of our country. By implementation of a number of interacting financial operations (with registration of payment documents) imminent conflict was prevented.

Keywords: Forensic Accountant, settlement documents shortcut technique, signs, power of attorney, the method (principle) of double entry, Defter, treasurer, tag, rate, label, money, invoice, statement of cash, bill, Altyn, Barat, Balysh, hawala Taydulla Khatun, urtak

Kubasov O.P. Formation of law-enforcement professionally specialized competence among cadets (listeners) of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents the project-cluster model and discusses pedagogical conditions for the formation of a law enforcement professionally-specialized competence for cadets (students) on the basis of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Key words: law enforcement professional and specialized competence, design and cluster model, pedagogical conditions, networking, educational space, interactive social and vocational educational infrastructure

Slipchenko V.I. Types of the legal regime of information in the sphere of criminal legal proceedings of Ukraine

The proposed article is a comprehensive study of existing species of legal regulation of information in criminal proceedings in Ukraine. Investigating the specified perspective, the author makes a conclusion that the legal regime of information in the sphere of criminal proceedings is dynamic category, and functional differentiation is inherent in the term "information". On this basis the conclusion that the type of a legal regime of information in the sphere of criminal legal proceedings in practice can influence a procedural order of access and acquaintance with materials of criminal proceedings is drawn; features of carrying out separate types of investigative (search) and procedural actions; order of use of the received data in the course of proof, etc. That is the same materials of criminal proceedings can have some legal regimes at the same time that has to be considered both the charge party, and protection at their use or receiving access to them.

Key words: criminal proceeding, information, legal regime of the information, restricted access information, secret, which is protected by law, information for internal use only, confidential information.

Sheremet O.S. Corruption in Ukraine: public danger and state policy in the counteraction sphere

The general questions of corruption as social phenomenon are considered in article, the mechanism of the corrupted relations, dynamics of development of corruption in Ukraine and structure of punishments for corruption actions is investigated. It is based on the analysis of the peculiarities of the corruption of the processes taking place in Ukraine, proposals on improving anti-corruption activities and opportunities to counter it by the local authorities.

Key words: corruption, prevention, counteraction, bodies of local self-government.

Vitvitsky S.S. Efficiency of the state control and condition of its increase

The article reveals the content of the efficiency of state control and the terms of its increase. The author substantiates the conditions of increase of efficiency of state control, given their characteristics.

Key words: control, state control, the efficiency of state control, the terms of the efficiency of state control, public opinion, coordination of regulatory authorities, the modernization of the media, information policy, the openness and accessibility of public authorities.

Grigorovich V.L. Criminalistic photo and criminalistic holography: comparative analysis

The article deals with the relation of criminalistic photography as a traditional branch of criminalistic equipment, and criminalistic holography as innovative and promising industries. It is proved that, on the basis of the advantages and differences of photography and holography formed the background to create a separate branch criminalistic technology in criminalistic holography.

Key words: scientific and technical means, holography, photography, hologram, criminalistic holography, criminalistic photography, means and methods of criminalistic holography.

Kazachenok V.V. The service in the penitentiary facilities of the Kazan province in the 19th century - early 20th centuries

The article considers the procedure and conditions of service in the penitentiary institutions of Kazan province in the 19th century - early 20th centuries, reveals the structure of States of penitentiary institutions, as in Kazan, and in the counties of the province. The policy of the Central prison administration is traced to improve the quality of carrying prison service in various places of detention.

Key words: Service, the Kazan province, prison, superior, warders, guard.

Farvazova Y.U. Improving information security as part of anti-terrorist strategy of Russia

The aim of the research is to elaborate concrete proposals for improving the legislation of the Russian Federation in the sphere of counteraction to illegal use of the information space in terrorist activities. To achieve the goal presents the solution of the following tasks: study the relevant aspects of the use of information component in terrorism: when making its shares in propaganda; actualization of the issue about the emergence of radically new types of weapons and information; the role of the Internet and social media in the propaganda of terrorism. The necessity of legislative regulation of the sphere of informational development of the law «On countering the illegal use of information sphere», the adoption of which would promote the formation of a common conceptual framework and timely responses to destructive manifestations in the information space and the introduction of criminal legislation provisions On public dissemination or other information representation in terrorist purposes», that will allow to level the gaps of a legal nature.

Key words: information security; terrorism; information terrorism; cyberterrorism; information weapon; terrorism promotion; Internet; social networks; legislative regulation; criminal legislation.

Rybalkin D. A. Differentiation of structural components of the anti-corruption position of the personality on their orientation

In article the hierarchy of motives of the personality acting as the main components of an anti-corruption position in the ratio with a vector of an orientation on, on professional activity and on world around is considered.

Key words: structure of an anti-corruption position of the personality, motives, orientation

Malkov V.P.

REVIEW of Plotnikov Alexander Ivanovich's thesis on the subject "Objective and Subjective in a Crime", by Malkov V.P. official opponent of the doctor of legal Sciences, professor, the honored worker of science of the Russian Federation and of the Republic of Tatarstan. The thesis was presented to dissertation council D 212.123.01 for award of doctoral and master's degree at the Moscow state law academy of O. E. Kutafin specializing in - the law and criminology; criminal and executive law. Specialty number 12.00.08.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев Р.Р. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Абуталипов А.Р. – кандидат педагогических наук, доцент, прокурор по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях (г. Казань)

Баранчикова М.В. – кандидат юридических наук старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова

Березовская Е.В. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

Варыгин А.Н. – доктор юридических наук профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии
E-mail: van808@yandex.ru

Витвицкий С.С. – кандидат юридических наук, доцент Днепропетровского государственного университета внутренних дел
E-mail: larisa-nalivajko@rambler.ru

Гайфутдинова А.М. – аспирант кафедры социально-культурной деятельности Казанского государственного университета культуры и искусств
E-mail: likenike@bk.ru

Григорович В.Л. – кандидат юридических наук, доцент Академии МВД Республики Беларусь
E-mail: gvlmail@tut.by

Демидова-Петрова Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права КЮИ МВД России
E-mail: demidova.liza@gmail.ru

Жуковская И.В. – доктор экономических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Казанский юридический институт МВД России
E-mail: zh072@rambler.ru

Илиджев А.А. – кандидат юридических наук, доцент, преподаватель кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Исмагилов Р.А. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России,

Комлев Ю.Ю. – доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России
E-mail: levkom@list.ru

Казанцев С.Я. – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Казаченок В.В. – преподаватель кафедры административного права, административной деятельности и управления в органах внутренних дел Казанского юридического института МВД России

E-mail: kazachenokv@mail.ru

Красильников В.И. – доктор медицинских наук, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Кубасов О.П. – кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России

Лукашин М.В. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры ООРД Академии управления МВД России

Малков В.П. – доктор юридических наук, профессор заслуженный деятель науки РФ и ТАССР, профессор кафедры уголовного права

Миролюбов С.Л. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Набиев Р.Ф. – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

E-mail: nabiev_bulgmail.ru@

Номоконов В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

E-mail: nomokonov@rambler.ru

Огурцов А.Е. – преподаватель кафедры ООРД Академии управления МВД России

Рыбалкин Д.А. – преподаватель кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России

Слипченко В.И. – начальник кафедры уголовного процесса Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: slipchenko2006@rambler.ru

Скоробогатов А.В. – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Института экономики, управления и права (г. Казань)

E-mail: askorobogotov@rambler.ru av.skorobogotov@mail.ru

Фарвазова Ю.Р. – адъюнкт Казанского юридического института МВД России

E-mail: Julia.727@yandex.ru

Шеремет О.С. – кандидат юридических наук, доцент, секретарь Черниговского городского совета (г. Чернигов, Украина)

Яковлев Д.Ю. – соискатель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
3. К статье соискателя, адъюнкта должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
5. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, межстрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
7. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
8. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрусталевой Ольгой Николаевной (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru).